

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

ДОПРОС В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

**Материалы
Всероссийского круглого стола
30 ноября – 1 декабря 2018 года**

Санкт-Петербург
2019

УДК 340
ББК 67.5
Д 68

Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / Сост. К. Б. Калиновский, Л. А. Зашляпин. СПб.: ИД «Петрополис», 2019, 138 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам допроса в аспекте уголовного процесса, юридической лингвистики, криминалистики. В материалы включены тексты статей участников Всероссийского круглого стола «Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике», прошедшего в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия» (г. Санкт-Петербург) 30 ноября – 1 декабря 2018.

Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемными вопросами юридической лингвистики, уголовного процесса, криминалистики.

ISBN 978-5-9676-1034-9

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия», 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Международная ассоциация содействия правосудию
(МАСП / IUA), 2019
© ИД «Петрополис», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александров А. С.</i> РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПРЯМЫМ И ПЕРЕКРЕСТНЫМ ДОПРОСОМ	7
<i>Бондаренко Е. Н.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ ДОПРОСА, СВЯЗАННЫЕ С ПРОБЛЕМОЙ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ	13
<i>Брянская Е. В.</i> К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ПОКАЗАНИЙ В АСПЕКТЕ ИХ ЛОЖНОСТИ И ПРАВДИВОСТИ.....	18
<i>Ватутина О. Ю.</i> ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	24
<i>Власова Л. А., Попова И. В.</i> К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОПРОСА ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА.....	28
<i>Горшенева И. А., Кужевская Е. Б., Смык Е. И.</i> РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	32
<i>Грачев М. А.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ДОПРОСАХ	39
<i>Длимов А. А.</i> О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОПРОСОВ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ.....	44
<i>Дударев В. А.</i> ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ: ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	50
<i>Злоказов К. В., Ворошилова М. Б.</i> КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОПРОСА.....	56
<i>Ирина А. А., Лаврищева О. М.</i> СУЩНОСТЬ ОЧНОЙ СТАВКИ И ДОПРОСА	61
<i>Конин В. В., Сидоренко Е. В.</i> ДОПРОС: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	67
<i>Кучерков И. А.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ДОПРОСУ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	72

<i>Ларин А. А., Обидина Л. Б.</i> ДОПРОС С УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА	76
<i>Матвеева Л. Ю.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ РЕЧИ ДОПРАШИВАЕМОГО В ХОДЕ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ЗАПИСИ ДОПРОСА	85
<i>Россинский С. Б.</i> ОСОБОЕ ПРАВОВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ В ПОРЯДКЕ ГЛ. 12 УПК РФ)	91
<i>Садова Т. С., Руднев Д. В.</i> РОЛЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДОПРОСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»)	97
<i>Сильнов М. А.</i> О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОКАЗАНИЙ .	103
<i>Смолина Л. А., Сунгурова А. С.</i> ДОПРОС В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССАХ.....	110
<i>Стрелкова Ю. В.</i> СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВА ПРЯМОГО ДОПРОСА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ ВЕРДИКТА.....	115
<i>Хоменко А. Ю.</i> ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА В РАМКАХ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ПО СТ. 152 ГК РФ И СТ. 128 ¹ УК РФ.....	120
<i>Хорошева А. Е.</i> ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ...	125
<i>Защляпин Л. А.</i> НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОПРОСОВ (ВОПРОСОВ КАК ЕГО ЭЛЕМЕНТОВ).....	130

CONTENT

<i>Aleksandrov A. S.</i> DIFFERENCE BETWEEN DIRECT AND CROSS-EXAMINATION	7
<i>Bondarenko E. N.</i> LINGUISTIC REQUIREMENTS TO THE SPEECH SITUATION OF INTERROGATION RELATED TO THE PROBLEM OF ABUSE OF AUTHORITY	13
<i>Bryanskaya E. V.</i> TO THE QUESTION OF EVIDENTIARY VALUE OF TESTIMONY IN THE ASPECT OF THEIR FALSITY AND TRUTHFULNESS	18
<i>Vatutina O. Yu.</i> INTERROGATION OF A SPECIALIST IN COURT PROCEEDINGS ON CRIMINAL CASES: THEORY AND PRACTICE	24
<i>Vlasova L. A., Popova I. V.</i> ON THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF THE INTERROGATION OF A LINGUIST-EXPERT	28
<i>Gorsheneva I. A., Kuzhevskaya E. B., Smyk E. I.</i> SPEECH STRATEGIES IN LEGAL DISCOURSE.....	32
<i>Grachev M. A.</i> ON THE PROBLEM OF USING LINGUISTIC MEANS IN THE INTERROGATION PROCEDURE	39
<i>Dlimov A. A.</i> ABOUT THE REGULATION OF INTERROGATIONS IN KAZAKHSTAN AND RUSSIA.....	44
<i>Dudarev V. A.</i> INTERROGATION OF JUVENILE SUSPECTS AND DEFENDANTS: TACTICAL FEATURES.....	50
<i>Zlokazov K. V., Voroshilova M. B.</i> COGNITIVE AND LINGUISTIC TECHNOLOGY OF INTERROGATION	56
<i>Irina A. A., Lavrisheva O. M.</i> THE ESSENCE OF CONFRONTATION AND INTERROGATION.....	61
<i>Konin V. V., Sidorenko E. V.</i> INTERROGATION: PROCEDURAL AND TACTICAL ASPECTS	67
<i>Kucherkov I. A.</i> TERMINOLOGICAL APPROACHES TO INTERROGATION IN CONTINENTAL AND ANGLO-AMERICAN MODELS OF CRIMINAL PROCEEDINGS.....	72
<i>Larin A. A., Obidina L. B.</i> INTERPRETER-MEDIATED POLICE INTERROGATION.....	76

<i>Matveeva L. Yu.</i>	
IDENTIFICATION SIGNS OF SPEECH PREPARATION OF AN INTERVIEWEE	85
<i>Rossinsky S. B.</i>	
SPECIAL LEGAL PURPOSE OF THE INTERROGATION OF THE SUSPECT (DURING HIS DETENTION IN THE ORDER OF CHAPTER 12 OF THE RUSSIAN CODE OF CRIMINAL PROCEDURE)	91
<i>Sadova T. S., Rudnev D. V.</i>	
ROLE-PLAYING STRATEGIES OF LITERARY INTERROGATIONS (ON THE MATERIAL OF CHEKHOV'S STORY «DRAMA ON THE HUNT»)	97
<i>Silnov M. A.</i>	
ON THE CRITERIA FOR PERMISSIBLE PSYCHOLOGICAL IMPACT WHEN OBTAINING EVIDENCE	103
<i>Smolina L. A., Sungurova A. S.</i>	
INTERROGATION IN CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS	110
<i>Strelkova Y. V.</i>	
THE SPECIFICS OF THE DIRECT EXAMINATION OF THE JURY TRIAL IN THE ASPECT OF ENSURING THE OBJECTIVITY OF VERDICT	115
<i>Khomenko A. Yu.</i>	
COMPETENCE BOUNDARY OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERT IN CONSIDERATION OF ART. 152 OF THE CIVIL CODE AND ART. 128 ¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	120
<i>Khorosheva A. E.</i>	
TACTICS OF INTERROGATION OF THE EXPERT AND THE SPECIALIST IN COURT WITH PARTICIPATION OF JURYMEN.....	125
<i>Zashlyapin L. A.</i>	
REGULATION OF INTERROGATIONS (QUESTIONS AS ITS ELEMENTS)	130

*Александров А. С.*¹
Aleksandrov A. S.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПРЯМЫМ И ПЕРЕКРЕСТНЫМ ДОПРОСОМ

DIFFERENCE BETWEEN DIRECT AND CROSS-EXAMINATION

В прямом и перекрестном допросах на суде мы видим основу правовой организации доказывания и уголовного судопроизводства. Пока в отечественном законодательстве эти судебные-следственные действия не прописаны, наше уголовно-процессуальное право не может считать вполне правовым и государство — тоже. Борьба за это и есть настоящее признание процессуалистики на данный момент. А непонимание важности этой борьбы — признак недомыслия или рабской натуры.

Ключевые слова: прямой допрос, перекрестный допрос, уголовное судопроизводство, свобода.

In direct and cross-examination at court, we see the basis of the legal organization of evidence and criminal proceedings. As long as these judicial and investigative actions are not spelled out in the domestic legislation, our criminal procedural law cannot be considered completely legal, as well as our state. The struggle for this is the real vocation of proceduralism at the moment. A lack of understanding of the importance of this struggle is a sign of thoughtlessness or slave nature.

Keywords: direct interrogation, cross-examination, criminal justice, freedom.

*«Свобода, свобода... ты нам показала,
какого мы рода»*

Ю. Шевчук

Прежде чем сказать, чем отличается прямой допрос от перекрестного, надо пояснить, чем судебный допрос отличается от следственного, ибо прямым (перекрестным) может быть судебный допрос, но не следственный.

В следственном уголовном процессе, где доминирует следователь, допрос является основным средством получения личных доказательств. И хотя на суде могут проводиться допросы, более распространенным способом представления показаний, полученных на предварительном расследовании, является их

¹ АЛЕКСАНДРОВ Александр Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД РФ, доктор юридических наук, профессор.

ALEKSANDROV Alexander Sergeevich, Professor, Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

оглашение, т. е. оглашение содержания протокола следственного допроса (статья 281 УПК РФ).

Чем более в уголовно-процессуальном праве развито состязательное начало, тем более в нем развит институт судебного допроса в двух его составляющих: прямого и перекрестного.

Скажу более, наличие в уголовно-процессуальном праве норм, регулирующих прямой и перекрестный допросы в суде, есть признак развитой демократии, правового государства. Отсутствие таких норм есть симптом отсутствия и того и другого. Равно как и справедливого судебного разбирательства.

Этот пробел в правовой организации судебного расследования и доказывания не восполнить ничем: ни риторикой представителей судебной власти, ни юридической техникой законодательной власти, ни искусством следственного допроса представителя исполнительной (президентской?) власти в лице следователя СК РФ.

Люди будут бесправны перед обвинением в суде и в государстве, пока в кодексе, а лучше в конституции, не будет предусмотрено их право на проведение перекрестного допроса любого, кто опровергает их презумпцию невиновности. Важно и то, чтобы допрос подсудимого (при наличии его согласия давать показания) проводился по схеме прямого/перекрестного допросов. Соответственно, должно быть различие между всеми остальными способами получения устных сообщений о фактах от физических лиц — до суда и в суде.

Почему так? Объяснение кроется в различиях между устной и письменной речью как двумя разными способами общения людей при выработке и принятии решений. А тот или иной способ речевого общения, в свою очередь, связан с более глубокими сущностями: властью и истиной. Как построен порядок судебного допроса как в данном обществе (государстве) показывает то, как здесь построена власть и как принято выяснять истину в публичных делах. В патриархальных, патерналистских обществах, имеющих форму автократии, общественные отношения построены модели отца (лидера нации) и детей (подданных), который ведет монолог со своими детьми (подданными) и ставит их в известность о принятых (кулуарно) решениях. Такой тип общения с народом усвоен всеми чиновниками и во всех присутственных местах, не исключая судебные учреждения (суд присяжных, разумеется, не в счет). При демократии решения обсуждаются в собраниях, построенных на диалоге, в котором участвуют равные в правах речедееатели, а решения принимаются большинством.

Речевая коммуникация может быть построена по типу диалога и монолога. Следственный тип процесса основан на монологе власти, в основе состязательного (обвинительного) процесса лежит диалог. Следственный допрос встроен в следственный процесс — монолог, который следователь ведет, расследуя дело и устанавливая «объективную истину». Само уголовное дело (сказка) есть история о преступлении, написанная следователем, на основе тех сведений, которые он

получил из источников доказательств, включая показания. У текста следователя, разумеется, есть адресат, и им является, на первый взгляд, судья. Но ни судья, ни адвокат, ни общество имеет в виду следователь, составляя процессуальные документы, в которых излагает дело, на самом деле это — глава государства. Недаром современные творцы учения о следственной власти позиционируют ее как принадлежность власти президента России. Ему, а не народу сообщает следственная власть о раскрытых преступлениях и о привлеченных к уголовной ответственности преступниках. СМИ превращают эти публичные отчеты СК РФ в пропаганду. Однако, это не диалог, поскольку обмена репликами между адресатом и адресантом сообщения не предполагается, это односторонний канал общения; тот к кому обращаются с донесениями, отчетами, уголовными делами и прочими бумагами не обязан отвечать, задавать вопросы, вступать в диалог. Он принимает к сведению и решает. А публика обязана благоговейно наблюдать и проникаться восторгом от мудрости и справедливости властей.

Следственный допрос имеет устную и письменную составляющие. Устная часть этого допроса представляет собой диалог допрашивающего и допрашиваемого. Целью его является получение информации от лица предположительно ею обладающего. Основной способ при любом виде речевой коммуникации, в том числе и в следственном процессе — постановка вопросов допрашиваемому. Обмен информацией в вопросно-ответной форме — это и есть допрос и одновременно способ формирования личного доказательства — показаний. В показаниях надо выделять информационную составляющую — сообщение, и речевую, т. е. то, посредством сообщения доносится до сведения адресата.

Кто наделен правом задавать вопросы, тот является ведущим в диалоге и может управлять им для достижения целей общения. При следственном допросе мало того, что следователь задает вопросы и ведет допрос, он еще и фиксирует его ход и результате в протоколе. Письменная часть следственной процедуры допроса не менее, а может и более важная, чем устная. Несмотря не все требования закона и процессуальные гарантии допрашиваемого контролировать содержание протокола, неизменным является одно: кто составляет протокол, тот и формирует доказательство. Следователи имеют привычку «причесывать» показания, заноса их в протокол. И в этой привычке их трудно упрекать, потому что они встроены в систему производства (письмоводительства), в которой подгоняют все сказанное под стандарт итогового процессуального документа: обвинительного заключения и пр. Чем более профессионален следователь, тем более он склонен фильтровать, модифицировать показания сообразно модели обвинения (состава преступления). Безусловно, это одностороннее отражение. И по-другому быть не может, несмотря ни на какие заверения следственной власти об объективности, всесторонности и полноте. Будучи хозяином уголовного дела, господином следственного дискурса следователь формирует доказательства под

нужды обвинения и показания в этом плане не исключение. Поэтому тактика следственного допроса коренным образом отличается от судебного допроса — она строится на абсолютной власти допрашивающего над допрашиваемым и отсутствием контроля за следователем. Формально такой контроль и надзор, разумеется, есть, но он носит отсроченный характер. И только разделение властей и функций, а также открытость перед аудиторией поставят под действенный контроль допрашивающего и даст гарантию справедливости и объективности. В следственной обстановке это в принципе невозможно, даже посредством введения адвоката допрашиваемого, применения технических средств для фиксации хода и результатов допроса.

В принципе следственный допрос по своей направленности может быть или прямым, или перекрестным. Если следователь получает информацию от «своего» свидетеля — он ведет его по модели прямого допроса. Если он допрашивает обвиняемого, не признающего своей вины, то перекрестный. Это конечно, весьма условно. Различие между прямым и перекрестным допросами гораздо глубже: они на уровне различия следственного и судебного допроса.

Преимущества (с точки зрения сторонника состязательности) судебного допроса общеизвестны:

- судья непосредственно воспринимает информацию из первоисточника в виде показаний;
- в получении показаний на равных участвуют обе стороны, но также при необходимости и другие участники судебного заседания;
- фиксация хода и результатов допроса осуществляется секретарем судебного заседания в протоколе судебного заседания, т. е. лицом не участвующим в допросе и не все сказанное участниками допроса, но также и невербальная информация, немедленно воспринимается всеми присутствующими в зале судебного заседания;
- реакция участников судебного следствия на события судебного допроса может быть незамедлительной и, во всяком случае — более быстрой, чем в следственном процессе: правота устного слова, короче письменного — она заканчивается в момент ответной реплики оппонента.

Прямой допрос² — это первый допрос лица по обстоятельствам, которые не были еще предметом показаний этого «свидетеля»³ в суде. Прямой допрос проводится стороной, представляющей показания данного свидетеля в качестве доказательства своих утверждений, фактов, правоприязаний. Перекрестный допрос — прямая противоположность прямого: первый отрицает второй. Кратко можно сказать, что перекрестный допрос — это *допрос свидетеля стороной*,

² Этот вид допроса называют также главным, первоначальным допросом.

³ Под «свидетелями» подразумевается любые лица, дающие в суде показания.

противоположной той, что проводила прямой допрос по обстоятельствам, которые были предметом прямого допроса данного свидетеля. Таким образом, перекрестный допрос — это допрос свидетеля (а) противником той стороны, что вызвала его в суд для дачи показаний или (б) любой другой стороной в процессе; (с) вопросы допрашивающего перекрещиваются с ранее поставленными этому свидетелю вопросами, главным образом, в пределах уже представленных на прямом допросе фактов.

В более развернутом виде о перекрестном допросе можно сказать, что это допрос юристом лица, чьи показания представляются в качестве доказательства противной стороной, для критического исследования и проверки содержащихся в них сведений, представленных в ходе прямого допроса, их источника и носителя, а также для получения новых данных от лица, допрошенного на прямом допросе.

Именно потому, что перекрестный допрос является способом проверки сведений, представленных допрошенным, его надо считать завершающим (решающим) фазисом формирования показания, как доказательства по делу. Данные, нашедшие подтверждение на перекрестном допросе или не опровергнутые им, становятся фактами по делу и должны оцениваться как таковые судом.

Могут сказать о ненадежности показаний как средств установления истины. Не буду вдаваться в эту, безусловно, богатую тему. Замечу только, что никакие цифровые технологии и телекоммуникационные системы не отменяют в суде допрос — общение между судьей и подсудимым, прежде всего. Пока есть правосудие и пока судья будет принимать решение по своему внутреннему убеждению в отношении другого человека в основе будет речевая коммуникация людей и допросы будут главными способами ее.

Могу изложить несколько сентенций о прямом и перекрестном допросах, к которым я пришел в разные годы, размышляя о них.

Прямой допрос — для всех. Перекрестный — для избранных.

Судебный допрос в виде одного прямого допроса туп. Только перекрестный допрос придает ему остроту, необходимую для воздействия на внутреннее убеждение судьи.

Перекрестный допрос в суде есть концентрированное выражение справедливости, а значит — правового, что есть в законе.

Перекрестный допрос агрессивен. Будь агрессором или не проводи.

Задай вопрос свидетелю, чтобы он не понял, что уже «убит».

Насилие ради правды посредством слов — суть процессуального состязания и перекрестного допроса.

Перекрестный допрос делает показания фактами на суде.

Перекрестный допрос нужен, чтобы восполнить нехватку справедливости на земле.

Право на оружие, право на уголовный иск и право на перекрестный допрос — из одного корня. Свободы.

И, заключая, скажу так, обращаясь к коллегам. Может, хватит уже разговоров про судебную реформу и про независимый суд и про права личности и т. д. и т. п.? Давайте скажем «начальству»: пропишите-ка в кодексе прямой и перекрестный допросы — они изменят уголовно-процессуальный мир: уравниют нас. Борьба за это и есть настоящая борьба за состязательность, правовое государство и свободу — нашу и вашу. А значит — за процветание России.

Бондаренко Е. Н.¹
Bondarenko E. N.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ ДОПРОСА,
СВЯЗАННЫЕ С ПРОБЛЕМОЙ ПРЕВЫШЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ**

**LINGUISTIC REQUIREMENTS TO THE SPEECH SITUATION OF INTERROGATION
RELATED TO THE PROBLEM OF ABUSE OF AUTHORITY**

В статье рассматриваются лингвистические требования, предъявляемые к речевой ситуации допроса. Лингвистическая экспертиза текста позволяет определить соответствие реального речевого поведения допрашивающих необходимому риторическому идеалу, что в результате способствует выявлению возможного факта превышения полномочий.

Ключевые слова: допрос, лингвистическая экспертиза, речевая стратегия дискредитации.

The article deals with the linguistic requirements to the speech situation of interrogation. Linguistic expertise of the text allows determining the correspondence of the real speech behavior of interrogators to the necessary rhetorical ideal, which as a result helps to determine the possible fact of abuse of authority.

Keywords: interrogation, linguistic expertise, communicative strategy of discredit.

В современном правовом дискурсе допрос представляет собой речевую ситуацию, связанную со следственным действием, производимым в целях собирания доказательств², а также «основным процессуальным средством доказывания в судебном следствии»³. При этом, несмотря на стабильность состава участников речевой ситуации, знание ими своих коммуникативных ролей, стандартный характер интенций, остро стоит вопрос о «распознавании (разоблачении) ложных показаний»⁴, что иногда усугубляется проблемой воздействия преступников

¹ БОНДАРЕНКО Елена Николаевна, доцент кафедры русского языка и культуры речи ФГБОУ ВО «Академия Государственной противопожарной службы МЧС России», кандидат филологических наук, доцент.

BONDARENKO Elena Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Culture of the Academy of the State Fire Service of Emercom of Russia, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

² См., напр.: *Зайцева В. В., Григорьева В. С.* Интеррогатив как основной речевой акт в структуре допросов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 3. С. 187.

³ *Радецкий В. А.* Тактические особенности допроса в суде // Проблема законности. 2012. № 118. С. 303.

⁴ *Рычкалова Л. А.* Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого // Общество и право. 2014. № 4. С. 205.

и связанных с ними лиц на допрашиваемых⁵. Пытаясь решить подобную дилемму, профессиональные участники допроса прибегают к различным речевым тактикам, которые в некоторых случаях становятся недопустимыми, поскольку указывают на превышение полномочий лицами при исполнении служебных обязанностей в правовой плоскости.

Отсюда возникает необходимость описания лингвистических требований к речевой ситуации допроса, которые бы позволили соотносить реальное речевое поведение заинтересованных в выяснении истины лиц с необходимым риторическим идеалом. В этом огромная роль отводится лингвистической экспертизе текста, поскольку данный вид исследований речевой ситуации допроса четко разграничивает наличие или отсутствие в коммуникации речевых тактик, направленных против допрашиваемого.

Например, лингвоэкспертология затрагивает такой языковой феномен, как речевая стратегия дискредитации. Будучи направленной на снижение значимости адресата, в допросе она подспудно преследует и иное коммуникативное намерение — обнаружение истины. При этом дискредитация допрашиваемого является недопустимой, поскольку, несмотря на «конструктивность» задачи (разоблачить ложь), связывает подобное поведение с оказанием давления на личность.

Существуют различные речевые тактики, способствующие реализации в допросе речевой стратегии дискредитации. Например, речевая тактика обвинения. Она реализуется за счет прямых указаний на вину подсудимого, при этом высказывания отличает модальность уверенности в происходившем, отсутствие семантики сомнения и содержание номинативных словосочетаний, маркирующих значение «деликта». Например: «Вы сегодня даете одни показания, а в прошлом судебном заседании давали другие», «Полтора года Вы убегали, не чувствуя своей вины. Полтора года Вас разыскивали», «Вот Вы знаете, Вы сами за собой следите, что вы говорите и как вы говорите. Потому как вы каждые 5 минут меняете показания. Постоянно! Не можете ответить ни на один вопрос прокурора точно», «Вы постоянно искажаете обстоятельства, изображенные на видео», «Показания Г. постоянно трансформировались от одного судебного заседания до другого. Вплоть до последнего слова».

Используемая в некоторых случаях речевая единица «постоянно» является словом-обобщением, указывающим на семантику повсеместной незаконности, неправомерности, периодичности ситуации, ее повторяемости. Об этом свидетельствует дефиниция понятия: «Непрерывно, не прекращаясь или не прекращая

⁵ См.: Тямкин А. В., Цыкова Г. Е. Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. С. 115.

что-либо делать»⁶. Подобная семантика привносит в высказывания экспрессию усиления, определяя в пресуппозиции несомненность вины подсудимого.

С тактикой обвинения тесно связана речевая тактика социальной стигматизации. Она заключается в том, что в высказываниях отрицается привычный социальный статус личности (его номинация заменяется номинациями, обозначающими более низкую страту или ее отсутствие). Речевыми маркерами, обнаруживающими тактику, выступают лексические единицы «ты кто такой», «немужской поступок», «что Вы говорите», «Вы нормальный» и т. п. На допросе речевая тактика реализуется в следующих сообщениях: «Вы кто такой, чтобы долги выбивать в Хотьково из...?», «Вы зам Грефа? Кто-кто Вы такой, чтобы оказать какое-то содействие в получении кредита? Кто Вы такой в Хотьково, чтобы могли повлиять, помочь Г. с кредитом? Кто Вы такой?», «Вы себя слышите? Что Вы вообще говорите, Г.? <...> Вы вообще слышите? Вот что вы людям говорите?». Выделенные фразы содержат в своей пресуппозиции семантику «ничтожности» и «сумасшествия»: субъект речевой деятельности создает образ не влиятельного лица, а человека низкого социального статуса, не обладающего никакими возможностями, сумасшедшего, ненормального либо играющего такую коммуникативную роль.

Другой тактикой, реализующейся на допросах, является речевая тактика обязательного вывода. Она применяется для актуализации внимания на следствии, которое логично вытекает из приведенных аргументов. При этом адресант высказываний выводы не делает, а просто намекает на них. Таким образом, вывод в пресуппозиции определяется характером сказанного и приобретает ту коннотацию, которую несет контекст. Например, на допросе должностное лицо говорит о факте отказа допрашиваемого от показаний до того момента, пока не произойдет просмотр видеозаписи с регистратора, и сопровождает это комментарием: «Рассказывай правду, как было. Зачем тебе просматривать видеозапись? Нет. Я буду давать показания после того, как посмотрю. Вот для чего это? Для чего? Это же ясно! Ясно!» Автор высказывания не называет прямо мотив подобного поведения допрашиваемого, но намекает на него, используя лексические единицы «правда», «как было», указывающие на значение «истинности». Отсюда в пресуппозиции заключена информация о намеренном вранье подсудимого с целью избежать наказания, обеспечить себе благополучный исход дела. При этом обязательность данного положения подкрепляется речевой единицей «ясно», имеющей значение «понятно, несомненно, безусловно». Адресант сообщения еще и усиливает экспрессию истинности, уверенности, закономерности, используя прием повтора.

⁶ Русский викисловарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 23.11.2018).

В некоторых случаях тактика реализуется с помощью риторических вопросов. Эти стилистические фигуры представляют собой утверждение, которое не требует ответа, ибо вывод очевиден для говорящего. Так допрашивающий актуализирует внимание слушателей на проблеме, выражая свое видение ситуации:

- «<...> Смотрите, если ты приехал наказать А. за якобы избивание сына, зачем вообще нужно было звонить М.? Цель ведь достигнута», — предложение включает в себе утверждение, что цель Г. это вовсе не наказание А. за избивание сына;
- «Где здесь хоть слово о ребенке? Претензия какая-то Г.? Нету!» — вопросы включают в себе утверждение о лжи Г., других целях его встречи с А., в данном случае дается и ответ в виде слова «нет», подчеркивающий истинность обозначенных утверждений;
- «Продолжает корчиться от боли З. Убит Р. Ранен, тяжело ранен Я., который встать не может. Несмотря на то что здоровый мужик, встать не может. И ты это сделал вынужденно?» — высказывание указывает на отсутствие принуждения Г., добровольный характер его действий;
- «Ну какое раскаяние?» — адресант сообщает об отсутствии раскаяния у Г., дополняя свою мысль фразой: «А говорит: “Я раскаиваюсь, сожалею!”», — в которой противительный союз «а» указывает на несоответствии предыдущему положению, следовательно, семантика противоречивости также выражает оценку факта автором высказывания (по его мнению, раскаяния не было);
- «Г.? От боли потерял сознание?» — вопрос содержит утверждение, что излагаемая защитой информация о Г. не соответствует действительности, подобного факта не было.

В некоторых случаях адресант использует речевую тактику отказа от комментариев. Она также направлена на то, чтобы подвести слушателей к определенному выводу, только положения этого вывода невозможно сформулировать точно, однако он в любом случае обладает негативной оценкой. Об этом свидетельствует интенция высказываний: прием молчания используется не для того, чтобы сохранить нейтральность коннотации, а с целью дискредитировать лицо, чьи поступки обозначаются как не заслуживающие обсуждения. Контекст в виде предшествующих описаний с негативной семантикой определяет речевой акт молчания по данному поводу как реализацию цели обвинения:

- «Я вот это даже комментировать не хочу. Можно это оценить как давление и дискредитацию здесь в судебном заседании показаний А., но это уже будет слишком»;
- «Полтора года Вы скрывались, Г. Жили под чужими фамилиями, оформляли документы по чужому паспорту. Даже медицинские документы. К врачу обращались по другим документам. Поэтому давайте не будем».

Отказ от комментариев не просто ставит Г. в подчиненное положение в коммуникации, когда уже невозможно опровергнуть какие-либо сведения, но указывает на факт его вины, отсутствие необходимости ее отрицать.

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод о том, что представленные речевые тактики отражают семантику личной оценки происходящего допрашивающим. То есть нарушается не только требование беспристрастности в речевом поведении лиц при исполнении служебных обязанностей, но и паритетный характер коммуникации. Следовательно, обнаружение в тексте вопроса лингвистом-экспертом факта применения речевой стратегии дискредитации со стороны лица при исполнении служебных обязанностей свидетельствует о несоблюдении им лингвистических требований к речевой ситуации. Беспристрастное и паритетное речевое поведение коммуниканта является обязательным условием конструктивного общения, а несоблюдение этого условия указывает на правовой факт превышения полномочий. Таким образом, основными лингвистическими требованиями к речевой ситуации вопроса являются беспристрастность и паритетность коммуникации, регулируемая должностным лицом, что выражается в отсутствии в тексте речевой стратегии дискредитации, квалифицирующейся специалистом по лингвистической экспертизе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Зайцева В. В., Григорьева В. С.* Интеррогатив как основной речевой акт в структуре допросов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 3.
2. *Радецкий В. А.* Тактические особенности допроса в суде // Проблема законности. 2012. № 118.
3. Русский викисловарь. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 23.11.2018)
4. *Рычкалова Л. А.* Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого // Общество и право. 2014. № 4.
5. *Тямкин А. В., Цыкова Г. Е.* Тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2.

Брянская Е. В.¹
Bryanskaya E. V.

**К ВОПРОСУ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ПОКАЗАНИЙ
В АСПЕКТЕ ИХ ЛОЖНОСТИ И ПРАВДИВОСТИ**

**TO THE QUESTION OF EVIDENTIARY VALUE OF TESTIMONY
IN THE ASPECT OF THEIR FALSITY AND TRUTHFULNESS**

В процессе доказывания по уголовному делу одним из этапов выступает соби-
рание доказательств, которое заключается в формировании доказательств, то есть
в преобразовании непроцессуальной информации в процессуальную. Однако
прежде чем придать информации не просто процессуальное, а доказательствен-
ное значение, мы должны ее исследовать, придать анализу содержательную часть.

Ключевые слова: допрос, показания, полиграф, специалист, доказывание.

In the process of evidence in a criminal case, one of the stages is the collection of
evidence, which consists in forming evidence, that is, in converting non-procedural
information into procedural information. However, before giving information not just
a procedural, but evidentiary value, we must examine it; give the analysis a meaningful
part.

Keywords: interrogation, testimony, polygraph, specialist, proof.

В ходе предварительного расследования нередко складывается противो-
стояние отдельных участников уголовного процесса с лицом, в производстве
которого находится уголовное дело: подозреваемые или обвиняемые, а порой
и свидетели, тем или иным способом искажают, утаивают показания, прибегая
к такой форме защиты, как ложь, скрывают истину, сообщают умышленно
сведения, не соответствующие действительности. Иногда участники процесса
имеют осознанное намерение создать у лица, производящего дознание, или
следователя впечатление того, что показания соответствуют действительности
и являются правдивыми² и традиционные методы проведения допроса не всегда
оказываются эффективными для раскрытия лжи.

Ценность личных доказательств, показаний, заключается в том, что именно
такие доказательства отражают знание об информации прошлого, что имело
непосредственное отношение к факту преступления. В российской и зарубежной

¹ БРЯНСКАЯ Елена Васильевна, доцент кафедры судебного права Юридического
института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук,
доцент.

BRYANSKAYA Elena Vasilyevna, Associate Professor of the Department of Judicial Law
of the Law Institute of Irkutsk State University, PhD in Law, Associate Professor.

² См.: Шоронов О. В., Коновалов О. В. Полиграф в правоохранительных органах // Вест-
ник Пензенского государственного университета. 2014. № 4. С. 40-44.

практике личные доказательства обладают порой наибольшей аргументирующей силой и с большей степенью оказывают влияние на внутреннее убеждение судьи.

Личные доказательства являются результатом психического восприятия человеком событий и передачи устно или письменно в языковой или иной специальной форме сведений, имеющих значение для уголовного дела. В этой связи стоит согласиться с авторами, которые полагают, что информация, содержащаяся в личных доказательствах, предварительно воспринимается сознанием человека и перерабатывается им, поэтому личные доказательства содержат элемент субъективности³.

В этой связи обратим внимание на практику Европейского суда по правам человека, который ввел в юридический обиход такое понятие, как «ключевые доказательства». И чаще всего в качестве ключевого упоминается такой источник, как показания.

В этой связи заметим, что ст. 74 УПК РФ закрепляет понятие доказательств, которые не имеют заранее установленной силы, но все они подлежат проверке и оценке на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности, законодатель не случайно на первое место ставит личные доказательства, которые субъекты уголовной юрисдикции получают в процессе допросов потерпевшего, свидетеля, а также подозреваемого и обвиняемого⁴.

Для придания информации по уголовному делу процессуальное значение, УПК РФ предусматривает такое следственное действие, как допрос.

Допрос является самым важным и самым распространенным следственным действием. В ходе допроса получают большой объем доказательственной информации по рассматриваемому делу. Данное следственное действие представляет трудности. Причина кроется именно в том, что приходится не только применять приемы, известные в уголовном процессе и в криминалистике, но и также быть хорошим психологом. Допрос является весьма эффективным средством проверки имеющихся доказательств и получения новых⁵.

³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Под общ. ред. Г. М. Резника. М., 2013. С. 253.

⁴ См.: *Пантюхина Г. А.* Тактико-психологические особенности производства допроса на стадии предварительного расследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 138-145.

⁵ См.: *Тенгизова Ж. А.* Допрос как следственное действие: порядок проведения и отличительные особенности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 98-99.

Главную роль в получении результатов допроса играет позиция самого допрашиваемого, то есть его желание говорить правду или, наоборот, увести расследование по ложному пути через дачу ложных показаний⁶.

И все же, поскольку участники уголовного процесса владеют той или иной информацией, которая позволяет установить обстоятельства совершенного преступления, при анализе конкретных примеров из судебной практики, для нас стало очевидным, что такие участники могут умышленно исказить информацию, преследуя банально свой интерес. В этой связи органы уголовного преследования все чаще используют полиграф в установлении правдивости или лжности показаний. Однако не все правоприменители однозначно высказываются о целесообразности применения полиграфа и назначения психофизиологической экспертизы, имеют место выводы о сомнительности заключения такой экспертизы, что позволяет рассуждать о ее недопустимости в качестве доказательства по уголовному делу.

В этой связи приобретает актуальность вопрос о применении исследования с использованием полиграфа.

В случае психофизиологической экспертизы имеет место и констатация предполагаемого лицом, в производстве которого находится уголовное дело, факта лжи, направленного на искажение доказательственной информации. Данный вывод объясним тем, что еще на стадии принятия решения о назначении психофизиологической экспертизы имеет место подозрение в обмане, которое на уровне внутреннего убеждения лица, производящего предварительное расследование, объективно реально и возможно установлено при расследовании уголовного дела (такие факты могут иметься у эксперта уже на момент аналитического и сравнительного исследования).

Традиционными задачами, решаемыми с помощью полиграфа, являются: 1) идентификация виновного и создание в ходе проведения опроса с использованием полиграфа условий для дачи им признательных показаний; 2) в кругу подозреваемых определение лиц, не причастных к совершенному преступлению, и/или сужение круга подозреваемых; 3) выявление скрываемой (ложной) информации в показаниях; 4) сбор дополнительной информации о расследуемом преступлении⁷.

К сожалению, данные задачи имеют теоретическое значение и законодательно не закреплены.

⁶ См.: *Говорухина Е. В.* Особенности тактики допроса лиц, подозреваемых (обвиняемых) в похищении человека // Юрист-правовед. 2015. № 5 (72). С. 33-36.

⁷ См.: *Черкасова Е. С.* Опыт применения опросов с использованием полиграфа в деятельности следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Сибирскому Федеральному округу // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 8. С. 103-106.

В соответствии со статьями 195–207, 269, 282, 283 УПК РФ дознаватель, следователь и судья имеют право назначать экспертизу и поручать ее проведение лицу, обладающему специальными знаниями и статусом эксперта, в свете ст. 2 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний⁸. Таким образом, можно рассуждать о том, что при условии соблюдения требований действующего законодательства надлежащим образом оформленные результаты опроса с использованием полиграфа вполне могут быть заложены в основу проведения психофизиологической экспертизы и признаны в России доказательством, оцениваться в общей совокупности всех доказательств по уголовному делу. В этой связи актуальны слова С. А. Шейфера, который писал об адекватности фиксации доказательств⁹, но являются ли данные полиграфа адекватным средством фиксации правдивости или лжности показаний?

И таких условностей при применении полиграфа немало. Кроме того, при анкетировании судей 201 из 300 опрошенных ответили, что результаты исследований посредством полиграфа имеют в большей степени ориентирующее, оперативно-разыскное значение, некоторые судьи проводят аналог весомости полиграфного исследования с оперативными объяснениями. Проблема видится в том, что физиология человека по своей природе может быть очень сомнительной. Стоит человеку прожить без сна хотя бы двое суток, реакция на полиграфе будет искаженной. Иногда при учащении сердцебиения не поднимается, а падает уровень артериального давления, у людей бывает аритмия. Можно ли при таких обстоятельствах доверять полиграфному исследованию? Думается, что нет. Сложно дать правоприменителю четкий ответ «да» или «нет», «правда» или «ложь», когда нет полной уверенности в результате исследования посредством полиграфа.

Я. В. Комиссарова пишет, что по смыслу положений статей 74, 75 УПК РФ заключения психофизиологических исследований с использованием полиграфа, равно как и заключение психофизиологической экспертизы, являются недопустимыми доказательствами и не могут использоваться в доказывании фактических обстоятельств уголовного дела. Выводы специалистов не являются научно обоснованными, поставленные на разрешение специалистов вопросы о правдивости

⁸ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁹ См.: Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 2001. С. 187.

показаний, а также о том, имели ли место в действительности обстоятельства, изложенные в обвинении, относятся к исключительной компетенции суда¹⁰.

Подрывает активное применение полиграфа отсутствие надлежащей регламентации в законе. Негативное отношение к применению полиграфа высказывает Верховный Суд России. Следственный комитет РФ, Генеральная прокуратура РФ придерживаются противоположной позиции и видят в применении полиграфа перспективы.

По нашему мнению, результаты применения полиграфа могут быть допустимым доказательством только при условии соблюдения конституционных гарантий личности, таких принципов уголовного процесса, как неприкосновенность личности, уважение ее чести и достоинства. Возможность полиграфического исследования допустима только при получении добровольного согласия лица, в отношении которого целесообразно применение полиграфа и производство психофизиологической экспертизы.

Поскольку реальной проблемой, мешающей полноценному использованию полиграфа в предварительном расследовании, является отсутствие единой методики производства исследований, нельзя полагаться только на внутреннее убеждение правоприменителя. Психофизиологическая экспертиза должна быть прозрачной в аспекте ее законодательной и методологической регламентации. Внутреннее убеждение правоприменителя подвергается с годами профессиональной деформации, существует тенденция формирования обвинительного уклона, поэтому необходим гуманный подход к использованию «детектора лжи» в свете принципа презумпции невиновности.

В этой связи может возникнуть вопрос: что же мы можем предложить в качестве помощи следствию для установления правдивости или ложности в показаниях? Применительно в данному вопросу нам вспоминаются особенности расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Дело в том, что именно несовершеннолетние, как никакие другие участники уголовного судопроизводства, склонны лгать и исказить информацию происшедшего, нередко прибегают к преувеличению. Значит, нами предлагается активизировать участие специалиста при производстве следственных действий, в частности допроса. Специалист нам видится в качестве лица, владеющего специальными психологическими познаниями. Именно психолог, даже посредством простого метода наблюдения, в состоянии определить, в показаниях участник говорит правду или ее искажает.

Такое же положение было бы актуальным и при проведении очной ставки. Следственная практика показывает, что такое следственное действие, как очная

¹⁰ См.: *Комиссарова Я. В.* Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 12.

ставка редко имеет успех. В этой связи мы предлагаем внести коррективу в текст УПК РФ (ч. 1 ст. 192 УПК РФ): «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку. Очная ставка может быть произведена с условием привлечения специалиста из области психологии с целью проведения ее с учетом индивидуальных особенностей участников при производстве следственного действия. Очная ставка проводится в соответствии со ст. 164 настоящего Кодекса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Говорухина Е. В.* Особенности тактики допроса лиц, подозреваемых (обвиняемых) в похищении человека // Юрист-правовед. 2015. № 5 (72).
2. *Комиссарова Я. В.* Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
3. *Пантюхина Г. А.* Тактико-психологические особенности производства допроса на стадии предварительного расследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1.
4. *Тенгизова Ж. А.* Допрос как следственное действие: порядок проведения и отличительные особенности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. Г. М. Резника. М., 2013.
6. *Черкасова Е. С.* Опыт применения опросов с использованием полиграфа в деятельности следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Сибирскому Федеральному округу // Вестник Акад. экономической безопасности МВД России. 2010. № 8.
7. *Шейфер С. А.* Следственные действия: система и процессуальная форма. М., 2001.
8. *Шоронов О. В., Коновалов О. В.* Полиграф в правоохранительных органах // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 4.

Ватутина О. Ю.¹
Vatutina O. Yu.

**ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**INTERROGATION OF A SPECIALIST IN COURT PROCEEDINGS
ON CRIMINAL CASES: THEORY AND PRACTICE**

В статье рассмотрена специфика предмета допроса специалиста. Выявлено соотношение допроса специалиста с допросами эксперта и сведущего свидетеля, установлено самостоятельное значение допроса специалиста при судебном рассмотрении уголовных дел. Представлено обоснование значимости заключения и показаний специалиста для соблюдения принципа состязательности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: допрос, специалист, эксперт, сведущий свидетель, специальные знания.

The article deals with the specifics of the subject of interrogation of a specialist. The questioning of expert, interrogation expert and knowledgeable witness are revealed; an independent meaning of the expert's examination in judicial review of criminal cases is defined. Justification of the importance of the conclusion and testimonies of the expert for the respect of the principle of competitiveness in criminal proceedings is presented.

Keywords: interrogation, specialist, expert, expert witness, special knowledge.

Заключение и показания специалиста являются одним из новейших видов доказательств, введенных в российское уголовно-процессуальное законодательство в 2003 году, и закрепленных статьей 74 УПК РФ. Показания специалиста, в соответствии с ч. 4 ст. 80 УПК РФ — это сведения, сообщенные им на допросе, об обстоятельствах, требующих специальных знаний. То есть допрос специалиста, в первую очередь, направлен на получение сведений (показаний) от лица, обладающего специальными знаниями.

Несмотря на внешнюю схожесть двух процессуальных действий, допрос специалиста следует отграничивать от допроса эксперта. Допрос эксперта — это самостоятельное следственное действие, предметом которого является содержание данного им заключения. В то время как допрос специалиста возможен и без составления заключения, то есть во время допроса, специалист высказывает свое суждение или мнение по вопросам следователя или суда после изучения

¹ ВАТУТИНА Оксана Юрьевна, адвокат, член ННО «АК «АЛИБИ», аспирант кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета.

VATUTINA Oksana Yuryevna, a Lawyer, a Graduate Student of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of St. Petersburg State University.

представленных ему предметов, документов или вещей². Однако, на наш взгляд, положения о допросе эксперта, могут быть в равной степени применимы и к допросу специалиста, поскольку, процессуальные роли эксперта и специалиста во многом сливаются, вне зависимости от различий в статусе данных процессуальных фигур, обусловленных, в том числе, возможностью (отсутствием таковой) проведения исследования.

Подобный взгляд на проблему допроса специалиста, согласуется с мнением некоторых авторов, утверждающих о наличии процесса определенной унификации в уголовно-процессуальной науке, что позволяет применять положения о допросе эксперта к допросу специалиста, получению показаний специалиста. Данная позиция может быть дополнительно подтверждена и тем обстоятельством, что, например, Европейский Суд по правам человека не воспринимает российских различий между процессуальными фигурами эксперта и специалиста, называя их в своих решениях либо экспертами, либо специалистами вне связи с российскими профессиональными тонкостями. Это объясняется как «сложностями перевода», так и влиянием законодательства зарубежных стран, в большинстве из которых нет четкой границы между понятиями эксперт, специалист, а так же показаниями сведущего свидетеля.

Поскольку «сведущего свидетеля» в уголовно-процессуальном праве России можно рассматривать как историческую форму специалиста, то к его (специалиста) допросу, по мнению Д. В. Попова, в равной степени, могут быть также применимы положения о допросе «сведущего свидетеля», распространенные в науке советского уголовного процесса 20–30 годов XX века. Так, при допросе сведущих свидетелей выясняются конкретные обстоятельства дела (и в этом их отличие от экспертов), но ценность которых повышается от того, что специальные знания и познания дают им возможность более точного наблюдения и изложения наблюдаемого³. То есть, на наш взгляд, следует согласиться с Д. В. Поповым, который демонстрирует другое понимание сути допроса специалиста, как сведущего лица, в сравнении с допросом сведущего свидетеля, поскольку, специалист, в отличие от свидетеля, пусть и сведущего, не является очевидцем обстоятельств совершенного преступления. Поскольку специалист не только не проводит исследование, как эксперт, не является очевидцем, как сведущий свидетель, и как уже было сказано выше, высказывает свое суждение, по известным ему вопросам, на практике, он, в отличие от сведущего свидетеля, зачастую привлекается в судебное следствие, с целью оценки заключения эксперта, содержащегося в конкретном деле.

² См.: *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 175.

³ См.: *Попов Д. В.* Показания специалиста как сведущего свидетеля // *Юридический аналитический журнал.* 2006. № 1 (15). С. 29.

Таким образом, вне зависимости от существующей дискуссионности вопроса о самостоятельной значимости института специалиста, на сегодняшний день, она, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Допрос специалиста, в свою очередь, создает особую форму состязательности уголовного процесса, с учетом того обстоятельства, что в подавляющем большинстве случаев, подобный допрос — инициатива стороны защиты.

Сама форма допроса специалиста, привлеченного стороной защиты, для оценки экспертного заключения, содержащегося в деле, имеет свою специфику. В таких случаях допрос специалиста, чаще всего, исключает стадию свободного рассказа и осуществляется в вопросно-ответной форме. К основным вопросам, при допросе специалиста также можно отнести определение пригодности объектов для экспертного исследования, соответствие примененных методик исследования стандартам экспертизы, вопросы о наличии ошибок в собирании (обнаружении, изъятии и фиксации) объектов экспертного исследования, установление необходимости дополнительных материалов для объективного экспертного исследования, установление наличия, либо отсутствия взаимообусловленности выводов и исследовательской части экспертного заключения⁴. Помимо прочего, допрос специалиста способен выявить правильность выбора экспертного учреждения (эксперта) для проведения экспертизы, либо установить факты выхода эксперта за пределы своих полномочий при проведении экспертного исследования.

Таким образом, в уголовном процессе России, четко регламентировано отличие специалиста от сведущего свидетеля и от эксперта, что, на наш взгляд, имеет самостоятельное процессуальное значение, однако не влияет на возможность применения положений о допросе эксперта к допросу специалиста. Напротив, считаем избыточной попытку некоторых авторов включить в уголовно-процессуальный кодекс РФ отдельные положения о допросе специалиста, поскольку, действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ прямо предусмотрен способ получения показаний специалиста — допрос, а также выделен особый предмет допроса — обстоятельства, требующие специальных познаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Веренич И. В.* Допрос эксперта и специалиста при расследовании преступлений в сфере строительства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008.

⁴ См.: *Веренич И. В.* Допрос эксперта и специалиста при расследовании преступлений в сфере строительства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. С. 38.

2. *Попов Д. В.* Показания специалиста как сведущего свидетеля // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1 (15).
3. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.

Власова Л. А., Попова И. В.¹
Vlasova L. A., Popova I. V.

К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОПРОСА ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА

ON THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF THE INTERROGATION OF A LINGUIST-EXPERT

Статья посвящена описанию отдельных ситуаций, в которых эксперты-лингвисты сталкиваются со случаями, когда допрос осуществляется неэффективно. Анализируются причины неэффективности допроса, обусловленные недостаточным знанием участниками судебного процесса основ проведения лингвистических судебных экспертиз.

Ключевые слова: лингвист-эксперт, допрос, лингвистическая судебная экспертиза.

The article is devoted to the description of individual situations in which linguistic experts are faced with cases where the interrogation is ineffective. The reasons of inefficiency of interrogation caused by participants' insufficient knowledge of bases of conducting of the linguistic judicial examinations are analyzed.

Keywords: linguist-expert, interrogation, linguistic forensic examination.

После проведения лингвистического исследования и представления «Заключения эксперта» лингвист нередко может быть вызван в суд для дачи разъяснений спорных или неясных участникам судебного производства вопросов по тексту данного заключения. Согласно ст. 85 «Обязанности и права эксперта» в ГПК РФ, эксперт обязан «явиться по вызову суда для личного участия в судебном заседании и ответить на вопросы, связанные с проведенным исследованием и данным им заключением»². Как правило, если работа выполнена полно и на все

¹ ВЛАСОВА Людмила Аркадьевна, доцент кафедры русского языка Института филологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, кандидат филологических наук, доцент.

VLASOVA Lyudmila Arkadievna, Associate Professor of the Russian Language Department of the Institute of Philology, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

ПОПОВА Ирина Вадимовна, доцент кафедры русского языка Института филологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, кандидат филологических наук, доцент.

POPOVA Irina Vadimovna, Associate Professor of the Russian Language Department of the Institute of Philology, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 18 ноября 2018 года).

вопросы, поставленные перед экспертом, даны исчерпывающие ответы, понятные представителям обеих процессуальных сторон и адекватно воспринятые ими, то необходимость вызова эксперта в суд отпадает.

Как показала практика проведения лингвистических экспертиз, вызов лингвиста-эксперта в суд осуществляется примерно в 25-30 % случаев. Опрос эксперта-лингвиста осуществляется в форме допроса. К сожалению, довольно часто приходится сталкиваться со случаями, когда допрос осуществляется неэффективно. К подобным ситуациям можно отнести следующие случаи.

Нередко вызов эксперта в суд по ходатайству адвоката либо государственного обвинителя носит формальный характер, и допрос эксперта в таком случае завершается уже после первого же вопроса: «Поддерживаете ли вы выводы, сделанные в своем заключении?» — и полученного утвердительного ответа на него. Подобные ситуации, часто встречающиеся в практике проведения допроса эксперта, свидетельствуют о том, что данное лицо не подготовилось к допросу, который вследствие этого оказался неэффективным.

В ходе допросов авторам не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда участники судебного процесса (адвокаты, обвинители) не читают полный текст «Заключения эксперта», а, в лучшем случае, знакомятся лишь с выводами. Это приводит к тому, что эксперту задаются вопросы, которые были подробно освещены в исследовательской части заключения, и ему приходится воспроизводить содержание работы (часто многостраничной) в полном объеме, так как от силы при ответе на те или иные вопросы к соответствующим страницам не дают никакого результата.

Случаются и абсурдные ситуации, когда представители сторон в суде не понимают принципов отбора экспертом источников аргументации, в частности конкретных лингвистических словарей, и характера приводимого материала. Так, при использовании двуязычного англо-русского словаря в качестве источника информации о значениях и функционально-стилистических характеристиках спорного слова, адвокатом было озвучено сомнение в правомочности использования лингвистом подобного словаря в связи с тем, что фигурант дела по национальности является азербайджанцем и не владеет английским языком.

В другом случае адвокат требовал привлечь к уголовной ответственности лингвиста-эксперта «за дачу заведомо ложных показаний», аргументируя это тем, что эксперт не использовал при проведении исследования конкретный украинско-русский словарь (отметим, что речь шла об исследовании стихотворного текста, представленного эксперту в переводе с украинского на русский язык).

Нередки случаи, когда допрос эксперта осуществляется не по содержанию сделанного им заключения, а сосредоточивается на личности эксперта с целью его дискредитации. Как правило, это происходит в тех ситуациях, когда проведенное исследование по субъективным причинам не устраивает какую-либо

из сторон, и ее представитель пытается, не имея других аргументов, смутить эксперта, оказать на него психологическое давление.

Допрос лингвиста-эксперта часто носит неэффективный характер в случаях, когда проявляется своеобразная некомпетентность юристов, участвующих в судебном процессе, где они нередко демонстрируют незнание даже правовых основ экспертной деятельности, требуя, например, от лиц, не являющихся государственными экспертами, предъявления лицензии на занятие данным видом деятельности. Зачастую юристы не различают разные виды экспертиз, не дифференцируя, к примеру, лингвистическую и фоноскопическую экспертизы.

В нашей практике имела место ситуация, когда проведенное лингвистическое исследование было отклонено в суде на основании лишь того, что экспертиза, в соответствии с постановлением о ее назначении, была обозначена следователем как семасиологическая, а данный вид экспертизы отсутствует в документе «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (с изменениями на 13 сентября 2018 года)»³.

Кроме того, авторам приходилось оказываться в ситуации, когда лингвисту-эксперту со стороны юристов задавались вопросы, имеющие отношение непосредственно к юриспруденции и провоцирующие эксперта на выход за пределы его компетенции.

К неэффективности допроса эксперта приводит также то, что во время судебного заседания ему нередко задаются вопросы, которые отсутствовали в постановлении о назначении лингвистической судебной экспертизы. Часто лингвистам предлагают в самом ходе судебного заседания провести «навскидку» сравнительно-сопоставительную характеристику материалов, которые до этого не представлялись на исследование, либо прокомментировать спорные положения, представленные в заключениях других экспертов.

Практика показала, что участники судебного процесса не всегда ориентируются в терминологии, обязательной в текстах лингвистических экспертиз. Например, представитель обвинения спрашивает эксперта, почему у него в тексте заключения встречаются «какие-то коммуникаторы». Это свидетельствует о том,

³ Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (с изменениями на 13 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902392151> (дата обращения 18 ноября 2018 г.).

что данное лицо не только не знакомо со словом «коммуникант» в значении «участник коммуникативного акта», но и не ознакомилось с разъяснением лингвистических терминов, употребленных в данном исследовании и в обязательном порядке приведенных в части работы, описывающей методологическую базу исследования и его понятийный аппарат.

В заключение хочется выразить пожелание юристам — участникам судебных процессов, в целях повышения эффективности допроса эксперта-лингвиста, проявлять заинтересованность в понимании сути лингвистического исследования, его правовой и методологической базы, в разграничении юридической и лингвистической компетенций, в освоении принципов, правил, специфики оформления исследуемых лингвистических единиц. И лишь в этом случае эффективное сотрудничество юристов и лингвистов приведет к повышению объективности и результативности судопроизводства.

Горшенева И. А., Кужевская Е. Б., Смык Е. И.¹
Gorsheneva I. A., Kuzhevskaya E. B., Smyk E. I.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

SPEECH STRATEGIES IN LEGAL DISCOURSE

Научная статья посвящена исследованию, проведенному в рамках теории речевых стратегий П. Браун и С. Левинсона. Авторами были изучены протоколы допросов свидетелей определенной категории уголовных дел. В статье делаются выводы о возможности и целесообразности использования результатов проведенного исследования в работе следователя при раскрытии и расследовании уголовных дел рассматриваемой категории.

Ключевые слова: речевая стратегия, свидетель, следователь, теория Браун-Левинсона, Максими Грайса.

The scientific article is devoted to the research conducted within the framework of the theory of conversation strategies by P. Brown and S. Levinson. The protocols of interrogation of witnesses of a certain category of cases have been examined. In the article there are some conclusions about the possibility and advisability of using of the obtained results in the work of the investigator in the investigation and disclosure of criminal cases of the considered category.

Keywords: conversation strategy, witness, investigator, P. Brown & S. Levinson's theory, Grice's Maxims.

Современная ситуация диктует и условия, и направления развития различных отраслей человеческого знания. Многогранность и многоаспектность проблем сегодняшнего дня обуславливает тот факт, что современные ученые,

¹ ГОРШЕНЕВА Ирина Аркадьевна, заведующая кафедрой иностранных языков Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы РФ.

GORSHENEVA Irina Arkadyevna, Head of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V. Ya. Kikot, PhD in Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

КУЖЕВСКАЯ Елена Борисовна, доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат философских наук.

KUZHEVSKAYA Elena Borisovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, PhD in Philosophy.

СМЫК Екатерина Ивановна, преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

SMYK Ekaterina Ivanovna, Lecturer of the Department of the Activity of Law Enforcement Bodies in Special Conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

занимающиеся решением проблем одного научного направления, все чаще находят для себя полезными достижения других научных областей. Все чаще результаты исследований, проведенные в рамках одной научной теории, помогают в решении задач совсем из другой области. Науки, дисциплины и предметы, которые ранее рассматривались как совершенно разные, сейчас начинают «переплетаться» в связи со схожестью и общностью поставленных целей. Сама комплексность и многогранность современных вопросов подводит ученых, педагогов и преподавателей к междисциплинарному подходу.

Особенностью междисциплинарного подхода является то, что он допускает как прямой перенос методов исследования из одной научной дисциплины в другую, так и использование данных и результатов, полученных одним научным сообществом, специалистами других и самых разных сфер деятельности. Из-за сложности вопросов и проблем современной жизни для их решения требуются усилия сразу нескольких направлений человеческого знания.

В рамках данной статьи рассказывается о возможностях других наук, которые могли бы быть полезны для юриспруденции (в частности при расследовании уголовных дел при производстве вербальных следственных действий). Здесь ключевым звеном выступает теория общения, лингвистика и ее прикладные аспекты, поскольку проведение вербальных следственных действий представляет собой определенное речевое взаимодействие.

Вопросы эффективного общения, взаимодействия и влияния друг на друга рассматривают такие науки, как: психология, лингвистика, психолингвистика и другие. Исходя из самого названия и определения этих наук видно, что предметы и результаты их исследований могли бы быть близки и полезны для криминалистической науки, с точки зрения проведения допросов, установления психологических контактов и возможного влияния на собеседника, а также для понимания того, оказывается ли влияние (речевое) на тебя самого. Одним из таких предметов является коммуникация, сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека².

Как известно, успешное раскрытие и расследование преступлений во многом обусловлено правильным выбором и умелым проведением комплекса следственных действий, направленных на получение информации об интересующих следствие фактах. А их успешной реализации предшествует коммуникативная ситуация (устный диалог) между следователем (дознавателем) и участником

² См.: *Зайцева С. Е.* Коммуникативность как главная черта современного урока иностранного языка // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 15. С. 396-400.

следственного действия (потерпевшим, подозреваемым, свидетелем и т. д.), основной задачей которого выступает проблема взаимопонимания, а в последующем и установления психологического контакта с собеседником. Однако не всегда участник следственного действия (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший и т. д.) желает сотрудничать со следователем (дознавателем). В связи с чем, возникает определенная сложность процесса коммуникации, в ходе которой лицу, ведущему расследование по уголовному делу, трудно «найти общий язык» с собеседником.

Здесь для юриспруденции могут оказаться интересными сформулированные во второй половине прошлого века британским философом Полом Грайсом принципы эффективной коммуникации (принцип кооперации)³ и теория речевых стратегий⁴ П. Браун и С. Левинсона, посвященная межличностному общению⁵.

Принято считать, что если следовать Максимум Грайса, общение будет максимально эффективным, т. е. каждый коммуникант получит в результате разговора точную и полезную для себя информацию, потратив на это минимум своего времени.

Но дело в том, что люди не всегда хотят говорить ясно и четко, не всегда хотят говорить то, что думают, и, наконец, не всегда хотят говорить правду. Таким образом, Максимумы часто сознательно нарушаются, что ведет к появлению разнообразных эффектов. К примеру, нарушение (или же отступление) от Максимумы ясности может указывать на то, что говорящий имеет своей целью ввести своего собеседника в заблуждение.

При отклонении от Максимум Грайса (когда говорящий хочет сохранить хорошие отношения с собеседником или делает вид, что хочет, и достигнуть своей цели разговора) возникает то, что называют лингвистической вежливостью, а именно, реализуются речевые стратегии вежливости Браун-Левинсона. Стратегии вежливости могут включать утверждения, свидетельствующие о доброжелательности, дружеских чувствах, солидарности, отделения своего мнения от мнения других и многое другое.

В рамках теории Браун-Левинсона лингвистами Московского Государственного Лингвистического Университета было проведено исследование, целью которого было изучить реализацию речевых стратегий выше упомянутой теории

³ См.: *Cole P.; Morgan J. Syntax and semantics.3: Speech acts. New York, 1975. PP. 41-58.*

⁴ Речевая стратегия — комплекс приемов речевого поведения, включающий в себя процесс планирования, реализации и достижения целей коммуникации в различных условиях. См., напр.: *Кужевская Е. Б., Смык Е. И. К вопросу об использовании специальных знаний других наук при производстве вербальных следственных действий // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. В 2-х т. 2018. Т. 2. С. 70-73.*

⁵ См.: *Brown P, Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.*

в деловом общении и сделать некоторые выводы о частотности и целесообразности использования тех или иных стратегий в разных речевых, социальных и психологических ситуациях. Полученные результаты и сделанные выводы были опубликованы и представлены заинтересованной аудитории⁶. Они могут быть полезны и ученым-криминалистам.

С целью изучения реализации Максим Грайса и стратегий вежливости был проведен анализ юридического дискурса определенной категории уголовных дел⁷, а именно показаний свидетелей по уголовным делам.

Было изучено и проанализировано 507 протоколов допросов свидетелей, изучение которых показало, что в 79 из них (что составляет примерно 16% от их общего числа) в речи свидетелей реализовывались речевые стратегии, а в 428 (соответственно — 84%) — нет.

Согласно вышеуказанным полученным результатам, в большинстве случаев (84%), в речи свидетелей мы видим проявления только Максим Грайса. Это говорит о том, что свидетели в уголовных делах о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего при допросе стараются быть точными и конкретными, отвечая на вопросы следователя, говорят именно то, что им известно, их показания в достаточной степени объективны и достоверны.

Примеры таких свидетельских показаний выглядят следующим образом:

«...В конце ноября 2012 года, более точной даты не помню, я находилась на своем рабочем месте в группе. Вечером всех детей из группы забрали родители, в группе остался только малолетний А. До 19 ч. 00 минут за ребенком никто не пришел. Я стала звонить на мобильный телефон родителям малолетнего А. г-ну С. и гр-ке С., но ни до кого из них не дозвонилась. Примерно в 20 ч. 00 минут, более точное время сказать не могу, за А. пришла, якобы подруга его мачехи, которая сообщила мне о том, что гр-ка С. находится в состоянии алкогольного опьянения и сама забрать ребенка из детского садика домой не может. Со слов девушки я поняла, что гр-н С. находится в другом городе, забрать ребенка из садика также не может ...»⁸.

⁶ См., напр.: *Кужевская Е. Б.* Речевые стратегии как элемент программы «Деловой Английский» (на примере стратегий вежливости) // Высшее образование для XXI века XII Международная научная конференция: Доклады и материалы. Круглый стол «Оптимизация преподавания иностранного языка в вузе» / Отв. ред. С. Ф. Щербак. М., 2015. С. 17-21.

⁷ Произведен анализ 507 протоколов допросов свидетелей по уголовным делам, возбужденным по ст. 156 УК РФ (Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего). Прим. авторов.

⁸ Из протокола допроса свидетеля. Уголовное дело № 1-48-2013. Приговор от 03 сентября 2013 года.

«... По роду деятельности я познакомилась с гр-й Т., как с матерью, не занимающейся должным образом в воспитании своих малолетних детей, а именно П. Р. и П. Е., которых в 1996 году, в связи с угрозой их жизни и здоровья, пришлось забрать у матери и поместить в Центр “Милосердие”. Из семи детей, которых родила гр-ка Т., ни одного она не воспитала. В отношении шестерых своих детей она лишена родительских прав, а седьмой ребенок в настоящее время находится в медицинском учреждении. Условия жизни гр-ки Т. не соответствуют санитарным нормам проживания детей. В квартире всегда грязь, антисанитарные условия, отсутствие еды, чистой одежды, не действуют сантехнические приборы ...»⁹.

Далее следует отметить небольшой процент (16%) случаев, когда в речи свидетелей были отмечены реализации стратегии *Hedge* (хеджирование, отгораживание).

Согласно теории П. Браун и С. Левинсона эта стратегия видна в речи говорящего, когда он хочет отделить, дистанцировать свое мнение от мнения других. Человек или не уверен в том, что говорит, или не хочет брать на себя полную ответственность за излагаемые факты. Употребляя слова типа *Я думаю, я полагаю, я считаю* говорящее лицо подчеркивает, что то, о чем он говорит, это только его личное мнение, а не бесспорный факт.

В ходе производства допроса указанная стратегия применялась в речи свидетелей в 16% случаев (в 79 протоколах из рассмотренных 507).

Например: «... в общении с гр-й Г. все стараются решить любой вопрос мирным путем, спокойно. Жалоб от родителей на гр-ку Г. не поступало, как педагог она была компетентна, на работу ходила вовремя, была исполнительна. *Я считаю*, что у гр-ки Г. мог произойти момент морального выгорания, и она попросту в связи с долгой работой в группе с задержкой психического развития могла просто эмоционально „зачерстветь“»¹⁰.

«... когда при осмотре у Романа обнаружили на спине фурункул, родители отказались от госпитализации, почему они боялись больницы, я не знаю. В конце 2015 года детей забрали в больницу. Сейчас дети в приюте. *Я считаю*, что пребывание детей в семье представляло угрозу для их жизни и здоровья ...»¹¹.

В приведенных выше примерах видно, как допрашиваемое лицо сначала излагает факты, а затем переходит к высказыванию своего мнения, используя словосочетания «*Я считаю*». Следовательно задавал вопросы по существу дела, а получается, что в некоторых случаях отвечающий человек переходил к субъективной оценке или даже рекомендациям. Очевидно, это было вызвано

⁹ Из протокола допроса свидетеля. Уголовное дело № 1-2-2013. Приговор от 21 января 2013 года.

¹⁰ Из протокола допроса свидетеля. Уголовное дело № 1-7-2016. Приговор от 15 августа 2016 года.

¹¹ Из протокола допроса свидетеля. Уголовное дело № 1-42-2016. Приговор от 01 декабря 2016 года.

эмоциональным отношением свидетеля к происходящему. При рассмотрении данной категории уголовных дел такое субъективное мнение может быть рассмотрено и как общественное мнение, которое трудно сдерживать в себе. А оно, в свою очередь, заслуживает внимания следствия и является полезным при вынесении общей оценки картины дела.

Хочется отметить еще один пример: «...До мая мы, помогли Е., периодически брали П. к себе домой. Иногда замечали, что П. кушает как взрослый человек, то есть имелось ощущение, что дома ее плохо кормят...»¹².

В данном примере с помощью высказывания *имелось ощущение* реализуются 2 стратегии: *Hedge* и *Impersonalize S and H* (использование безличных речевых конструкций). Говорящий подчеркивает свое субъективное мнение. И, в то же время, согласно теории П. Браун и С. Левинсона, употребляя безличную конструкцию, обобщает свое мнение, экстраполируя его и на других людей. В указанном примере свидетель старается подчеркнуть, что у любого другого возникло бы такое ощущение.

Исследование протоколов допросов свидетелей по уголовным делам, возбужденным по ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего), позволило сделать вывод о том, что показания свидетелей носят утвердительный характер, свидетели дают конкретные и точные показания, фактически все их показания укладываются в рамки Максим Грайса. Некоторые свидетели добавляют личную оценку событий, что является полезным для следствия, т. к. в данном случае может рассматриваться как общественное мнение. Здесь следует помнить, что такое мнение все-таки носит личностный характер и не может быть доказательственной базой.

В заключение хочется отметить, знание принципов эффективной коммуникации и теории Браун-Левинсона позволит следователю:

- 1) понимать не только то, что свидетель сказал, но и то, что он подразумевал;
- 2) отделять объективный факт от субъективной оценки тогда, когда сам свидетель, будучи под влиянием эмоций, уже не может отделить реальность от впечатления, которое она производит;
- 3) понять отношение людей, причастных к расследуемому делу, и к потерпевшим и использовать этот факт для успешного раскрытия и расследования преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press. 1987.
2. *Cole P., Morgan J.* Syntax and semantics.3: Speech acts. New York: Academic Press, 1975.

¹² Из протокола допроса свидетеля. — Архив Кировского районного суда. Приговор от 06 июня 2011 г.

3. *Зайцева С. Е.* Коммуникативность как главная черта современного урока иностранного языка // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 15.
4. *Кужевская Е. Б.* Речевые стратегии как элемент программы «Деловой Английский» (на примере стратегий вежливости) // Высшее образование для XXI века. XII Международная научная конференция: Доклады и материалы. Круглый стол «Оптимизация преподавания иностранного языка в вузе». Отв. ред. С. Ф. Щербак. М., 2015.
5. *Кужевская Е. Б., Смык Е. И.* К вопросу об использовании специальных знаний других наук при производстве вербальных следственных действий // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции: В 2-х т. Иркутск, 2018. Т. 2.

Грачев М. А.¹
Grachev M. A.

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ДОПРОСАХ

ON THE PROBLEM OF USING LINGUISTIC MEANS IN THE INTERROGATION PROCEDURE

В статье указывается на необходимость тесного сотрудничества между юристами и лингвистами. В материале анализируются лингвистические приемы и способы при уголовно-процессуальных допросах. Обращается внимание на необходимость создания языковых систем при различных видах допроса.

Ключевые слова: допрос, лингвистические знания, правоохранители, уголовный процесс.

The author of the article points out the necessity of close cooperation of lawyers and linguists. The author presents the analysis of various language means and methods used in a criminal procedure of interrogation. Particular attention is paid to the necessity of building specific language systems which can be really helpful for various types of interrogation.

Keywords: interrogation, linguistic means, law-keepers, criminal law process.

Российские правоохранители имеют колоссальный опыт допросов, знают огромное количество лингвистических приемов и способов, чтобы овладеть необходимой информацией².

Значительная часть из них уже описана юристами. Однако до сих пор нет четкой системы использования лингвистических данных при допросах: ни для дознавателей, ни для следователей, отсутствуют учебные пособия для студентов (слушателей, курсантов), в которых бы анализировались языковедческие методы и приемы. В учебниках криминалистики даже отсутствует такой раздел как лингвокриминалистика (юрислингвистика) для юристов.

¹ ГРАЧЕВ Михаил Александрович, профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, доктор филологических наук, профессор.

GRACHEV Michael Alexandrovich, Professor of the Department of Russian Philology, Foreign Literature and Cross-Cultural communication «Nizhniy Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolubov», Doctor of Philological sciences, Professor.

² См., напр.: *Грачев М. А. Лингвокриминалистика*. Нижний Новгород, 2009; *Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник*. М., 2019; *Образцов В. А. Криминалистика: Учеб. пособие*. М., 1994.

Поэтому цель нашей статьи — максимально сблизить позиции между юристами и лингвистами при использовании лингвистических знаний в практике проведения допроса.

Мы понимаем термин *допрос* широко. Это прежде всего речевые контакты правоохранителей с различными категориями лиц, так или иначе причастных к нарушению закона. К числу правоохранителей, проводящих допрос, относятся: оперативный работник, дознаватель, следователь, прокурор, судья. К числу допрашиваемых относятся: потерпевший, свидетель, подозреваемый обвиняемый. К этой категории относится и эксперт, которого может допросить суд. Можно разграничить следующие поведенческие речевые линии: правоохранитель — потерпевший — свидетель — подозреваемый — обвиняемый — подсудимый.

Для оперативного работника чрезвычайно важны данные диагностической лингвистической экспертизы: информация о самом правонарушителе и возможных свидетелях. По мнению ученых-экспертов, лингвокриминалист способен решить следующие задачи: а) идентифицировать автора документа; определить социально-демографический портрет автора анонимного или псевдоанонимного документа, установить пол, возраст, образовательный уровень, профессиональную принадлежность, социальный статус, круг интересов, увлечений, места формирования языковых навыков; в) определить психофизиологическое состояние в момент создания языкового (письменного) сообщения; г) диагностировать устойчивые патологии умственно-речевых процессов автора языкового сообщения; д) установить комплекс задач, касающихся анализа содержания текста, фактических данных и т. п., описываемых в тексте; е) факт и вид маскировки речевой ситуации³.

Так, лжец (обманщик, мошенник) нередко начинает свои фразы со следующих речевых оборотов: *честно говоря, откровенно говоря, если честно, то..., на самом деле, по правде сказать* и т. п. Нередко он может апеллировать к собеседнику со следующими фразами: «Ну, точно я тебе говорю!», «Верняк, все будет о'кей!» и задавать вопросы: «Ведь вы согласны со мной?», «Согласитесь, ведь это так?» Нередко от мошенника можно услышать и возмущенное: «Ты что, мне не веришь?!». У человека, редко говорящего неправду, при лжи высота голоса повышается.

Часто лгуна выдает излишнее красноречие, то есть он употребляет слишком много подробностей, стремясь при этом убедить своего оппонента. Опытный следователь хорошо понимает, как трудно лгуну (мошеннику, обманщику) придумывать детали какой-либо ситуации, поэтому он начинает задавать уточняющие

³ См.: Плавич В. П., Назаренко Д. Б. Проблемы использования лингвистики в правотворческом процессе // Право і лінгвістика. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2 ч. Сімферополь, 2003. Ч. 1. С. 164-173.

вопросы, в результате чего лгун запутывается в своих показаниях. К основным признакам лжи относятся следующие языковые реалии: противоречие между сообщаемой информацией о каком-либо обстоятельстве и сведениями по этому же поводу из других источников; сообщение одним лицом различных сведений; неопределенность, неконкретность информации, содержащейся в показаниях; совпадение в мельчайших деталях нескольких лиц (сговор); «проговорки» в высказываниях; наличие в показаниях фраз и слов, не соответствующих уровню интеллекта допрашиваемого лица; бедность эмоционального фона показаний; упорное подчеркивание своей добропорядочности и незаинтересованности; уклонение ответа на прямой вопрос; сокрытие очевидных фактов, которые не могли быть не известны допрашиваемому⁴.

Речь наркомана во время наркотической абстиненции бывает бессвязной, так как все мысли направлены на поиск наркотика. В синтаксисе используется большое количество простых предложений. Заметим, что они характерны в целом для всей устной речи, но у наркоманов их гораздо больше. Отсутствие второстепенных членов предложения может быть свидетельством того, что наркоман воспринимает реалии окружающей действительности упрощенно: до принятия наркотиков и после принятия наркотиков. Черно-белое восприятие мира говорит о деградации личности.

Олигофренов выдает дефектность мыслительной деятельности: они не способны к отвлечению, обобщению, у них отсутствуют критические способности; лексикон и суждения очень примитивны. Возбудимую психопатическую личность легко отличить по быстрому разговору и жестикуляции, во время так называемой речевой разрядки используются многочисленные оскорбления.

Установление лингвокриминалистом психофизиологического состояния особенно важно при разговоре с террористом. Благодаря полученным лингвистическим сведениям, можно уточнить, находится ли он в наркотическом или алкогольном опьянении, блефует или способен к самым отчаянным действиям. По интонации, тембру, акценту, сбивчивости фраз можно определить, волнуется ли человек, является ли его звонок ложным и т. д.

Человека, принадлежащего к криминальному миру или отбывшего наказание в местах лишения свободы, можно определить не только по арготическим словам, но и по специфическим лексемам.

Эта же предварительная информация нужна не только оперативным работникам, но и для допросов дознавателю или следователю.

Второй тип допроса — непосредственная работа дознавателя или следователя с подозреваемым (обвиняемым, потерпевшим, свидетелем). Ее цель — получить от допрашиваемого достоверные показания, на основе которых правоохранитель

⁴ См.: *Образцов В. А. Криминалистика: Учеб. пособие. М., 1994.*

может установить наличие (отсутствие) определенных обстоятельств. Вот здесь могут быть использованы различного рода лингво-психологические приемы и способы. Назовем некоторые из них: конкретизация описания объектов, лингвистические провокации (лингвистический термин), языковые ловушки.

Приемы допроса — это способы воздействия на человека, вызывающие определенные психические изменения, с помощью которых достигается определенный результат. Приемы допроса рассчитаны на получение правдивых показаний и добывание доказательств либо на разоблачение ложных объяснений и, наконец, на достижение контакта с допрашиваемым. Особо следует обращать внимание на оговорки. Они часто бывают не случайны, особенно при намерении увести допрос по ложному следу. Например: «Он и не хотела знакомиться с нашей соседкой».

Важно учитывать, какие слова не следует употреблять в речи с человеком, имеющим криминальное прошлое (см. слова *спасибо, свидетель, названия пернатых, собак, женщин* и проч.). Упоминание этих категорий слов может резко снизить авторитет правоохранителя.

Среди ученых имеются лингвисты и психологи, которые активно занимаются проблемами воздействия языка на человека и получения от него информации («речевые провокации»)⁵. Но, к сожалению, имеющих мало общего с конкретными допросами правоохранителей.

Для более тесного взаимодействия между юристами и лингвистами нужно создать специальные комплексные коллективы — лингвистические и юридические — на государственном уровне. Отрадным фактом взаимодействия является сотрудничество правоохранительных органов с Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС): ее члены проводят многочисленные заключения и судебные экспертизы, дают консультации правоведам по разнообразным языковым вопросам.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Следует признать продуктивность взаимодействия юристов и лингвистов для более эффективного проведения допросов.
2. В ходе взаимодействия лингвистов и юристов следует определиться с необходимыми терминами, которые могли бы способствовать успешной работе.
3. Важно использовать весь научный лингвистический опыт юристов. Для этого следует систематизировать накопленные знания.
4. В дальнейшем важно создать ряд учебников для юристов, в составлении которых должны участвовать и правоохранители, и лингвисты.

⁵ См., напр.: *Иссерс О. С. Речевое воздействие: Учебное пособие.* М, 2009; *Панасюк А. Ю. А что ж в действительности на уме у Вашего собеседника?* Ростов-н/Д., 2007.

5. Из всего сказанного напрашивается логичный вывод: нужен единый Центр, который координировал бы действия лингвистов и юристов в области юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Грачев М. А.* Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
2. *Грачев М. А.* Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник. — 3 изд. стер. М., 2019.
3. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие: Учебное пособие. М., 2009.
4. *Кочемасова Д. Р., Воронина Е. Б.* Профессиональный дискурс // Вестник МарГУ. 2018. № 3.
5. *Образцов В. А.* Криминалистика: Учеб. пособие. М., 1994.
6. *Панасюк А. Ю.* А что ж в действительности на уме у Вашего собеседника? Ростов-н/Д., 2007.
7. *Плавич В. П., Назаренко Д. Б.* Проблемы использования лингвистики в правотворческом процессе // Право і лінгвістика. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: У 2 ч. Сімферополь, 2003. Ч. 1.

*Длимов А. А.*¹
Dlimov A. A.

О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОПРОСОВ В КАЗАХСТАНЕ И РОССИИ

ABOUT THE REGULATION OF INTERROGATIONS IN KAZAKHSTAN AND RUSSIA

В статье проводится сравнительный анализ норм института допроса по УПК Казахстан и УПК России. Рассматриваются вопросы о понятии, видах и субъектах допроса, предлагаются изменения в законодательство, совершенствующих нормы указанного института.

Ключевые слова: допрос, следователь, предварительное расследование, виды допросов.

The article deals with some problematic issues in Ch. 26 of the Criminal Procedure Code of Russia; some solutions for the elimination and improvement, based on a comparative legal analysis of Ch. 26 of the Criminal Procedure Code of Kazakhstan are proposed.

Keywords: interrogation, investigator, preliminary investigation, types of interrogations.

Уголовно-процессуальная регламентация допроса предусмотрена в гл. 26 УПК Республики Казахстан (далее — УПК РК) и гл. 26 УПК Российской Федерации (далее — УПК РФ). Указанные главы содержат как схожесть, так и значительные отличия. Если их провести сравнительно-правовой, то можно выявить ряд проблем. Во-первых, в главах отсутствует понятие допроса. Во-вторых, в нормах гл. 26 УПК РФ должностное лицо, проводящее допрос, именуется следователь, а не допрашивающее лицо, постольку буквальное толкование понятие «следователь», безусловно, ограничивает круг субъектов, проводящих допрос в предварительном расследований. В-третьих, в УПК РФ, в отличие от УПК РК, отсутствует регламентация дополнительных и повторных допросов. Исключение составляет лишь повторный допрос обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ).

Рассмотрим каждую из указанных проблем по отдельности.

Как было отмечено выше, понятие допрос в уголовно-процессуальном законодательстве обеих стран отсутствует, в связи с этим, по нашему мнению, в научных трудах ученых данное понятие трактуется неоднозначно. В частности С. А. Шейфер, отмечает, что допрос это «получение в соответствии с установленной законом процедурой от допрашиваемого лица сведений о существенных обстоятельствах дела путем постановки перед ним задачи на воспроизведение

¹ ДЛИМОВ Алтынбек Альменович, адъюнкт кафедры уголовного-процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, капитан полиции.

DILIMOV Altynbek Almenovich, adjunct of the Department of Criminal Procedure of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Captain.

и передачу информации в устной форме»². На наш взгляд сложно полностью, даже в позиции столь уважаемого автора, охватить всю широчайшую проблематику (понимание) допроса. В своем определении С. А. Шейфер не указал, например, на такие важные позиции, как субъект проводящий допрос, процессуальная цель проведения данного следственного действия, процессуальные средства допроса и др. Менее масштабно выявляя сущность допроса, а стало быть и менее масштабные признаки, которые, однако, можно использовать в дефиниции, другие исследователи в качестве существенных признаков допроса выделяют вопросы³. Из этого очевидно, что определение понятия «допрос», а уже затем и формирование регламента его проведения, являются актуальными для современной науки уголовного процесса России и Казахстана.

В юридической литературе встречаются многообразные трактовка понятия допроса, но объем данной работы не позволяет детально рассмотреть все. В силу этого, ограничившись приведенной выше позицией С. А. Шейфера, нами формулируется свое авторское понятие.

Допрос — это следственное действие, регламентируемое уголовно-процессуальным кодексом, выполняемое следователем (дознавателем и др.), в отношении допрашиваемых лиц, с целью получения полных и достоверных сведений, подлежащие доказыванию, для справедливого разрешения уголовного дела.

Второй проблемный вопрос, о котором упомянуто выше — определение круга субъектов, наделенных правом проводить допросы. Из анализа главы 26 УПК РФ следует, что по российскому законодательству допрос вправе проводить только один субъект, а именно следователь. Нормативное положение, обозначающее субъектов допроса, широко распространенное в нормах указанной главы, следующее: «следователь вправе, если признает необходимым провести допрос» (ч. 1 ст. 187 УПК РФ), «повестка вручается ... по поручению следователя» (ч. 2 ст. 188 УПК РФ), «перед допросом следователь выполняет требования» (ч. 1 ст. 189 УПК РФ) и т. д. Однако известно, что допрос проводит не только следователь, но и ряд иных уполномоченных лиц. Это подтверждается тем, что в УПК РФ определен следующий круг лиц, проводящих допросы: дознаватель, начальники подразделений дознания, орган дознания, руководитель (член) следственной группы (группы дознавателей), руководитель следственного органа, а иногда и следователь-криминалист⁴.

² Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 86.

³ См.: *Заиляпин Л. А.* Вопрос в уголовном процессе и криминалистике // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. № 1 (6). 2012. С. 46-64; *Заиляпин Л. А.* Право на судебную защиту и использование вопросов в допросах // Взаимосвяз конституционного и уголовного судопроизводства. СПб., 2013. С. 185.

⁴ См., напр.: *Рыжиков А. П.* Допрос: основания и порядок производства. М., 2014. С. 6.

Надо предполагать, что понятие «следователь» не может охватывать всех указанных субъектов допроса, но при этом гл. 26 УПК РФ, исключительно использует термин «следователь», ибо это существенно ограничивает круг допрашивающих сотрудников правоохранительных органов, да и полностью оставляет за рамками регламентации допросов невластных участников уголовного судопроизводства, о которых, как мы отметили выше, рагует Л. А. Зашляпин⁵. Справедливости ради необходимо отметить, что как в российском уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 53, ч. 5 ст. 189 УПК РФ), так и в законе Республика Казахстан (п. 3 ч. 2 ст. 70, ч. 4 ст. 70 УПК РК) такое субъективное право упоминается. Приведенные аргументы указывают на то, что проблематика субъектов допроса является актуальной и подлежит исследованию в науке уголовного процесса России и Казахстана.

Переходя к третьему проблемному вопросу о дополнительном и повторном допросах, следует отметить, что их можно производить в отношении любых лиц, на которых возложена юридическая обязанности давать показания или предоставляется соответствующее субъективное право. Но в УПК РФ о проведении вышеуказанных следственных действия предусматриваются правила лишь в отношении одного допрашиваемого объекта — обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ). При этом, в практической деятельности подобные допросы производятся в отношении потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, эксперта и специалиста, как опытными, так и молодыми следователями (дознателями и др.). О необходимости регламентации данного следственного действия (повторного, дополнительного допроса) обращается внимание в юридической литературе⁶ и указывается, что отсутствие регламентации повторных и дополнительных допросов вызывает проблемы у практических работников. Эту проблему подтвердили нам в ходе интервьюирования более 100 следователей разных городов следственных отделов ОМВД РФ. И связана она, например, с именованим на практике полученного в результате такого допроса протокола: «Протокол дополнительного допроса потерпевшего (свидетеля и др.)», «Протокол повторного допроса потерпевшего (свидетеля и др.)», а иногда практические работники оставляют такое наименование протокола допроса как первичный: «Протокол допроса потерпевшего (свидетеля и др.)». В последнем примере изменяется только дата протокола, различающая их.

В Республике Казахстан вышеуказанные проблемные вопросы, были решены дифференцирующей регламентацией в нормах ст. 211 УПК РК «Дополнительный

⁵ См.: *Зашляпин Л. А.* Право на судебную защиту и использование вопросов в допросах. С. 191-192.

⁶ См.: *Крушликова О. В.* Особенности тактики допроса свидетелей и потерпевших по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 3(15). 2011. С. 44. и др.

и повторный допросы». Она состоит из трех частей. В части 1 указанной статьи отмечено, что дополнительные и повторные допросы проводятся с соблюдением правил, предусмотренных ст. 210 УПК РК «Общие правила производства допроса».

В ч. 2 ст. 211 УПК РК закреплено, что дополнительный допрос производится, когда:

- 1) допрошенное лицо изъявляет желание дополнить или уточнить ранее данные показания по обстоятельствам расследуемого дела в силу их недостаточной ясности или неполноты;
- 2) возникли существенные для дела новые вопросы к ранее допрошенному лицу⁷. В данном случае инициатором проведения данного следственного действия в основном следователь (дознатель и др.).

При проведении дополнительного допроса, который проводится по инициативе должностного лица, свободный рассказ отсутствует, т. е., лицо, уполномоченное проводить допрос, самостоятельно задает необходимые вопросы по делу.

В ч. 3 ст. 211 УПК РК регламентировано, что повторный допрос осуществляется в следующих случаях, когда:

- 1) были существенно нарушены процессуальные нормы производства первоначального допроса;
- 2) допрошенное лицо отказывается от ранее данных показаний и изъявляет желание дать новые показания. В отличие от дополнительного допроса, повторный допрос проводится в случае, если при первоначальном допросе были допущены существенные нарушения требований УПК (например: не были разъяснены права допрашиваемого, допрос проведен в отсутствие защитника или переводчика и др.). Допрос проведен, либо в случае отказа допрошенного лица от первоначальных показаний и его заявлении о даче новых показаний⁸. Также повторный допрос чаще всего проводится в отношении подозреваемых (обвиняемых). Данное следственное действие, проведенное в отношении потерпевшего или свидетеля, может повлечь за собой ответственность за дачу заведомо ложных показаний при первом допросе.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

⁷ Ч. 2 ст. 211 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4.07.2014 г № 231-V ЗРК (в ред. 12.07.2018 г. № 180-VI ЗРК) / Казахстанская правда. 10 июля, 2014. № 133 (27754).

⁸ См.: Сулейменова Г. Ж. Комментарий к главе 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. «Допрос и очная ставка». 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/4757685-kommentarij-k-glave-26-upk-rk-dopros-i.html> (дата обр. 26.11.2018 г.)

1. В связи с отсутствием в УПК РФ и УПК РК понятие допроса, было бы правильным ввести понятие данного следственного действия в УПК рассматриваемых стран, которое выглядели бы так:

Статья 208 УПК РК «Понятие допроса» и ст. 187. УПК РФ «Понятие допроса». Допрос — это следственное действие, регламентированное настоящим кодексом, выполняемое следователем (дознавателем и др.), в отношении допрашиваемых лиц, с целью получения полных и достоверных сведений, подлежащее доказыванию, для правильного разрешения уголовного дела.

2. Относительно субъектов допроса, как мы указали выше, допрос проводится не только следователем, как это указано в гл. 26 УПК РФ, но и иными уполномоченными сотрудниками. Поэтому считаем целесообразным заменить, в 26 гл. УПК РФ слово «следователь», на «лицо, осуществляющее предварительное расследование», либо «следователь (дознатель и др.)», так как они включают в себя всех лиц, которые вправе проводить допросы.

3. Что касается дополнительного и повторного допросов, то считаем целесообразным ввести (аналог ст. 211 УПК РК), в гл. 26 УПК РФ, новую редакцию ст. 189¹ УПК РФ, «Дополнительный и повторный допросы», который будет регламентирован следующим образом:

Статья 189.1 Дополнительный и повторный допросы.

1. Дополнительный и повторный допросы производятся с соблюдением правил, предусмотренных статьей 189 УПК РФ.

2. Дополнительный допрос осуществляется в случаях, когда:

- 1) допрошенное лицо изъявляет желание дополнить или уточнить ранее данные показания по обстоятельствам расследуемого дела в силу их недостаточной ясности или неполноты;
- 2) возникли существенные для дела новые вопросы к ранее допрошенному лицу.

3. Повторный допрос осуществляется в случаях, когда:

- 1) были существенно нарушены процессуальные нормы производства первоначального допроса;
- 2) допрошенное лицо отказывается от ранее данных показаний и изъявляет желание дать новые показания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. *Защляпин Л. А.* Вопрос в уголовном процессе и криминалистике // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. № 1 (6). 2012.
2. *Защляпин Л. А.* Право на судебную защиту и использование вопросов в допросах // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства. СПб., 2013.

3. *Кругликова О. В.* Особенности тактики допроса свидетелей и потерпевших по делам о мошенничествах, совершаемых в сфере потребительского кредитования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 3(15). 2011.
4. *Рыжаков А. П.* Допрос: основания и порядок производства. М., 2014.
5. *Сулейменова Г. Ж.* Комментарий к главе 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. «Допрос и очная ставка». 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/4757685-kommentarijj-k-glave-26-upk-rk-dopros-i.html> (дата обр. 26.11.2018 г.)
6. *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.

Дударев В. А.¹
Dudarev V. A.

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ: ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

INTERROGATION OF JUVENILE SUSPECTS AND DEFENDANTS: TACTICAL FEATURES

Статья посвящена исследованию порядка производства допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, а также следственным ситуациям, которые возникают в ходе допроса несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, допрос, следственные ситуации, тактические особенности допроса.

The article is devoted to the study of the procedure for the interrogation of minors suspected and accused, as well as investigative situations that arise during the interrogation of minors.

Keywords: minor, suspect, accused, interrogation, investigative situations, tactical features of interrogation.

Проблема преступности среди несовершеннолетних в России в последнее время приобрела остроту и актуальность в связи с усилением ряда негативных тенденций в экономической, социально-политической, социально-демографической, культурно-правовой и семейно-бытовой сферах жизни нашего общества и государства. И хотя количество преступлений с участием несовершеннолетних снижается с каждым годом, актуальности данная проблема не теряет.

Так, в России несовершеннолетними и при их соучастии было совершено 71,9 тыс. преступлений в 2011 г., 64,3 тыс. в 2012 г., 67,3 тыс. в 2013 г., 59,5 тыс. в 2014 г., 61,8 тыс. в 2015 г.²

Несмотря на некоторое снижение данного показателя, количество преступлений, совершенных несовершеннолетними продолжает оставаться значительным, а сами преступления по своей ненависти и жестокости не уступают преступлениям взрослых лиц. При этом особая опасность преступлений, совершаемых несовершеннолетними, проявляется в том, что она в большинстве случаев

¹ ДУДАРЕВ Виталий Анатольевич, ассистент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

DUDAREV Vitaly Anatolyevich, Assistant of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky.

² См.: Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbds.gks.ru> (дата обращения 8.11.2018).

посягает на комплекс наиболее значимых общественных отношений, таких как жизнь и здоровье людей, различные виды собственности.

Сегодняшние несовершеннолетние, уже далеко не те, что были пятнадцать лет назад. Социально-экономические условия, психология воспитания и обучения, переоценка ценностей и т. п. весьма существенно «деформируют» морально-нравственную установку подростков, на современное общество и нахождение в нем.

В сложившейся ситуации возникает острая необходимость совершенствования тактики допроса, с участием несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Раскрывая значение допроса в уголовном судопроизводстве, надо исходить из следующего: допрос — это самое распространенное следственное действие (составляет 90% из всех следственных действий); допрос — это способ проверки других собранных доказательств; путем допроса устанавливается большинство фактических обстоятельств почти любого уголовного дела, а также допрос является один из основных способов защиты несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от предъявленного обвинения. Умелое проведение допроса — залог успеха проведения всего предварительного расследования.

Допрос несовершеннолетних представляет собой определенную сложность, так как психическая деятельность детей и подростков еще окончательно не сформировалась и подвержена серьезным изменениям.

Как показала статистика и глубокий анализ изучения материалов уголовных дел, несовершеннолетние подозреваемые (обвиняемые) являются наиболее сложной и опасной возрастной категорией среди всех остальных подростков. Их психология характеризуется более широкими познавательными процессами, среди них: усиление самосознания, потребность в общении, самостоятельность в работе, подражание взрослым. Подростки очень самоуверенны, самолюбивы, они остро реагируют на замечания со стороны взрослых и окружающих, чаще всего бывают резкими и грубыми, нередко у них проявляются такие негативные качества личности как — злоба, ненависть, враждебность, жестокость.

Подготовка к допросу несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) имеет свою специфику, она обусловлена многими фактами, не только психофизиологическими особенностями несовершеннолетних, но и выбором особых тактических приемов. Подготовка к допросу необходимо начинать с изучения личности подростка.

По данным нашего исследования 65% следователей (дознавателей) при подготовке к допросу несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) всегда изучали материалы дела и только 35% делали это по необходимости.

В большинстве случаев подростки дают правдивые показания, но нередко бывают и исключения, это связано с психологическими особенностями так, например, подростки могут скрывать некоторых соучастников преступления или скрывать какие-то свои противоправные деяния в связи с тем, что они

боятся «показаться слабыми», или, наоборот, из «чувства взрослости». Данные нашего исследования показали, что частично ложные показания дали — 22,5 %, а ложные всего лишь — 2,5 % осужденных несовершеннолетних содержащихся в воспитательной колонии г. Брянска.

При допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) возникают бесконфликтные и конфликтные ситуации. В бесконфликтных ситуациях интересы следователя по получению информации и подозреваемого (обвиняемого) о даче показаний совпадают. Здесь встречается намного меньше противоречий между этими двумя субъектами. Согласно данным нашего исследования следователи (дознаватели), в бесконфликтных ситуациях используют следующие тактические приемы: постановка дополнительных вопросов — 20 %, максимальная детализация показаний — 80 %. Таким образом, основная цель допроса в бесконфликтных ситуациях сводится к детализации и уточнению показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

В следственной практике особый интерес представляют так называемые конфликтные ситуации при допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Расследование преступлений несовершеннолетних сопровождается противодействием со стороны последних, что непременно приводит к возникновению конфликтной ситуации. Умелое преодоление конфликта — это залог успеха и достижение необходимых целей при производстве допроса несовершеннолетних. Конфликтная ситуация возникает в тех случаях, когда интересы общающихся сторон не подчинены одной цели. В таких ситуациях допрашиваемый несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) (дает правдивые показания, дает не полные или не совсем точные показания, дает ложные или частично-ложные показания, отказывается от дачи показаний³). Как правило, такие ситуации, возникающие между следователем и несовершеннолетним характеризуются — полным или частичным несовпадением их интересов, стремлением к достижению различных целей, умышленным искажением имеющейся информации.

При допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) возникают следующие конфликтные ситуации: 1) когда несовершеннолетний не признает вину, а в системе доказательств имеются пробелы; 2) когда несовершеннолетний признает вину, но у следователя есть основания полагать что подросток оговаривает себя; 3) когда несовершеннолетний не признает вину, но следователь

³ См.: *Шепелева С. В.* Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001; *Николаева М. И.* Алиби: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

располагает доказательствами необходимыми для изобличения подростка в преступлении; 4) когда несовершеннолетний частично признает свою вину⁴.

В ходе допроса несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), впервые совершивших преступления, наибольший эффект достигается применением такого тактического приема как использование положительных свойств личности допрашиваемых. Суть данного приема заключается в постановке вопросов, которые рассчитаны на стимулирование известных следователю положительных качеств допрашиваемых подростков (смелость, честность, совесть).

В тех ситуациях, когда несовершеннолетний обвиняемый не признает вину, следователь предлагает давать ему показания по существу обвинения и занятой обвиняемым позиции с приведением тех доводов и аргументов, на которых она базируется, обвиняемому также предлагается изложить свои версии, мнения, дать оценку известным ему доказательствам обвинения.

Также эффективными способами разоблачения лжи, являются такие следственные действия как следственный эксперимент и проверка показаний на месте. Согласно нашему исследованию, в 56 % случаев следователи (дознаватели) прибегают к производству этих и других следственных действий.

В ситуациях частичного признания несовершеннолетним обвиняемым своей вины необходимо выяснять, в чем конкретно он признает себя виновным, а против какой части обвинения возражает и почему. Затем предоставить ему возможность дать подробные показания по существу обвинения в полном объеме и по всей совокупности вопросов связанных с фабулой обвинения.

При допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) немаловажными являются и логические приемы воздействия. Одним из них является — предъявление доказательств. Согласно ст. 74 УПК РФ⁵, к ним относятся: 1) показания подозреваемых (обвиняемых); 2) показания потерпевших (свидетелей); 3) заключение и показание эксперта; 4) заключение и показание специалиста; 5) вещественные доказательства; 6) протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы.

Существуют различные способы предъявления доказательств: 1) раздельное предъявление; 2) одновременное предъявление; 3) предъявление вначале косвенных, затем прямых доказательств; 4) неожиданное предъявление доказательств; 5) предъявление доказательств по их нарастающей значимости и т. д.

Поэтому среди ученых процессуалистов и криминалистов нет единого мнения. Одни ученые считают, что наиболее эффективным будет — предъявление

⁴ См.: Макаренко И. А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М., 2006. С. 165–166.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 52. Ст. 4921 (в ред. от 27.06.2018).

совокупности изобличающих доказательств в порядке их возрастающей силы⁶. Другие считают, что предъявлять доказательства можно в любом порядке: в совокупности или с нарастающей силой⁷. Третьи — предлагают использовать такие приемы как создание напряжения (предъявляется множество доказательств)⁸, а также нарастающие порядок и последовательность⁹.

Согласно результатам нашего исследования, процентное соотношение по предъявлению доказательств среди следователей (дознателей) показало: раздельное предъявление доказательств — 44 %, одновременное предъявление всего комплекса имеющихся доказательств — 12 %, предъявление вначале косвенных, затем прямых доказательств — 44 %.

При допросе несовершеннолетних обвиняемых в конфликтных ситуациях, если несовершеннолетний не признает себя виновным в предъявляемом обвинении, следователь должен заранее разрабатывать тактику допроса и при этом соблюдать особую осторожность при постановке вопросов. Здесь возможно применение следующих тактических приемов:¹⁰ 1) следователю необходимо раскрыть общественную опасность преступления, разъяснить несовершеннолетнему значение чистосердечного признания; 2) в конфликтных ситуациях необходимо использовать собранные по делу доказательства и предъявлять их в возрастающем порядке; 3) подростку должны предъявляться непосредственно только те факты, которые уличают его в совершении преступного деяния; 4) можно применять и такой прием как изобличение подростка во лжи по второстепенным вопросам, для того чтобы продемонстрировать обвиняемому осведомленность следователя.

Еще одним общепризнанным способом преодоления конфликтной ситуации, основанным на логическом воздействии, является использование противоречий между сведениями, которые содержатся в показаниях несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) и других материалах дела.

Подводя итог, следует сказать, что при допросе несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) встречаются конфликтные и бесконфликтные ситуации. Бесконфликтные ситуации не представляют большой сложности, они сводятся к детализации и уточнению показаний подростков путем таких тактических

⁶ См.: *Закатов А. А.* Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних. Волгоград, 1979. С. 25; Следственная тактика / Под ред. И. Ф. Пантелеева. М., 1982. С. 56.

⁷ См.: *Драпкин Л. Я., Долинин В. Н.* Тактика отдельных следственных действий. Екатеринбург, 1994. С. 21–22.

⁸ См.: *Белкин Р. С.* Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993. С. 167–169.

⁹ См.: *Макаренко И. А.* Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М., 2006. С. 174.

¹⁰ См.: *Каневский Л. Л.* Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск. 1991. С. 211.

приемов как: а) постановка дополнительных вопросов; б) максимальная детализация показаний.

А вот в конфликтных ситуациях наибольшее распространение получили следующие ситуации: 1) когда несовершеннолетний не признает вину, а в системе доказательств имеются пробелы; 2) когда несовершеннолетний признает вину, но у следователя есть основания полагать, что подросток оговаривает себя; 3) когда несовершеннолетний не признает вину, но следователь располагает доказательствами необходимыми для изобличения подростка в преступлении; 4) когда несовершеннолетний частично признает свою вину. В таких ситуациях следователям следует использовать следующие тактические приемы с несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми): а) использование положительных свойств личности допрашиваемых; б) выявление противоречий в показаниях; в) предъявление доказательств; г) проведение иных следственных действий.

Таким образом, в ходе допроса несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в разрешении конфликтных и бесконфликтных ситуациях целесообразно и необходимо применять тактические приемы, основанные на эмоциональном, логическом и психологическом воздействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. *Белкин Р. С.* Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993.
2. *Драпкин Л. Я., Долинин В. Н.* Тактика отдельных следственных действий. Екатеринбург, 1994.
3. *Закатов А. А.* Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних. Волгоград, 1979.
4. *Каневский Л. Л.* Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск. 1991.
5. *Макаренко И. А.* Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М., 2006.
6. *Николаева М. И.* Алиби: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
7. Следственная тактика / Под ред. И. Ф. Пантелева. М., 1982.
8. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru> (дата обращения 8.11.2018).
9. *Шепелева С. В.* Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2001.

Злоказов К. В., Ворошилова М. Б.¹
Zlokazov K. V., Voroshilova M. B.

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОПРОСА²

COGNITIVE AND LINGUISTIC TECHNOLOGY OF INTERROGATION

В статье обсуждаются современные технологии проверки показаний подозреваемых. Отмечается, что методы диагностики эмоциональных реакций получили широкое распространение, но могут быть улучшены посредством когнитивных и лингвистических технологий. Описываются особенности методов беседы и технологии айтрекинга для определения признаков лжи в показаниях лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Ключевые слова: когнитивные технологии, причастность к преступлению, айтрекинг, диагностика лжи, верификация показаний.

The article discusses modern technologies for determining the involvement of people in the commission of a crime. It is emphasized that the methods for diagnosing emotional reactions have become widespread, but can be refined through cognitive methods. The peculiarities of the method of conversation and technology of tracking for the detection of lies in the testimony are described.

Keywords: cognitive technologies, involvement in crime, eyetracking, diagnosis of lies, verification of testimony.

Быстрая и точная идентификация преступника демонстрирует обществу профессионализм правоохранительных органов, повышает доверие людей к полиции и удовлетворенность ее работой. Поэтому задача изобличения преступника — это вызов компетентности сотрудников органов внутренних дел. Справедливо адресовать его и системе научного обеспечения деятельности органов внутренних дел. Какие технологии установления причастности лица

¹ ЗЛОКАЗОВ Кирилл Витальевич, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

ZLOKAZOV Kirill Vitalyevich, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

ВОРОШИЛОВА Мария Борисовна, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент.

VOROSHILOVA Maria Borisovna, director of the Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communications of the Ural State Pedagogical University, candidate of philological Sciences, associate professor.

² Публикация выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–02102).

к совершению преступления могут пополнить арсенал сотрудников, осуществляющих оперативное сопровождение раскрытия и расследования преступлений, дознание и предварительное следствие в органах внутренних дел?

В современной психологической практике представлены несколько технологий проверки достоверности показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей. Чаще всего эта задача решается посредством применения методов измерения физиологических и психофизиологических реакций, в ряду которых занимает свое место и полиграф. В мировой практике психофизиологические экспертизы оценки причастности лиц к преступлению осуществляются уже более ста лет. В деятельности российских правоохранительных органов полиграф зарекомендовал себя при проверке показаний подозреваемых, свидетелей, потерпевших, став повседневным инструментом работы оперативных и следственных подразделений.

Вместе с тем пропорционально росту числа результативного применения полиграфа, растет сомнение в корректности выводов, полученных с его помощью. Отчасти это обусловлено пониманием принципа его работы. Например, преступники, стремясь избежать изобличения посредством полиграфа, применяют для этого различные уловки. Нередко они искажают физиологические процессы в организме — употребляют лекарственные средства, наркотики и алкоголь; воздействуют на свое отношение к обследованию с помощью медитации. Либо уклоняются от процедуры его прохождения, подделывают медицинские заключения, имитируя нарушение психики и неврологические заболевания.

Следует признать, что помимо осознанного противодействия, на качество результатов серьезно влияет уровень подготовки специалиста-полиграфолога, опыт проведения расследований, мотивация к осуществлению экспертизы и правильная методика ее проведения.

На протяжении последних десятилетий в научно-психологических работах оценивается мера точности экспертиз с применением полиграфа, а также корректность выводов экспертов. Показано, что вышеперечисленные меры противодействия и ошибки сказываются на качестве выводов. Так, точность заключений, полученных с помощью полиграфа, варьируется от 64 до 98 %. Вероятность изобличения преступников посредством психофизиологического исследования оценивается в диапазоне от 70,6 до 98,6 %; подтверждение невиновности подозреваемых, по данным исследовательских обзоров, составляет, в среднем, 76 %. Доля случаев, когда невиновное лицо представлялось виновным по результатам проверки на полиграфе в среднем составляет 19,1 %; случаев, когда виновный был ошибочно оправдан экспертом-полиграфологом — 10,2 %³.

³ См.: Scientific Validity of Polygraph Testing: A Research Review and Evaluation — A Technical Memorandum (Washington, D. C.: U. S. Congress, Office of Technology Assessment, OTA-TM-N-15, (November 2003).

Конечно, наибольший вклад в обоснованность выводов вносит предмет измерения и принцип работы полиграфа — оценка эмоциональных реакций и качество их измерения. Именно неспособность фиксировать эмоции либо ошибки, допущенные в процессе регистрации их физиологических проявлений, приводят к ложным выводам.

Поэтому в психологической науке последних десятилетий активно разрабатываются когнитивные технологии оценки причастности лиц к преступлению. Они измеряют не эмоциональные, а когнитивные процессы, сопровождающие восприятие информации человеком. Предметом оценки выступают параметры нейрофизиологических процессов восприятия и мышления причастного лица. К примеру, понятно, что во время допроса преступник вспоминает о своих действиях, размышляет о том, как ответить на вопросы дознавателя. При этом он не всегда испытывает стресс или эмоции страха, но всегда обдумывает свою версию произошедшего. Ложь когнитивно сложнее, чем правда, поэтому требует больше времени и мыслительных усилий для ее подготовки и выражения⁴.

На базе когнитивного подхода разработано несколько новых инструментов, внедряемых в практику деятельности сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран.

К их числу относится технология опроса для верификации показаний, основанная на принципах когнитивного подхода. Методика его проведения предполагает активное управление следователем познавательными процессами допрашиваемого лица: 1) «загрузка» — оказание воздействия на мышление опрашиваемого; 2) «расспрашивание» — поощрение речевой активности; 3) «выявление» — задавание вопросов, релевантных обстоятельствам совершенного преступления. Применение такой методики допроса увеличивает вероятность распознавания обмана и точность проверки показаний подозреваемого.

Лингвистические технологии верификации показаний основываются на нескольких концептуальных подходах. Выявление неискреннего дискурса базируется на анализе пропозиций подозреваемого, где признаками лживости выступает функционально-семантическая категория эпистемической модальности. Она характеризует степень полноты знаний подозреваемого относительно события и выражается в различных эпистемических установках, как правило, соотносимых с психоэмоциональным состоянием подозреваемого. Средства выражения эпистемической модальности относятся к различным уровням языка, грамматически представлены модальные слова и частицы, модальные глаголы и предикативы. Наконец, с позиции теории речевых актов индикаторами

⁴ См.: *Vrij A. Detecting lies and deceit: Pitfalls and Opportunities*. Chichester, John Wiley & Sons, Ltd. 2008.

искренности выступают особенности оформления речевого акта (имитация, симуляция) и его иллюквативная составляющая (ложный ассертив, деректив и пр.).

Менее разработанной, но потенциально эффективной технологией проведения опросов выступает технология айтрекинга (eye-tracking — регистрация движения глаза). Она предполагает измерение параметров глаза: зрачка, морганий; а также движений глаза в процессе восприятия информации у допрашиваемого. Для этого используется специальный прибор и экран ноутбука для демонстрации вопросов и изображений. Процедура не требует участия специалиста, закрепления приборов на лице, руках либо теле опрашиваемого. В результате десятиминутного опроса возникает представление о причастности лица к совершению преступления, правдивости показаний свидетеля и подозреваемого. Обзор экспериментальных исследований последних лет показывает успехи технологии айтрекинга в обнаружении признаков неискренности показаний и причастности лиц к совершению преступных действий.

Установлено, что о лживости показаний свидетелей и подозреваемых свидетельствуют расширение зрачка, задержка моргания, продолжительность нахождения в фазе закрытых глаз⁵. О причастности либо непричастности можно судить по параметрам движений глаз человека при просмотре изображений с места происшествия, либо текстового описания преступления⁶. Есть несколько признаков, присущих причастным лицам: во-первых, застревание взгляда на отдельных элементах изображений; во-вторых неравномерное по темпу просматривание текста с описанием улик и следов. Непричастные к совершению преступления рассматривают изображения с места преступления во всем объеме его пространства, не фиксируясь на деталях, а текстовые описания прочитывают в одинаковом темпе⁷.

Подводя итоги, отметим, что применение когнитивных и лексических технологий показывает свою состоятельность в экспериментальных исследованиях. Апробация данных технологий за пределами научных лабораторий позволит судить об их состоятельности в практической деятельности органов дознания и следствия.

⁵ См.: *Fukuda K.* Eye blinks: new indices for the detection of deception // *International Journal of Psychophysiology*. 2000. № 40. PP. 239-245.

⁶ См.: *Webb A. K.* Eye Movements and Pupil Size Reveal Deception in Computer Administered Questionnaires. // *Foundations of Augmented Cognition. Neuroergonomics and Operational Neuroscience. FAC 2009. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 5638.* Springer, Berlin, Heidelberg.

⁷ См.: *Pavlov Yu. G., Zlokazov K. V., Slesareva O. D., Pavlova N. V.* Eye-Tracking Based Technic For Detection Of Deception // *Perception*. 2016. Vol. 45. PP. 305-306.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Fukuda K.* Eye blinks: new indices for the detection of deception // International Journal of Psychophysiology. 2000. № 40.
2. *Pavlov Yu. G., Zlokazov K. V., Slesareva O. D., Pavlova N. V.* Eye-Tracking Based Technic For Detection Of Deception // Perception. 2016. Vol. 45.
3. Scientific Validity of Polygraph Testing: A Research Review and Evaluation // A Technical Memorandum (Washington, D. C.: U. S. Congress, Office of Technology Assessment, OTA-TM-H-15, (November 2003).
4. *Vrij A.* Detecting lies and deceit: Pitfalls and opportunities. Chichester, John Wiley & Sons, Ltd. 2008.
5. *Webb A. K.* Eye Movements and Pupil Size Reveal Deception in Computer Administered Questionnaires // Foundations of Augmented Cognition. Neuroergonomics and Operational Neuroscience. FAC 2009. Lecture Notes in Computer Science. Vol 5638. Springer, Berlin, Heidelberg.

Ирина А. А., Лаврищева О. М.¹
Irina A. A., Lavrisheva O. M.

СУЩНОСТЬ ОЧНОЙ СТАВКИ И ДОПРОСА

THE ESSENCE OF CONFRONTATION AND INTERROGATION

Статья посвящена исследованию совокупности основных черт, глубинных особенностей и тенденций развития допроса и очной ставки как схожих по своей сущности следственных действий. Наиболее значимым признаком, определяющим единство природы допроса и очной ставки, выступает использование вопросов.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, очная ставка

The procedural essence of the confrontation is to use questions. Using the questions is the similar essential sign of interrogation and confrontation.

Keywords: criminal process, investigative actions, confrontation.

В современном уголовном процессе России невозможно представить предварительное расследование без осуществления следственных действий, в основе которых лежит метод расспроса. Использование вопросов для преобразования информации в надлежащую процессуальную форму служит цели приобретения ею доказательственной ценности. Наиболее близкими по природе и операциональной структуре следственными действиями выступают допрос и очная ставка.

Являясь по своей сути процессуальными, указанные следственные действия подчинены основным идеям, воплощенным в принципах состязательного уголовного процесса, а также совокупности предписаний, именуемых «Общие правила производства следственных действий». Достаточные данные, дающие возможность полагать достижимой цель производства следственного действия (фактические основания), служат базисом формальных (процессуальных) оснований. Некорректное определение оснований рассматриваемых следственных действий в практике приводит к подмене допроса и очной ставки иными следственными действиями. Например, в случае необходимости отождествления объекта допрашиваемым лицом, вместо предъявления для опознания следователь

¹ ИРИНА Анастасия Александровна, магистрант кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

IRINA Anastasia Alexandrovna, Undergraduate Student of the at the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

ЛАВРИЩЕВА Ольга Мирославовна, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

LAVRISCHEVA Olga Miroslavovna, Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

(иное уполномоченное производить следственное действие лицо) использует прием предъявления доказательств в ходе допроса. Также распространены случаи, когда вместо опознания производится очная ставка. Это ведет к утрате доказательственного значения, невозможности достижения положительного результата как данного следственного действия, так и всего предварительного расследования по делу.

Отечественный законодатель, регулируя предварительное расследование в части проведения допроса и очной ставки развивает традиции регламентации следственной деятельности, проявившиеся еще в советском уголовно-процессуальном законе и правоприменительной практике того периода. В связи с этим, сущность анализируемых процессуальных действий фактически связывается как с идеологией предыдущего правопонимания, истоки которого обнаруживаются в УПК РСФСР 1960 г.,² так и современного, основанного на принципиально иных исходных началах уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная регламентация производства допроса и очной ставки позволяет сформулировать предположение о некоторой сущностно-нормативной общности этих следственных действий. Правовая конструкция, регулирующая как интересующие нас следственные действия, так и предъявление для опознания, а также проверку показаний на месте помещена законодателем в Главу 26 УПК РФ. Все это есть те процессуальные действия, которые основаны на общем для них базовом методе расспроса³.

Сравнительный подход к допросу и очной ставке — весьма распространен в отечественной науке уголовного процесса. Традиционно и достаточно часто очная ставка рассматривается как разновидность допроса.

Т. З. Киек и Е. Н. Киек рассматривают очную ставку в качестве вида допроса, оговаривая его одновременную направленность на двух допрашиваемых лиц и повторный характер такого вида допроса (очной ставки) по отношению к первоначальным допросам, из которых и возникли противоречивые показания⁴. Позиция указанных авторов о том, что допрос и очная ставка основаны на единых принципах производства данных следственных действий, может быть принята, а вот суждение о том, что одной из задач очной ставки является сломление сопротивления одного из его участников (предполагаемо того, кто,

² Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под общ. ред. Г. М. Резника. В. 2-х ч. М., 2017. Ч. 2. С. 55.

⁴ См.: Киек Т. З., Киек Е. Н. Очная ставка: понятие и проблемы законодательной регламентации // Современное право. № 12–1. 2014. С. 57.

по мнению следователя дает не правдивые показания)⁵, нами поддержано быть не может. Если считать принципы допроса и общей ставки едиными, то Т. З. Киек и Е. Н. Киек противоречат в последнем суждении собственной позиции и действующему законодательству. Действующий уголовно-процессуальный закон, регулируя все виды допросов, задачи подавления или сломления чьей-либо позиции не ставит. Как всякое следственное действие допрос и очная ставка должны реализовывать процессуальные задачи собирания личных доказательств, проверки личных и иных доказательств (статьи 86-87 УПК РФ).

А. Е. Кригер отмечает, что «очная ставка относится к одной из разновидностей допроса и понимается как одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц»⁶. Более того, А. Е. Кригер указывает на фактическую обязательность в ходе очной ставки формулирования и постановки вопросов участниками очной ставки друг другу.

Обоснованной представляется аргументация Л. А. Захляпина о том, что сущность всех вербальных действий (к которым надо относить как допрос, так и очную ставку), состоит в коммуникации допрашивающего с допрашиваемым посредством постановки вопросов (получении ответов)⁷. Если в очной ставке изначально нет вопросов допрашивающего к допрашиваемым, то нет и самого этого следственного действия. Все иное невербальное, предусмотренное в процедурных правилах производства очной ставки (предъявление вещественных доказательств и документов; воспроизведение аудио- и видеозаписей), является факультативным, не влияющим на сущность.

Важнейшими признаками, определяющими сущность допроса и очной ставки, являются, во-первых, те черты, которые формируют суть всех следственных действий в целом, а во-вторых, те глубинные процессуальные особенности, которые присущи исключительно этим двум следственным действиям, максимально близким по природе.

Проблемы определения понятия следственных действий и их классификации оставим за рамками настоящей статьи, как и признаки, характерные для всех тех процессуальных действий, которые именуются следственными. А вот сущностным процессуальным чертам допроса и очной ставки уделим внимание.

⁵ См.: Киек Т. З., Киек Е. Н. Очная ставка: понятие и проблемы законодательной регламентации. С. 58.

⁶ Кригер А. Е. Очная ставка как разновидность допроса // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 11–1. 2013. С. 154.

⁷ См.: Захляпин Л. А. Формальные средства в допросе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. СПб., 2018. С. 231; Захляпин Л. А. Сущность процессуальных действий вербального характера // Процессуальные действия вербального характера. СПб., 2017. С. 176.

Анализ норм действующего УПК РФ позволяет охарактеризовать модель построения допроса и очной ставки как розыскную. Это коммуникация взаимодействующих вербально субъектов, основанная на их асимметричном положении, на отношениях «власть-подчинение». Вместе с тем, в ряде нормативных предписаний прослеживается диспозитивная часть, связанная с включением в сферу регулирования вопросов допрашивающего допрашиваемому.

Очная ставка начинается с вопросов следователя (иного уполномоченного лица) участникам очной ставки: знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой (ч. 2 ст. 192 УПК РФ). Данное правило является элементом регламента проведения исследуемого нами следственного действия, не допускающего отклонения от него. Оба исходных вопроса есть уголовно-процессуальная форма очной ставки. При этом законодателем в данной форме использован метод регулирования очной ставки, основанный на позитивном обязывании следователя (иного властного участника уголовно-процессуальных отношений, проводящих данное следственное действие), прежде всего, поставить на разрешение участников оба приведенных выше вопроса.

Далее в процедурном алгоритме проведения очной ставки предписывается предложить невластным участникам данного процессуального действия дать показания относительно тех конкретных обстоятельств, которые послужили процессуальным основанием для проведения данного следственного действия (ч. 2 ст. 192 УПК РФ). В реальном же уголовном производстве в досудебных стадиях это предложение имеет форму вариативных вопросов относительно некоторого общего предмета очной ставки.

Такой подход правоприменителя (замена предложения дать показания вопросами следователя) вполне обоснован, а иное — парадоксально. Дело в том, что противоречие в показаниях ранее допрошенных лиц есть, прежде всего (или только) — знание следователем материалов уголовного дела. В силу этого лицо, ведущее производство по уголовному делу, может сравнивать показания допрошенных по этому делу лиц. Самим же лицам — участникам очной ставки известны, в первую очередь, лишь собственные показания, которые они не могут сравнивать, выявляя противоречия, с показаниями иных лиц, им по общему правилу не известных на данном этапе предварительного расследования. В этом — основной смысл тайной и письменной формы предварительного расследования (типа уголовного процесса в досудебных стадиях). Отход от этой формы — исключение, но не правило.

В такой процессуальной ситуации логично реализовать предмет очной ставки, определяемый следователем (иным лицом, ее производящим) через схожие вопросы, адресованные обоим (или всем) участникам следственного действия.

После реализации допрашивающим своей уголовно-процессуальной активности в форме вопросов, законодатель наделяет субъективными правами

на постановку вопросов друг другу и невластных участников этого следственного действия, которые, однако, могут быть реализованы с разрешения следователя (ч. 2 ст. 192 УПК РФ).

Данная нормативно-юридическая конструкция видится логичной и гармоничной. По идее законодателя вопросы участникам друг другу предваряются вопросами допрашивающего участникам очной ставки. Сами вопросы допрашивающих друг другу есть следствие полученных ранее ответов на вопросы следователя.

Если сопоставить описанные процессуальные черты очной ставки с процессуальным содержанием допроса, можно обнаружить значительные сходства. В основе допроса также лежит расспрос как метод получения воспроизводимой вербально информации.

Отечественный законодатель в ныне действующем УПК РФ не предусмотрел свободного рассказа в качестве составной части производства допроса. Предложение следователя дать показания по поводу противоречий между предшествующими очной ставке показаниями есть, некоторый рудимент правосознания современного законодателя, возвращающий нас к идеям УПК РСФСР 1960 г., в котором нормативным правилом ч. 5 ст. 158 допускался свободный рассказ допрашиваемого, и при этом демонстрирующий непоследовательность нынешнего правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере.

Содержание допроса (проявления уголовно-процессуальной активности следователя или иного лица, производящего данное действие) по современному уголовно-процессуальному закону сводится к вопросам (ч. 2 ст. 190). В связи с этим, существует мнение о допущении законодателем некоторой коллизии регулирования. Поскольку свободный рассказ исключен из регламента допроса, было бы логичным исключение и из нормативно-юридической конструкции очной ставки упомянутого свыше правила о предложении дать показания об обстоятельствах, послуживших поводом для проведения данного следственного действия. Фактически же реальное правоприменение связывается с формулированием и использованием допрашивающим общих для всех участников очной ставки вопросов, образующих предмет очной ставки (одновременный допрос двух и более лиц посредством постановки одних и тех же вопросов). В этом есть смысл уголовно-процессуальной активности допрашивающего. Он определяет своими вопросами предмет очной ставки.

Таким образом, сущность допроса и очной ставки определяется юридической природой этих процессуальных действий и особенностями, установленными для каждого из них законодательно. Действующее уголовно-процессуальное законодательство России и доминирующие в теории отечественного уголовного процесса взгляды ученых предполагают схожесть допроса и очной ставки в той части, в которой оба следственных действия опираются на использование для собирания и проверки доказательств вопросов допрашивающего. Понятия обоих

следственных действий должны содержать в качестве существенного признака процедуру формулирования и постановки вопросов допрашивающим. Различия (направленность допроса на вербальную коммуникацию допрашивающего с одним допрашиваемым; направленность очной ставки на коммуницирование с несколькими допрашиваемыми) не меняют вербальной сущности обоих действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Заиляпин Л. А.* Сущность процессуальных действий вербального характера // Процессуальные действия вербального характера. СПб., 2017.
2. *Заиляпин Л. А.* Формальные средства в допросе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. СПб., 2018.
3. *Киек Т. З., Киек Е. Н.* Очная ставка: понятие и проблемы законодательной регламентации // Современное право. № 12–1. 2014.
4. *Кригер А. Е.* Очная ставка как разновидность допроса // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 11–1. 2013.
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под общ. ред. Г. М. Резника. В. 2-х ч. М., 2017. Ч. 2.

Конин В. В., Сидоренко Е. В.¹
Konin V. V., Sidorenko E. V.

Допрос: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

INTERROGATION: PROCEDURAL AND TACTICAL ASPECTS

Допрос рассматривается как получение следователем информации в установленной уголовно-процессуальным законом форма. Однако содержание допроса наполняется криминалистикой, в частности криминалистической тактикой. Наполнение уголовного процесса криминалистикой позволяет добиться тех результатов, которые стоят перед следователем — раскрытие преступления, установление лиц, виновных в его совершении, доказывание вины, установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Ключевые слова: допрос, следователь, коммуникация, уголовный процесс, криминалистика, тактика допроса, конфликт.

Interrogation is considered as obtaining information by the investigator in the form established with the criminal procedure law. However, the content of the interrogation is filled with criminology, in particular criminalistic tactics. The content of the criminal process criminology allows you to achieve the results that face the investigator solving the crime, finding the perpetrators in the Commission of the offense, proof of guilt, the establishment of all the circumstances, to be proved.

Keywords: interrogation, investigator, communication, criminal process, criminalistics, interrogation tactics, conflict.

В науках уголовного процесса и криминалистики допрос, как следственное действие, рассматривается в различных планах.

В науке уголовного процесса он изучается как получение следователем (дознавателем)² информации в рамках находящегося в производстве следователя

¹ КОНИН Владимир Владимирович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент, кандидат юридических наук.

KONIN Vladimir Vladimirovich, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Associate Professor, PhD in Law.

СИДОРЕНКО Елена Васильевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

SIDORENKO Elena Vasil'yevna, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.

² В дальнейшем под термином «следователь» мы будем иметь в виду должностное лицо, производящее расследование по уголовному делу в рамках полномочий, предоставленных УПК РФ.

уголовного дела для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. При этом форма производства допроса строго регламентирована УПК РФ, и отступление от этой формы влечет за собою признание допроса недопустимым доказательством.

В криминалистике допрос изучается как процесс общения, в ходе которого происходит обмен информацией между сторонами, причем каждая из сторон применяет тот или иной тактический прием, для того, чтобы получить именно ту информацию, в которой одна из сторон, участвующих в допросе, наиболее заинтересована³.

Любой допрос, вне зависимости от сложившейся в процессе допроса ситуации, необходимо отнести к сложным криминалистическим системам, поскольку, на наш взгляд, к сложной криминалистической системе всегда будет относиться любое взаимодействие сторон с противоположными интересами (задача следователя — установить все обстоятельства совершенного преступления и доказать виновность лица в совершенном преступлении, в то время как интерес подозреваемого (обвиняемого) заключается в том, чтобы избежать наказания за совершенное преступление, либо преуменьшить свою виновность и смягчить предстоящее наказание).

Соответственно, в процессе допроса интерес следователя будет заключаться в том, чтобы получить по максимуму информацию, в которой заинтересован следователь, с тем, чтобы выдвинутый обвинительный тезис был в полной мере обоснован. В то же время следователю необходимо иметь в виду то обстоятельство, что позиция допрашиваемого всегда будет зависеть от частного интереса допрашиваемого⁴. Если допрашиваемый является потерпевшим от преступления, то необходимо учитывать влияние таких факторов, как обида, желание отомстить, наказать виновного, в том числе не только посредством применения к нему мер, связанных с лишением свободы, но и финансово. Интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности, будет заключаться в том, чтобы уклониться от наказания, либо наиболее максимально облегчить свое положение и избежать возможного строгого наказания за совершенное преступление. Не лишены определенного интереса и иные участники. Так, например, свидетель со стороны обвинения соперничает потерпевшему, свидетель со стороны защиты соперничает лицу, привлекаемому к уголовной ответственности. Все это в определенной мере ставит под сомнение истинность свидетельских показаний,

³ См., напр.: *Корсаков К. А.* Проблемы выявления, фиксации и использования невербальной информации в процессуальных действиях вербального характера // *Процессуальные действия вербального характера*. СПб., 2017. С. 85–88.

⁴ См.: *Конин В. В.* О публичном и частном интересе в стадии исполнения приговора // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016. № 3. С. 102–107.

несмотря на то, что статья 55 УПК РФ предполагает беспристрастность и незаинтересованность свидетеля в исходе дела.

Исходя из наличия интереса у каждой из сторон допроса, получение показаний, полно и достоверно освещающих обстоятельства, представляющие интерес для следователя, достаточно часто сопряжено с определенными трудностями.

Так, существуют обстоятельства, самым существенным образом влияющие на дачу показаний:

- негативизм (от лат. *negativus* — отрицательный) — лицо придерживается антиобщественных принципов поведения, противопоставляет себя правоохранительным органам, суду и обществу в целом, бравирует своими антиобщественными установками, пытается распространять их среди других лиц;
- несамостоятельность допрошенного лица в своих действиях, выражающееся в выполнении указаний иных лиц, даже если это противоречит интересам лица;
- корысть — лицо надеется получить материальную или иную выгоду за дачу ложных показаний;
- страх — сюда можно отнести страх как перед лицом, совершившим преступление, так и страх перед лицами, составляющим окружение преступника; страх перед правоохранительными органами; боязнь выглядеть не так, как выглядит окружение свидетеля;
- корпоративная (групповая) солидарность, выраженная в единстве членов группы, взаимной поддержке и сплоченности, основанная на общих интересах, общих взглядах, с наличием обязательных для всех членов группы стандартов, в том числе и в поведении, которые являются неукоснительными для всех членов группы;
- особенности психики человека (склонность к фантазированию, и искренняя вера в свои фантазии)⁵.

В ходе подготовки к допросу следователю необходимо не только определить цель допроса (какая информация должна быть получена от допрашиваемого), но и выяснить, имеет ли допрашиваемый личный интерес в расследовании уголовного дела, в чем он заключается, носит ли этот интерес позитивный либо негативный характер.

Определившись с данными обстоятельствами, следователь должен продумать тактику допроса, предусмотреть возможность применения тех или иных тактических приемов, применение которых направленно на получение максимально достоверной информации от допрашиваемого.

⁵ См.: Конин В. В. Оценка показаний в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2018. № 7–8. С. 120–125.

Так, например, практический опыт авторов позволяет предложить следующий тактический прием. Следователь, предполагая, что показания допрашиваемого будут недостоверными, фиксирует полученные недостоверные показания в протокол допроса, а затем, вернувшись к допросу спустя какое-то время, предъявляя доказательства, опровергающие ложные показания, пытается выяснить причину дачи ложных показаний, и предлагает допрашиваемому объяснить, почему им в предыдущем допросе были даны ложные показания.

В случае получения новых недостоверных показаний, их необходимо зафиксировать, но спустя некоторое время к ним вновь необходимо применить прием опровержения с предъявлением доказательств, и уточнением причины дачи новых ложных показаний. Как правило, после этого допрашиваемый либо дает правдивые показания, либо прибегает к новой, также недостоверной версии, которую уже можно и не опровергать, поскольку ложность показаний допрашиваемого очевидна, также очевидна и позиция допрашиваемого, направленная на противодействие расследованию в установлении всех обстоятельств по уголовному делу.

Характер взаимодействия в ходе допроса всегда связан с поведением сторон. Так, например, допрос может протекать в бесконфликтной форме, когда истребуемая следователем информация выдается в полном объеме, является достоверной и достаточной. В то же время допрос также может проходить и в конфликтной форме. Например, конфликт в виде нестрогого соперничества возникает, когда допрашиваемый выдает истребованную следователем информацию, но при этом либо заблуждается в оценке произошедшего события, либо желает отстоять и сохранить заранее выбранную позицию, которая может не совпадать со сложившейся по делу следственной ситуацией.

Конфликт в виде строго соперничества возникает, когда каждая из сторон преследует свои интересы, активно их отстаивает, пытаясь получить максимум информации от другого участника допроса, но при этом не раскрыть свою информацию.

Конфликт будет возникать всегда, когда у сторон имеются противоположные интересы. Так, например, интерес следователя является публичным, и заключается в расследовании уголовного дела, полном установлении всех обстоятельств совершенного преступления, как отягчающих виновность лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так и смягчающих, привлечении виновного к уголовной ответственности. Интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности будет носить всегда частный (личный) характер, и будет направлен на то, чтобы избежать уголовной ответственности, либо понести ответственность за совершенное преступление по минимуму.

Необходимо обратить внимание на то, что частный интерес присутствует и у других участников уголовного процесса (например, у потерпевшего,

гражданского истца, гражданского ответчика и т. д.), и не всегда наличие частного интереса вызывает конфликтную ситуацию.

Конфликтная ситуация при осуществлении допроса требует от следователя тактической и психологической гибкости, умения правильно диагностировать ситуацию, и разработать приемы позволяющие добиться поставленной цели.

Представляется, что в конфликтной ситуации допроса первоначальная задача следователя будет заключаться в том, чтобы попытаться погасить либо смягчить конфликтную ситуацию: ситуацию с нестрогим соперничеством перевести в бесконфликтную ситуацию, ситуацию со строгим соперничеством перевести в ситуацию с нестрогим соперничеством. Это можно сделать, например, объяснив допрашиваемому, что сложившаяся по делу следственная ситуация иная, нежели ее представляет допрашиваемый, поскольку он не располагает всей информацией о собранной и зафиксированной по делу доказательственной базе. Возможно, что раскрытие какой-либо части информации о имеющихся доказательствах, опровергающих занятую допрашиваемым позицию, позволит допрашиваемому изменить свою позицию по делу и сообщить информацию, в получении которой заинтересован следователь.

Всякое общение необходимо рассматривать как воздействие и воздействие общающихся друг на друга. Воздействие следователя на допрашиваемого в конфликтной ситуации должно выглядеть как стремление убедить допрашиваемого в чем-либо и побудить к какому либо действию (изменить занятую по делу позицию и дать полные и правдивые показания, и т. д.). Основной и главной формой воздействия следователя на допрашиваемого в конфликтных ситуациях должно являться убеждение. Успех будет зависеть от того, насколько следователь умеет убеждать в своей правоте оппонента. Вряд ли следователь сможет добиться успеха в убеждении, если он слабо владеет речью, логикой, демонстрирует незнание психологии. Таким образом, для того, чтобы расследовать уголовные дела на высоком профессиональном уровне, добиваться успеха в изобличении лиц, виновных в совершении преступлений, следователь помимо знаний в области права, должен владеть знаниями в области психологии, риторики и владеть логикой с тем, чтобы тактические приемы достигали цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. Конин В. В. О публичном и частном интересе в стадии исполнения приговора // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 3.
2. Конин В. В. Оценка показаний в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2018. № 7–8.
3. Корсаков К. А. Проблемы выявления, фиксации и использования невербальной информации в процессуальных действиях вербального характера // Процессуальные действия вербального характера. СПб., 2017.

*Кучерков И. А.*¹
Kucherkov I. A.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ДОПРОСУ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

TERMINOLOGICAL APPROACHES TO INTERROGATION IN CONTINENTAL AND ANGLO-AMERICAN MODELS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

В настоящей статье исследуются вопросы определения термина «допрос» в различных правовых системах. Рассматриваются особенности содержания термина «допрос» во французском, германском и англо-американском уголовном процессе. Делается вывод о соотношении нормативных подходов к термину «допрос» в указанных правовых системах с российским уголовным процессом.

Ключевые слова: допрос, уголовный процесс, показания, предварительное расследование, судебное разбирательство.

In the present article questions of definition of the term «interrogation» (examination) in various legal systems are investigated. Features of contents of the term «interrogation» in the French, German and Anglo-American criminal proceedings are considered. The conclusion about a ratio of standard approaches to the term «interrogation» (examination) in the specified legal systems with the Russian criminal proceedings is drawn.

Keywords: interrogation, examination, criminal proceedings, indications, preliminary investigation, judicial proceedings.

Одним из важнейших элементов юридической техники является определение правовых понятий. Определение правового понятия предполагает указание совокупности признаков, определяющих его содержание.

Определение понятий необходимы и важны, так как они позволяют уточнить и конкретизировать содержание, которое вкладывается в него. Однако в текстах нормативных актов и правовой научной литературе оперирование определениями представляет значительные неудобства, поэтому языковой формой понятия выступают не юридические определения, а юридические термины — отдельные слова или словосочетания, обозначающие научные понятия. К таким терминам, в уголовном судопроизводстве, в частности, относится термин «допрос», обозначающих процесс получения показаний участников судопроизводства.

При этом следует отметить, что в различных правовых системах одинаковые термины могут иметь различное содержание и наоборот, одни и те же понятия

¹ КУЧЕРКОВ Иван Александрович, доцент кафедры уголовного процесса Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук, доцент.

KUCHERKOV Ivan Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Peoples Friendship University of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

могут определяться различными «терминами». Не стал исключением из этого и допрос.

Так, во французском уголовном процессе термин «допрос» (*interrogatoire*) применяется только при получении показаний обвиняемого (ч. 2 ст. 80–2 УПК) при его «первой явке» (ст. 116 УПК) у следственного судьи на стадии предварительного следствия. Содержание составляют сущность уголовного наказуемого деяния, вменяемого обвиняемому следственным судьей, а также совокупность серьезных или совпадающих улик, которая делает вероятным, что допрашиваемый мог участвовать в качестве исполнителя или сообщника в совершении уголовно наказуемого деяния. Обязательным условием проведения такого допроса является присутствие адвоката обвиняемого.

В то же время для получения показаний свидетеля, подозреваемого или гражданского истца, французский законодатель и доктрина используют термин «заслушивание» (*audition*). Именно данный термин, а не термин «*interrogatoire*» применяется к получению показаний подозреваемого относительно обстоятельств подозрения в совершении или попытке совершения им уголовно наказуемого деяния (ст. 61–1 УПК), жертвы преступления (ст. 63-4-5 УПК), гражданского истца (ст. 89–1 УПК), свидетеля (ст. 101-113 УПК) и ассистированного свидетеля (ст. 113-1-113-8 УПК)². При этом в уголовно-процессуальном законодательстве подчеркивается различие содержания данных терминов при их совместном употреблении. Так в ч. 1 ст. 114 УПК, находящейся в разделе 5 части 3 книги 1 УПК «Допросы и очные ставки» (*Des interrogatoires et confrontations*)³ указывается, что стороны могут быть заслушаны, допрошены или приведены к очной ставке только в присутствии надлежащим образом назначенных адвокатов, если они от них прямо не отказались. Аналогичный подход наблюдается и в ст. 120 УПК, в которой упоминается руководство следственным судьей ходом допроса, очной ставки или заслушивания и правах прокурора Республики и адвокатов в ходе их проведения.

Тем образом, можно сделать вывод, что французская модель допроса предполагает 2 его разновидности: «*interrogatoire*», обозначающий допрос обвиняемого и «*audition*» для получения показаний других участников уголовного процесса.

Иной подход к использованию термина «допрос» существует в уголовном процессе ФРГ. Здесь для всех видов допроса для всех стадий уголовного процесса существует термин «*Vernehmung*». Данный термин используется для допроса:

² См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEX T000006071154>.

³ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEX T000006071154>.

- А) Подсудимого — «За допросом подсудимого следует исследование доказательств» (Nach der Vernehmung des Angeklagten folgt die Beweisaufnahme) (ч. 1 § 244 УПК);
- Б) Обвиняемого — название параграфов 163а УПК «Допрос обвиняемого» (Vernehmung des Beschuldigten); 135 УПК «Прямой допрос» (Sofortige Vernehmung); и 136 УПК «Первый допрос» (Erste Vernehmung).
- В) Свидетеля — «Свидетели обязаны явиться в суд во время, назначенное для их допроса» (Zeugen sind verpflichtet, zu dem zu ihrer Vernehmung bestimmten Termin vor dem Richter zu erscheinen) (ч. 1 § 48 УПК); «Перед допросом свидетели должны быть предупреждены о том, что они должны говорить правду, и им должны быть даны разъяснения об уголовно-правовых последствиях дачи ложных или неполных показаний» (Vor der Vernehmung werden die Zeugen zur Wahrheit ermahnt und über die strafrechtlichen Folgen einer unrichtigen oder unvollständigen Aussage belehrt. Auf die Möglichkeit der Verteidigung werden sie hingewiesen) (§ 57 УПК), название § 241а УПК «Допрос несовершеннолетних свидетелей Председательствующим судьей» (Vernehmung minderjähriger Zeugen durch den Vorsitzenden)⁴.

Исключение из данного правила составляет термин «перекрестный допрос» (Kreuzverhör), упоминаемый в § 239 УПК, однако и здесь его содержание раскрывается через термин «Vernehmung». Однако в связи с указанным термином следует обратить внимание, что в немецком языке существует еще один термин обозначающий допрос — «Verhör» и производный от него глагол «verhören» — допрашивать. Однако данный термин, возникший в средневековом германском уголовном процессе, и широко применявшийся в немецком УПК до 1949 года, в настоящее время считается анахронизмом и не употребляется. Причиной тому является инквизиционный характер процессуального действия, обозначаемый данным термином, а также его активное использование в полицейской практике национал-социалистской Тайной государственной полиции в 1933–1945 гг.⁵

При использовании термина «Vernehmung» в глагольной форме германский законодатель также использует единую форму «допрашивать» (vernehmen). Например: «Der Vorsitzende *vernimmt* den Angeklagten über seine persönlichen Verhältnisse» — Председательствующий допрашивает подсудимого о данных, касающихся его личности. (ч. 2 § 243 УПК); «Der Beschuldigte ist unverzüglich dem Richter vorzuführen und von diesem zu vernehmen» — Обвиняемый должен быть незамедлительно приведен к судье и допрошен судьей (§ 135 УПК); «Die Zeugen

⁴ См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html>.

⁵ См.: Schulz K. Hans und Sophie Scholl im Verhör.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/weisse-rose/61038/die-verhoere>.

sind einzeln und in Abwesenheit der später zu hörenden Zeugen zu vernehmen» — Свидетели должны допрашиваться отдельно и в отсутствие свидетелей, которые должны давать показания позже (ч. 1 § 58 УПК).

Таким образом, в противоположность французскому подходу уголовное судопроизводство ФРГ использует единую терминологию для обозначения допроса. Указанный подход является сходным с российским, так как предполагает наличие универсальной терминологии для обозначения допроса на всех стадиях уголовного судопроизводства в отношении всех категорий лиц.

Достаточно своеобразным является подход к термину «допрос» существует в англо-американской системе права. В доктрине и нормативно-правовых актах стран данной системы права существует два термина, обозначающие «допрос» — «examination» и «interrogation». Термин «examination» используется в контексте «судебного допроса» и используется в судебных стадиях уголовного процесса. В свою очередь, термин «interrogation», заимствованный в 19 веке из французского уголовного процесса (interrogatoire) обозначает полицейский допрос и применяется в уголовно-процессуальной доктрине и актах, регулирующих допрос в стадии полицейского расследования. Кроме того, в подзаконных актах, регулирующих деятельность полиции встречается также термин «interviewing», обозначающий допрос подозреваемого. Так согласно § 11.1А Кодекса С Свода практических правил полиции Великобритании допрос (interviewing) заключается в постановке полицией вопросов человеку относительно его причастности к преступлению.

Таким образом в уголовное судопроизводство стран англо-американской системы права оперирует несколькими терминами, обозначающими понятие «допрос» — «examination» для судебных стадий, «interrogation» и «interviewing» для досудебного производства (полицейского расследования).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. Schulz K. Hans und Sophie Scholl im Verhör. [Электронный ресурс]. URL <http://www.bpb.de/geschichte/nationalsozialismus/weisse-rose/61038/die-verhoere>.
2. Барабанов П. К. Уголовный процесс Великобритании. М., 2016.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154>.
4. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html>.
5. Шредер Ф-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии. Москва – Берлин, 2016.

Ларин А. А., Обидина Л. Б.¹
Larin A. A., Obidina L. B.

ДОПРОС С УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА

INTERPRETER-MEDIATED POLICE INTERROGATION

В статье рассматриваются требования к переводчику, участвующему в допросе. Поднимается проблема проверки профессиональной компетентности переводчика, указывается на особенности коммуникативной ситуации допроса с участием переводчика, и необходимость учета этих особенностей следователем (дознавателем) при планировании стратегии и тактики допроса.

Ключевые слова: допрос, профессиональная компетентность переводчика, оценка компетентности переводчика.

The article deals with the requirements to the interpreter (translator) assisting interrogation. The authors discuss the problem of assessing interpreters' (translators') professional competence and highlight distinctive features of communicative situation during interpreter-mediated investigation that shall be considered by the investigator when planning interrogation strategy and tactics.

Keywords: interrogation, professional competence of the interpreter (translator), assessment of the competence of the interpreter (translator).

В части 1 ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса РФ говорится о том, что переводчик — это «лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода». Если обратиться к смежному процессуальному законодательству, то аналогичное определение мы находим в ст. 57 Арбитражного процессуального кодекса РФ, а Кодекс административного судопроизводства РФ в ст. 52 называет переводчиком лицо, «свободно владеющее языком, на котором осуществляется административное судопроизводство,

¹ЛАРИН Александр Александрович, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор бюро переводов «Альба», кандидат юридических наук.

LARIN Alexander Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Director of Alba Translation Bureau, PhD in Law.

ОБИДИНА Людмила Борисовна, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент.

OBIDINA Lyudmila Borisovna, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Law Faculty Process Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, PhD in Law, Associate Professor.

и другим языком, знание которого необходимо для перевода с одного языка на другой, либо лицо, свободно владеющее техникой общения с глухими, немыми, глухонемыми». Другие законы, регламентирующие конституционное, гражданское судопроизводство, не дают определения переводчика, а лишь предусматривают право участников процесса привлечь такого к рассмотрению дела. Таким образом, в самом определении переводчика (ч. 1 ст. 59 УПК) законодатель закрепляет лишь одно из *необходимых требований*, которые предъявляются к этому субъекту. Другие требования, хотя прямо и не сформулированы, но вытекают из содержания уголовного закона, поскольку исключают участие переводчика в уголовном судопроизводстве. Речь идет о незаинтересованности переводчика в исходе дела (статьи 61 и 69 УПК РФ) и о его компетентности (ст. ч. 2 ст. 169 УПК РФ). Некоторые авторы обозначают и *иные требования* к личности переводчика. К числу таковых, в частности, относят: недопустимость совмещения функций переводчика с выполнением других процессуальных обязанностей по уголовному делу², достижение восемнадцатилетнего возраста³. М. А. Джафаркулиев указывает на наличие у переводчика семи обобщенных признаков. Кроме приведенных, автор называет назначение дознавателем, следователем, прокурором; вступление в дело в случае, если кто-либо из участников не владеет языком судопроизводства⁴.

Здесь возникают три ключевых вопроса, на которых авторы хотели бы остановиться в рамках данной статьи. Во-первых, что следует понимать под компетентностью переводчика и можно ли ставить знак равенства между требованием владения языком и компетентностью. Во-вторых, как и кем должна осуществляться проверка компетентности переводчика? В-третьих, каковы особенности коммуникативной ситуации допроса с участием переводчика, и как эти особенности должны учитываться следователем и переводчиком.

Профессиональная компетентность переводчика. Полагаем, что решение вопроса об оценке качества перевода и компетенции переводчика невозможно без обращения к современной теории перевода. Категория качества перевода многими исследователями считается фундаментальной категорией переводоведения,

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 417.

³ См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 268–269; Головинская Е. П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 10.

⁴ См.: Джафаркулиев М. А. Проблемы национального языка судопроизводства в правотворческой и правоприменительной деятельности на современном этапе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 184–186.

с которой все прочие его категории связаны отношениями субординации⁵. Как справедливо отмечает один из ведущих теоретиков перевода В. В. Сдобников, «основанием для подобного утверждения является тот непреложный факт, что одна из важнейших задач науки о переводе — выработать способы повышения качества перевода, что, в свою очередь, предполагает разработку критериев оценки качества перевода и типологии переводческих ошибок»⁶.

Перевод представляет собой достаточно сложный и трудоемкий вид интеллектуальной деятельности, где крайне высок риск ошибок, и огромную роль играет компетентность, подготовленность переводчика, а также условия в которых осуществлялся процесс перевода.

Разные исследователи выделяют различные компоненты переводческой компетенции, но заслуга создания целостной концепции переводческой компетенции, безусловно, принадлежит В. Н. Комиссарову. «В процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной», непереводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом»⁷.

Языковая компетенция переводчика включает владение языком оригинала и языком перевода, наличие знаний о системе, норме и узусе языка, его словарном составе и грамматическом строе.

Под текстообразующей (текстовой) компетенцией понимается умение создавать тексты в соответствии с принятыми в данной ситуации правилами, знание различий в правилах построения текстов в двух языках.

Достаточное владение языком — это необходимое, но недостаточное условие для коммуникации между людьми, независимо от того, осуществляется эта коммуникация на одном языке или в ситуации перевода. По утверждению О. В. Федотовой, участники коммуникации «дополняют языковое содержание высказывания информацией, которую они извлекают из обстановки общения, предыдущего опыта и знаний о мире, т. е. фоновых знаний»⁸. Способность человека к интерференции — формированию правильных выводов из речевых

⁵ См., напр.: Семко С. А. и др. Проблемы общей теории перевода. Таллинн, 1988. С. 71–72.

⁶ Сдобников В. В. Оценка качества перевода в аудитории и в реальной жизни // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11. С. 41.

⁷ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М., 2002. С. 326.

⁸ Федотова О. В. О профессионально значимых компетенциях переводчика. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2009/Philologia/47675.doc.htm (дата обращения: 21.11.2018).

высказываний о их полном содержании на основе фоновых знаний — составляет его коммуникативную компетенцию⁹.

Профессиональная компетенция переводчика включает и определенные личностные характеристики. Осуществление перевода предполагает особую психическую организацию, гибкость, способность быстро переключать внимание, переходить от одного языка к другому, умение удерживать в памяти большие объемы информации, умение сопоставлять различные культуры и реалии, а применительно к юридическому переводу еще и правовые системы.

Техническая компетенция переводчика включает знания, умения и навыки, необходимые для выполнения переводческой деятельности: знания о стратегиях перевода, переводческих приемах и трансформациях.

Другие исследователи выделяют иные компоненты переводческой компетенции. Так, С. А. Королькова говорит о лингвистической, операциональной и социокультурной компетенциях¹⁰. К числу культурно-ориентированных компонентов профессиональной компетентности относят социокультурную, лингвострановедческую, лингвокультурологическую, межкультурную и этническую компетенции¹¹. М. Л. Воловикова отмечает, что «содержательная сторона (лингвистический компонент) логично связана и организована в соответствии с намерением коммуниканта (дискурсивный компонент) в определенном контексте (социолингвистический компонент) с использованием стратегий преодоления возможных помех (стратегический компонент) и учетом межкультурных различий (межкультурный компонент)»¹².

⁹ См.: *Комиссаров В. Н.* Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997. С. 32.

¹⁰ См.: *Королькова С. А.* Текстологическая модель обучения письменному переводу студентов языковых вузов: На материале французского языка: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2006. С. 59.

¹¹ См.: *Коханова А. В.* О некоторых вопросах формирования переводческой компетенции при работе со студентами переводчиками // *Язык. Культура. Коммуникация.* Ульяновск, 2007. С. 341-343; *Крепкая Т. Н.* Формирование иноязычной коммуникативной компетентности в системе дополнительной профессиональной лингвистической подготовки студентов в техническом вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005; *Миньяр-Белоручев Р. К.* Как стать переводчиком? М., 1999; *Оберемко О. Г.* Теоретико-методологические основы подготовки переводчиков в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2003; *Орехов М. Е.* Формирование этнической толерантности лингвиста-переводчика в процессе профессиональной подготовки в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2005; *Тюленев С. В.* Теория перевода: учебное пособие. М., 2004.

¹² Формирование иноязычной коммуникативной компетентности лингвиста-переводчика на основе проектов ФГОС ВПО третьего поколения и общеевропейских стандартов языкового образования: кол. монография / Под ред. М. Л. Воловиковой. Ростов-н/Д, 2010. С. 41.

В рамках данного исследования авторы не ставили перед собой задачу осветить все существующие в переводоведении теории и подходы к понятию и структуре профессиональной компетенции переводчика, но даже из процитированных точек зрения неизбежно следует вывод о том, что владение языком или лингвистический компонент является хотя и важной, но лишь частью компетенции, необходимой для успешного осуществления перевода.

Таким образом, компетентность переводчика ни в коем случае не должна сводиться исключительно к его языковой компетенции. Правильнее было бы вести речь *не о свободном владении языком, а о компетентности* переводчика, т. е. его способности квалифицированно осуществить деятельность в данной сфере. Это позволило бы избежать ситуаций, когда в качестве переводчиков в уголовный процесс привлекаются лица, владеющие языком лишь на бытовом уровне, что приводит к недопустимости доказательств, полученных с участием таких переводчиков.

Более того, формулировка «свободное владение языком» не учитывает другой важный момент. Переводчиком может являться не только лицо, владеющее каким-либо языком, но и лицо, владеющее навыками сурдоперевода. Кроме того, таковым является также лицо, применяющее системы Брайля — тифлосурдопереводчик.

Критерии и субъекты оценки компетентности переводчика. Статья 169 УПК РФ устанавливает обязанность следователя удостовериться в компетентности переводчика, ставя его таким образом в положение критика, который должен вынести заключение о профессиональной компетентности переводчика. На практике удостоверение компетентности переводчика, как того требует ст. 169 УПК, фактически никак не осуществляется. Проведенное нами интервьюирование дознавателей и следователей, неоднократно привлекавших по расследуемым делам переводчика, показало, что 38,6% из них проверяли квалификацию переводчика путем изучения документа о его образовании, 21,4% дополнительно задавали лицу вопросы относительно степени владения языком, 8%, кроме того, предлагали переводчику и допрашиваемому обменяться несколькими фразами. Остальные респонденты воздержались от указаний на применяемые ими способы. В то же время человек, приглашенный в качестве переводчика, может свободно владеть разговорным языком, но с трудом осуществлять письменные переводы, либо не знать значение тех юридических или иных специальных терминов, которые используются при производстве по уголовному делу, не уметь передать их точного значения средствами языка перевода. Справедливости ради, надо отметить, что судьи более требовательно подходят к проверке личности и компетентности переводчика — около половины опрошенных судей (а точнее, 48%) отметили, что «видели документы» (об образовании, удостоверение переводчика, доверенность бюро переводов и т. п.).

В юридической литературе по этому поводу высказаны суждения, которые, на наш взгляд, носят рекомендательный характер для правоприменителя. Так, предлагается при допуске конкретного лица в качестве переводчика, после установления его анкетных данных, задать следующие вопросы: в совершенстве ли он владеет языком судопроизводства и языком того участника процесса, который нуждается в переводчике; обладает ли он навыками перевода; ориентируется ли в специальной терминологии. Получив утвердительные ответы, необходимо убедиться в его «разговорности», предложив переводчику обменяться фразами с лицом, нуждающимся в его услугах, и выяснить — понимают ли они друг друга¹³. Похожие предложения высказаны другими авторами научных работ. Например, И. И. Бунова предлагает допрашивать лицо, «являющееся кандидатом в переводчики, в качестве свидетеля в целях установления данных о его личности, компетентности, отсутствия обстоятельств для отвода»¹⁴. С. В. Швец также высказывает предложение о законодательном разрешении «предварительного общения переводчика и лица, для реализации языковых прав которого назначен переводчик, для выяснения языковых особенностей этого лица»¹⁵.

Перечисленные выше способы представляются неубедительными и свидетельствуют о ненаучном представлении о сущности переводческой деятельности, характерном для обыденного сознания. Полагаем, что возложение такой обязанности на дознавателя, следователя или суд (судью) неоправданно и практически трудно осуществимо. По мнению авторов статьи, решением проблемы оценки компетентности переводчика могло бы стать создание квалификационных комиссий при территориальных органах юстиции в субъектах Российской Федерации, уполномоченных принимать экзамен на получение статуса судебного (присяжного) переводчика. Создание единой на всей территории России процедуры сдачи квалификационного экзамена позволит объединить информацию о сдавших его лицах в Единый государственный реестр судебных переводчиков. Представляется, что такой реестр должен быть создан в электронной форме и доступен судьям, прокурорам, адвокатам, следователям, а также должностным лицам иных правоохранительных органов.

Невозможность надлежаще проверить квалификацию переводчика усложняет проверку следователем достоверности, правильности перевода. Несомненно, что недостоверность перевода, выявленная в ходе предварительного расследования, должна быть безусловным основанием для отказа от услуг данного переводчика

¹³ См.: Головинская Е. П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства. С. 70.

¹⁴ Бунова И. И. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

¹⁵ Швец С. В. Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях перевода: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 45.

в будущем, но при отсутствии единой информационной базы, куда могла бы быть занесена эта информация, обмен сведения между правоприменителями носит окказиональный характер.

Очевидно, что недостоверность перевода лишает доказательство, полученное в ходе следственного действия (включая допрос), необходимого качества — достоверности, то есть соответствия полученных сведений реальной действительности. Кроме того, по нашему мнению, информация, полученная с участием некомпетентного переводчика, может быть признана и недопустимой, поскольку при этом нарушены требования уголовно-процессуального закона. Следовательно, она не может использоваться в процессе доказывания. В этой связи правильным представляется мнение Г. Я. Имамудиновой о том, что некомпетентность переводчика может повлиять на признание доказательств недопустимыми лишь, если недостоверный перевод был положен в основу обвинения¹⁶. Именно поэтому особо важным является установление компетентности переводчика в самом начале его участия в производстве по уголовному делу. В противном случае возникнет необходимость повторного проведения следственных действий, что, безусловно, повлечет за собой затраты времени, сил и средств.

Особенности перевода в коммуникативной ситуации допроса. Допрос, как важнейшее следственное действие, направленное на собирание и проверку доказательственной информации по уголовному делу, занимает особое место в системе следственных действий. Допрос с участием переводчика характеризуется специфическими чертами, — процессуальными и тактическими.

Планируя допрос с участием переводчика, следователь (дознатель) должен учитывать возможную психологическую неподготовленность переводчика к той коммуникативной ситуации, которая его ожидает. Переводчик должен знать и уметь распознавать используемые следователем коммуникативные стратегии и тактики допроса. Это особенно важно для ситуации устного перевода, где переводчик работает в режиме реального времени, в непосредственном визуальном контакте с субъектами общения.

Перед началом следственного действия следователю (дознателью) необходимо провести краткую вводную беседу с переводчиком, сообщить ему круг обстоятельств, которые он намерен выяснить путем допроса, подготовить к тем психологическим и тактическим приемам, которые могут быть использованы, к возможным конфликтным ситуациям. Например, в ходе допроса потерпевшего, подвергшегося разбойному нападению, следователю нужно установить точные приметы личности нападавшего преступника, и важность этого он должен донести до сведения переводчика.

¹⁶ См.: Имамудинова Г. Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 12.

Переводчику, в свою очередь, важно руководствоваться принципом, беспристрастности, не выходить за рамки своих профессиональных обязанностей, уклоняться от прямого, не связанного с выполнением функции перевода, общения с реципиентами (получателями) перевода, чьи цели и задачи в данной коммуникативной ситуации, очевидно, являются диаметрально противоположными: для следователя важно получить доказательства виновности, выделить в объяснениях обвиняемого те обстоятельства, которые содержат признаки конкретного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, либо носят обвинительный уклон; а для обвиняемого, не признающего себя виновным, важно обратить внимание следователя на те детали и факты, которые, по его мнению, подтверждают его непричастность к преступлению, либо смягчают степень его вины.

Таким образом, эффективность и доказательственная значимость допроса с участием переводчика зависит от многих факторов: от профессиональной компетентности переводчика, от правильности выбора следователем (дознавателем, судом) конкретного переводчика, от соблюдения переводчиком своих профессиональных обязанностей (принципов переводческой деятельности), от тактики и этики процедуры самого допроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. Бунова И. И. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Головинская Е. П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.
3. Джафаркулиев М. А. Проблемы национального языка судопроизводства в правотворческой и правоприменительной деятельности на современном этапе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
4. Имамудинова Г. Я. Актуальные вопросы участия переводчика в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М., 2002.
6. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997.
7. Королькова С. А. Текстологическая модель обучения письменному переводу студентов языковых вузов (на материале французского языка): дис. ... канд. пед. наук: Волгоград, 2006.
8. Коханова А. В. О некоторых вопросах формирования переводческой компетенции при работе со студентами переводчиками // Язык. Культура. Коммуникация. Ульяновск. 2007.
9. Крепкая Т. Н. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности в системе дополнительной профессиональной лингвистической подготовки студентов в техническом вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М., 1999.
11. Оберемко О. Г. Теоретико-методологические основы подготовки переводчиков в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2003.

12. *Орехов М. Е.* Формирование этнической толерантности лингвиста-переводчика в процессе профессиональной подготовки в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2005.
13. *Рахунов Р. Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961.
14. *Сдобников В. В.* Оценка качества перевода в аудитории и в реальной жизни // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. № 11.
15. *Семко С. А. и др.* Проблемы общей теории перевода. Таллинн, 1988.
16. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
17. *Тюленев С. В.* Теория перевода: учеб пособие. М., 2004.
18. *Федотова О. В.* О профессионально значимых компетенциях переводчика. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/16_NPRT_2009/Philologia/47675.doc.htm (дата обращения: 21.11.2018).
19. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности лингвиста-переводчика на основе проектов ФГОС ВПО третьего поколения и общеевропейских стандартов языкового образования: кол. монография / Под ред. М. Л. Воловиковой. Ростов-н/Д., 2010.
20. *Швец С. В.* Криминалистическая тактика следственных и судебных действий в условиях перевода: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2015.

Матвеева Л. Ю.¹
Matveeva L. Yu.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ РЕЧИ ДОПРАШИВАЕМОГО В ХОДЕ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ЗАПИСИ ДОПРОСА

IDENTIFICATION SIGNS OF SPEECH PREPARATION OF AN INTERVIEWEE

В настоящее время допрос становится предметом рассмотрения не только юристов, но и лингвистов. Экспертное исследование звуковой стороны речи помогает решить одну из актуальных задач — выявить признаки подготовленности в речи допрашиваемого путем анализа видеозаписи допроса.

Ключевые слова: допрос, фоноскопическая экспертиза, подготовленность речи.

Now interrogation becomes a subject of consideration not only of lawyers, but also linguists. The expert research of the sounds of the speech helps to solve one of relevant tasks — to reveal signs of readiness in the speech of the interrogated person by means of analysis of interrogation video.

Keywords: interview, acoustic forensics, speech preparation.

В ходе рассмотрения дел, связанных с нарушениями административного и уголовного законодательства, органы следствия и дознания часто прибегают к помощи судебной экспертизы. В настоящее время перечень специальностей, представленных в государственных экспертных учреждениях, достаточно широк для того, чтобы эксперты могли оказывать содействие органам следствия и дознания практически в любом вопросе. Одной из таких специальностей является исследование голоса и звучащей речи, проводимое в рамках криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей или фоноскопической экспертизы.

Преимущество данного вида экспертизы заключается в том, что он исследует не только собственно текст звучащей речи, но и такие элементы нашего общения как интонацию, темп, тембр речи, манеру говорения. Эти особенности нашей специальности используются при анализе видеозаписей следственных действий с целью изучения признаков заученности или подготовленности речи говорящего.

¹ МАТВЕЕВА Любовь Юрьевна, аспирант кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, заведующий отделом видеотехнических, фоноскопических и компьютерных экспертиз ФБУ Саратовская ЛСЭ Минюста России.

MATVEEVA Lyubov Yurievna, Post-Graduate Student at Saratov State Medical University, Head of Department of Video- Acoustic-And Computer- Forensics of FSA «Saratov Forensics Laboratory» Ministry of Justice of the Russian Federation.

Одними из видов следственных действий являются допрос и проверка показаний на месте. Согласно закону (статьи 189, 194 УПК²), данные действия производятся с целью выяснения, уточнения обстоятельств, ставших известными в ходе предварительного расследования, а также установления новых обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела. В настоящее время в связи с усилением правового законодательства во время указанных процессуальных действий все чаще осуществляется видеозапись. Делается это не только с целью фиксации обстоятельств, ставших известными в ходе проведения допроса либо проверки показаний, но и с целью выявления признаков заученности или подготовленности в речи допрашиваемого³. Для выявления указанных признаков важно, чтобы на экспертизу предоставлялась запись как можно более раннего допроса потерпевшего, подозреваемого или свидетеля. Дополнительный допрос и проверка показаний на месте вторичны по отношению к первичному допросу, поскольку во время их производства допрашиваемый частично либо полностью дублирует свои показания, данные ранее. Однако, как показывает практика, первичный допрос на видео не записывается.

Рассмотрим основные критерии анализа допроса подробнее. Вначале осуществляется анализ коммуникативной ситуации. При анализе видеозаписи допроса речевые действия допрашиваемого лица, осуществляются в регламентированной коммуникативной ситуации — ситуации допроса. Участниками разговора являются допрашивающий и допрашиваемый. Допрашивающий является инициатором разговора: задает вопросы, уточняет, побуждает к даче показаний, непосредственно следит за развитием информации. Диалог между допрашивающим и допрашиваемым в целом состоит из правильных вопросно-ответных диалогических единств. С точки зрения взаимоотношений между коммуникантами, это официальное межличностное общение, в котором соблюдаются правила мены ролей «говорящий — слушающий». В соответствии с особенностями коммуникативной ситуации, цель и тема разговора являются известными: допрашиваемый понимает, о чем его будут спрашивать, то есть тема и предмет разговора являются известными ему заранее. В исследуемых видеозаписях содержится речь лиц, которая является диалогической, т. е. предусматривает вопросно-ответное взаимодействие. На протяжении диалога речь сопровождается паузами, которые являются нормативными в ситуации разговорной речи, рассказа, воспоминаний.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018).

³ См.: Гагина О. В., Кузнецов В. О., Секераж Т. Н. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. Т. 5. № 2. С. 93–104.

Далее происходит анализ фонетической и лексико-грамматической структуры высказывания. Основными фонетическими особенностями подготовленной речи являются: стабильный темп речи; уменьшение количества семантически и синтаксически не обусловленных пауз; соответствие логических пауз пунктуационным паузам (Ж1: *А некого было звать. У нас частный дом, и если будешь все равно кричать, никто не услышит, и тем более была дверь закрыта изнутри*); повторы и дублирования реплик (М2: *Я... Ванька остался около них, мы подошли поздоровались с ними, Ванька остался около них. <...> Ну в сто... в сторону Безымянки, в сторону города Энгельс... Ну в сторону Безымянки сначала поехали*); отсутствие пауз хезитации (Ж1: *Я не помню, в каком. Я не помню, то ли в январе, то ли в декабре. То, что я вот вспоминаю, я вам говорю. И я помню прекрасно, что когда она позвала посмотреть комнату, да, комната была в нормальном состоянии. Я помню, что это было за 3-й поликлиникой*).

К лексико-грамматическим признакам подготовленности речи относятся: сокращение количества вводных и незначительных слов; легкость деления на отдельные синтагмы и предложения (Ж1: *Не справки, а восстанавливали для того, чтоб человек получил право собственности каждый. У всех пайщиков были документы на руках. Были какие-то обрывки документов о том, что его, там, родители, имели выделенный пай земли в этом, в этой Сосновке. Понимаете, как там, у колхозников. То не было свидетельства, то не было свидетельства о смерти. У некоторых не было даже паспортов*); использование слов и выражений, свойственных официально-деловому стилю речи (М2: *Мы прибыли на пересечение улицы Вольской и Большой Горной, осмотрев местность, я понял, что ошибся и, сориентировавшись, могу пояснить, что... <...> Сказал, что поджог будет совершаться путем поджога канистры с бензином... <...> Я поднял пистолет и произвел выстрел в область головы. <...> Следующее преступление это было убийство с целью завладения автомобилем...).*

Таким образом, мы можем отметить, что основными признаками заученности и подготовленности речи является четкое деление высказывания на отдельные предложения, отсутствие хезитационных пауз, как заполненных, так и не заполненных, использование несвойственных для разговорной речи форм (например, причастий и деепричастий), употребление лексических и синтаксических конструкций, не характерных для разговорной речи. Появление в речи допрашиваемого лексики, свойственной речи следователя, связано с тем, что при проведении предыдущих допросов, при повторении одних и тех же показаний, говорящий для описания своих действий начинает использовать конструкции, присутствующие в вопросе следователя. Именно по этой причине записи каждого последующего допроса с точки зрения наличия признаков заученности и подготовленности речи являются менее ценными, чем запись первичного допроса.

Далее в ходе анализа экспертом устанавливается наличие признаков свободной, неподготовленной речи, среди которых фонетические признаки: темповая неоднородность: большая контрастность звуковой формы по темпу, ослабление артикуляции, т. е. появление сегментов неполного типа произнесения, усиление редукции гласных вплоть до полного выпадения, упрощение сочетаний согласных (Ж1: Ну, щас-щас-щас ... <...> Семьсот восемьсот это тока может быть двухкомнатная квартира, но никак не ее, понимаете? <...> Сто тридцать тыщ Москва дала мне... ответ. <...> Ну да-да-да, че-то такое); появление пауз хезитации — как заполненных, так и незаполненных, появление слов-заполнителей пауз (М2: Потом N сказал загрузить его в «Волгу», в багажник. Мы погрузили в багажник... и потом думали...<...> Ну, его долго не было. Потом... он появился, завел «Волгу» и поехали в сторону...<...>; М2: Вот, и поэтому, и, а-а, копии, ксерокопии паспорта в деле не было, поэтому еще, как бы, до последнего не знали, как точно у него там было. <...> Ну, да, ответ. Ну, как, у нас как, требование, а-а, заполняешь и на обратной стороне, либо там если там много чего, то там на отдельном листочке, по-разному); обилие незаконченных синтаксических построений (М2: Ну, они... Это надо туда дальше рассказывать, когда они поменялись. Ну когда мы ехали в сторону... Ериш... Как его... Ериш... Наша трасса в сторону Еришова, да, в ту сторону, только не доезжая Еришова, у нас закон... как по трассе ехать, не доезжая кольца... заправки, у нас закончился бензин. Здесь они... остановила «ГАЗель», дотащила до заправки... <...> Туда приехали... Только я заметил знак Шумейку, а точно куда мы напра... в какую сторону повернули, я не знал); особый синтаксис, обусловленный спонтанностью устной речи (незавершенные предложения, повторы, неплавность и т. п.) (М2: Ну, втыкнул я... когда воткнул в него... <...> Не втыкнешь в него ножом. Ну, я проб... Первый раз попробовал, у меня нож не вошел. Нож был с кухонных приборов. <...> Я не помню, сколько время было... Но потом оттуда... Генка... Смотрю, Генка ушел, дверь хлопнула).

Кроме того, к признакам неподготовленной речи можно отнести диалогическое взаимодействие допрашиваемого и спрашивающего (следователя), что выражено в нормативном взаимодействии вопрос-ответ (М1: Угрожал вам чем-нибудь? \ Ж1: Ну, я один раз ему сказала, что я все расскажу матери, так он меня ударил и это, ну сказал, чтоб не рассказывать. \ М1: А ударил он какую вашу часть тела? \ Ж1: По лицу. \ М1: По лицу. \ Ж1: У меня синяк был. \ М1: Чем? \ Ж1: Ну кулаком бил).

Частица «ну», которая используется в качестве стартового дискурсивного маркера, также характерна для неподготовленной речи (М2: Ну в этом подъезде на четвертом этаже произошло убийство. <...> Ну, обязательно ей нужен пинкод...<...> Ну, она была испугана...).

Часто в речи допрашиваемого содержится обиходно-бытовая лексика, употребление которой свойственно для неофициального общения (М2: *А-а, которая была со мной девушка, она тут отдыхала выпимшая... <...> Громко было, не слышно было крики ихние. <...> То бишь он ей просто как помогал...<...> Видать, хотела встать, наверно, и упала. <...> Ну, она была тута без сапогов).*

Использование частицы «ну», использование слов и словосочетаний, собственных разговорной речи, нормальное вопросно-ответное взаимодействие, наличие звуков-заполнителей пауз, упрощение фонетического состава общепотребительной лексики, — все это является самыми частотными маркерами спонтанности (неподготовленности) речи.

Кроме частотных маркеров спонтанности речи в ходе анализа мы сталкиваемся с теми особенностями речи говорящего, которые являются индивидуализирующими признаками в случае проведения, например, идентификационного исследования. Такие особенности также являются признаками свободной речи: использование в речи слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, имеющих эмоциональную окраску (М2: *Мы зашли в квартиру, вот, я ей дал денежек, дал продукты. После этого, там, вот, в прихожей, начал гладить по головке, по груди и повел сюда. Положил на постель, кофточку приподнял, гладил грудку, целовал ее, целовал здесь ноги... <...> Она прыгнула, значит, туда, вот, а-а, туда вот, потом снова забралась сюда на коленочках, а я ее уже перевернул просто); использование определенной частицы (Ж1: *Возможно, как бы, меня заинтересовал...<...> Ну, как бы, танцзал небольшой получается, мы все вместе танцуем, как-то вот конкретно...<...> Подозрения такие, потому что мой молодой человек, Денис, а-а, когда уходил, этот молодой человек оставался, как бы, в кафе. <...> Ну, как бы, учитывая, что здесь он был в майке и близко, а там вот уходящий, как бы, и в другой, как бы, одежде, да, уже, все равно что-то другое на нем было, не майка, возможно); употребление диалектных форм слов (М2: *Ну, как, вот когда с похмелья, хойт-хойт вот она полнузыречка накапат, выпьет и ей хорошо, она (нрзб)... <...> Да, у нее пинжачок, и во внутреннем кармане постоянно в пакете в целлофановом...).***

Данные особенности индивидуальны для каждого диктора, однако при многократном повторении показании, сопровождающемся уточняющими вопросами следователя, эти особенности стираются. Этим обусловлено основное различие между весомостью признаков, выявленных в тексте первичного и последующих допросов. В таких случаях анализ речи указанного диктора, зафиксированной на видеозаписях проверки показаний на месте либо допроса, свидетельствует о наличии в речи как признаков подготовленной речи, так и признаков неподготовленной речи. Как правило, признаки неподготовленной речи преобладают, а выявленные признаки

подготовленности речи могут быть связаны с тем, что на видеозаписи зафиксирована не первая ситуация дачи показаний данным лицом.

Список литературы:

1. Гагина О. В., Кузнецов В. О., Секераж Т. Н. Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. Т. 5. № 2. С. 93–104.

Россинский С. Б.¹
Rossinsky S. B.

ОСОБОЕ ПРАВОВОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ В ПОРЯДКЕ ГЛ. 12 УПК РФ)

SPECIAL LEGAL PURPOSE OF THE INTERROGATION OF THE SUSPECT (DURING HIS DETENTION IN THE ORDER OF CHAPTER 12 OF THE RUSSIAN CODE OF CRIMINAL PROCEDURE)

Исследуя проблемы допроса лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, автор приходит к выводу о особом правовом предназначении этого следственного действия. Автор полагает, что именно допрос как первый процессуальный акт взаимодействия задержанного со следователем должен обуславливать начало осуществления уголовного преследования (формальное придание лицу статуса подозреваемого) и предполагать необходимость разъяснения ему всех прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ.

Ключевые слова: допрос подозреваемого; задержание подозреваемого, подозреваемый; подозрение.

The author explores the problem of interrogating a person during his arrest on suspicion of committing a crime. The author comes to the conclusion about the special legal purpose of this investigative action. The author believes that it is the interrogation as the first procedural act of interaction between the detainee and the investigator to determine the commencement of the criminal prosecution (formally giving the person the status of a suspect) and imply the need to explain to him all the rights.

Keywords: interrogation of the suspect; the detention of the suspect, the suspect; suspicion.

Допрос подозреваемого — вербальное следственное действие, состоящее в получении показаний от этого участника уголовного судопроизводства об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Ввиду особого правового статуса подозреваемого его допрос имеет двойственную процессуальную природу, являясь, с одной стороны, формой восприятия доказательственной информации, а с другой — средством защиты от уголовного преследования.

Согласно ч. 4 ст. 92 УПК РФ, в ее системном единстве с ч. 2 ст. 46 УПК РФ, лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, должно быть

¹ РОССИНСКИЙ Сергей Борисович, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

ROSSINSKY Sergey Borisovich, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Moscow State Judicial University named after O. E. Kutafina (MSLA), Doctor of Law, Associate Professor.

допрошено в порядке, установленном ст. 189 и 190 УПК РФ. Казалось бы, подобная правовая конструкция вполне разумна, поскольку указанные положения закона определяют общие требования к проведению допроса. Однако нельзя забывать о существовании установленной ст. 173 УПК РФ специальной процедуры допроса обвиняемого, предполагающей некоторые дополнительные гарантии обеспечения права на защиту. С учетом близости процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого, отсутствие тождества (по крайней мере близости) в процессуальной регламентации их допросов представляется более чем странным.

Подчас создается впечатление, что разработчики УПК РФ, конструируя механизм допроса подозреваемого посредством целой цепочки отсылочных норм, четко не проследили логику своих рассуждений. Этим они сильно осложнили восприятие того правового замысла, который попытались донести до потенциального читателя, в первую очередь, до правоприменителя. Тем более, что в ранее действовавшем советском процессуальном законодательстве данный вопрос был решен гораздо более просто и понятно: ст. 123 УПК РСФСР года четко указывала на необходимость проведения допроса подозреваемого в порядке, установленном для допроса обвиняемого. И на это обстоятельство вполне справедливо обращали внимание и многие ученые².

Наверное, ни у кого из специалистов не может быть и тени сомнения в том, что перед допросом лицо надлежит поставить в известность о сущности выдвинутого в отношении него подозрения — реализовать его право, предусмотренное п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. И в этой связи ученые активно обсуждали вопрос о моменте уведомления задержанного о сущности выдвинутого в отношении него подозрения. Наибольшее распространение получил тезис, предполагающий выполнение указанного предписания до проведения допроса (непосредственно перед допросом)³. Логика авторов такой позиции вполне понятна и объяснима — стремление сформировать прикладной алгоритм, аналогичный (по крайней мере близкий) процедуре предъявления обвинения, выполняемой по формуле «установление личности → объявление сущности обвинения → разъяснение прав → конфиденциальное свидание с защитником → допрос». И, поэтому, на первый взгляд, приведенная точка зрения вполне разумна и справедлива.

Но в ней все же есть одно слабое место, которое вытекает из методологии самой сущности подозрения. Ведь на сегодняшний день категория «подозрение»

² См., напр.: *Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилов А. А.* Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969. С. 65; *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973. С. 190; *Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилов А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 63.

³ См.: *Медведев Н. Н.* Тактика допроса подозреваемого // Труды Иркутского университета. Т. 39. Вып. 7. Ч. 2. Иркутск, 1965. С. 95; *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. С. 93.

не имеет четкой правовой определенности. Она проявляется в тексте УПК РФ, а, следовательно, и в правоприменительной практике, через формальные условия возникновения в уголовном деле фигуры подозреваемого. Попытки ученых разработать и внедрить в сферу уголовно-процессуального регулирования некую специальную правовую технологию выдвижения подозрения⁴ пока не приносят желаемых результатов. В современных условиях подозрение в отношении задержанного не предполагает отдельного следственного акта, содержащего предварительные уголовно-правовые притязания по аналогии с «дознавательским» уведомлением, вынесенным в порядке ст. 223¹ УПК РФ. Подозрение в отношении задержанного фактически формулируется посредством краткого указания в протоколе задержания соответствующих оснований и мотивов, позволяющих сделать промежуточный вывод о причастности данного лица к преступлению.

Таким образом, при действующих в настоящее время правилах задержания возложенное на следователя бремя по разъяснению подозреваемому перед его допросом сущности выдвинутого в отношении него подозрения вообще теряет всякий смысл. Если подозрение — это и есть те краткие формулировки, которые указаны в протоколе, например, «он был застигнут...», «на него показал...», «у него было обнаружено...» и т. п., то зачем же знакомиться с ними дважды: сначала при подписании протокола в порядке ч. 2 ст. 92 УПК, а затем — перед допросом? Тем более, что в практической деятельности допрос, как правило, проводится сразу после оформления этого самого протокола.

Однако если исходить из выдвинутой нами позиции о сугубо «полицейском» характере задержания подозреваемого⁵, предполагающем исключение обязанности составления соответствующего протокола из системы уголовно-процессуального регулирования, то вышеуказанный тезис подлежит кардинальному пересмотру. При сокращении юрисдикционных (следственных) полномочий в общем механизме задержания, *допрос остается практически единственным процессуальным действием, позволяющим следователю полноценно пообщаться с подозреваемым в установленном УПК РФ правовом поле.*

⁴ См.: *Сопнева Е. В.* Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 106–112; *Грибунов О. П., Степанова В. Г.* Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 13–18; *Калинкин А. В.* Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 7–11.

⁵ См.: *Россинский С. Б.* Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 71–78.

И в этой связи представляется, что не протокол задержания (как это установлено в настоящее время), а именно *допрос должен расцениваться как некая точка отсчета для возникновения статуса подозреваемого в уголовно-процессуальном смысле, то есть как правовой акт, обуславливающий начальный момент (возбуждение) в отношении задержанного уголовного преследования.*

Другое дело, что подозрение, имея предварительный, до конца не определенный характер, в принципе не может предполагать такую же четко сформулированную уголовно-правовую претензию (некую «формулу подозрения»). Подозрение в контексте п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ скорее является интеллектуальным достижением, неким мысленным набором версий и предположений, существующих не «на бумаге», а в сознании следователя, допускающего их последующее перерастание в обвинительный тезис⁶. В противном случае выдвижение подозрения трансформировалось бы в еще одну юрисдикционную процедуру, напоминающую предъявление обвинения в первоначальной редакции.

С другой стороны, сам допрос подозреваемого необходим не только в качестве гарантии защиты от уголовного преследования. Как отмечалось выше, он выполняет и классическую цель любых следственных действий — получение новых сведений, имеющих значение для уголовного дела. В связи с чем его проведение предполагает известную степень безотлагательности. Допрос нельзя откладывать на потом, превращая в завершающий акт работы с подозреваемым в надежде на возможность установить основания для уголовного преследования иными путями. *Допрос — это самый первоначальный познавательный прием, с которого следователю и надлежит начинать процессуальное взаимодействие с доставленным лицом для более ясного понимания перспектив его дальнейшего участия в уголовном деле как подозреваемого.*

Каждому специалисту, хоть немного знакомому с современной практикой, прекрасно известна весьма распространенная прикладная технология, которая заключается в двухэтапном допросе задержанного: сначала в качестве свидетеля, а затем — как подозреваемого. Полностью разделяя все имеющиеся негативные оценки подобного поведения следователей, мы, тем не менее, полагаем, что его причины хотя бы частично обусловлены сугубо процессуальным фактором — стремлением получить первоначальные сведения от задержанного в условиях несформированности в отношении него каких-то пусть даже самых предварительных уголовно-правовых притязаний.

Поэтому вытекающая из смысла п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ идея о разъяснении подозреваемому сущности выдвинутого в отношении него подозрения не может

⁶ См.: *Арабули Д. Т.* Правила производства допроса подозреваемого и их детализация // Вестник Южно-Уральского госуниверситета. 2009. № 19. С. 14; *Калинкин А. В.* Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве. С. 8.

предполагать некое предшествующее допросу самостоятельного процессуального действия, имеющего отдельную процессуальную регламентацию. Выполнение данной обязанности должно быть процедурно встроено, интегрировано в допрос подозреваемого. *Наиболее правильным способом реализации этого замысла представляется введение в правила допроса подозреваемого дополнительного требования примерно следующего содержания: «Приступая к допросу, следователь обязан разъяснить подозреваемому основания и мотивы задержания, а также выяснить желает ли он или его защитник выразить свое отношение к проведенному задержанию».*

Кстати, все вышесказанное дает основания для пересмотра, установленного ч. 2 ст. 46 УПК РФ 24-часового срока допроса подозреваемого, исчисляемого с момента фактического задержания. Если рассматривать допрос подозреваемого в качестве безотлагательного акта, в качестве правового условия возбуждения в отношении лица уголовного преследования, юридически заменяющего процессуальное решение об его задержании, то сроки проведения данного следственного действия, бесспорно, должны быть идентичны срокам, установленным в настоящее время для составления протокола в порядке ст. 92 УПК РФ. Иными словами, мы полагаем, что *подозреваемый подлежит допросу в течение 3 часов с момента его доставления в органы дознания или к следователю.*

Подводя итог всему вышесказанному, еще раз отметим, что в контексте разрабатываемого нами конституционно-межотраслевого подхода к процедуре задержания подозреваемого, его допрос приобретает особое правовое предназначение. Именно допрос как первый процессуальный акт взаимодействия задержанного со следователем должен обуславливать начало осуществления уголовного преследования (формальное придание лицу статуса подозреваемого) и предполагать необходимость разъяснения ему всех прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ::

1. Арабули Д. Т. Правила производства допроса подозреваемого и их детализация // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 19.
2. Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилев А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975.
3. Грибунов О. П., Степанова В. Г. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.
4. Калинин А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.
5. Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилев А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969.
6. Медведев Н. Н. Тактика допроса подозреваемого // Труды Иркутского университета. Т. 39. Вып. 7. Ч. 2. Иркутск, 1965.

7. *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. — Минск, 1973.
8. *Россинский С. Б.* Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 10.
9. *Сопнева Е. В.* Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // *Журнал российского права.* 2015. № 7.

Садова Т. С., Руднев Д. В.¹
Sadova T. S., Rudnev D. V.

**РОЛЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДОПРОСОВ
 (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»)**

**ROLE-PLAYING STRATEGIES OF LITERARY INTERROGATIONS
 (ON THE MATERIAL OF CHEKHOV'S STORY «DRAMA ON THE HUNT»)**

В статье рассматривается допросный и квазидопросный дискурс в рассказе А. П. Чехова «Драма на охоте» с учетом сложной композиции произведения — рассказ в рассказе — и с позиции ролевых стратегий основных героев, участников допросов.

Ключевые слова: литературный допрос, ролевые стратегии, языковая личность.

The article discusses the interrogation and quasi-interrogation discourse in the A. P. Chekhov's story «Drama on the Hunt», taking into account the complex composition of the work — a story in the story — and from the position of role-playing strategies of the main characters, the participants of the interrogations.

Keywords: literary interrogation, role-playing strategies, language personality.

Русская классическая литература полна сюжетов, которые в самом общем виде можно отнести к «юридическому дискурсу». Герои русских произведений часто участвуют в различного свойства разбирательствах: доказывают свою невиновность и признаются в содеянном, выступают свидетелями-обвинителями и защищают справедливость, причем не только в судах, но и в обыденном общении.

При всей художественности и естественной для литературного произведения идейно-эстетической нагруженности этих сцен, многие из них интересно рассмотреть с точки зрения тех ролевых стратегий, которые демонстрируют персонажи в точном соответствии с задачами общения и жанровой природой текста, вовлеченного в «правовое общение». Одним из актуальнейших жанров в этом отношении следует считать допрос, «получение (в определенном законом

¹ САДОВА Татьяна Семеновна, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

SADOVA Tatyana Semenovna, Professor of the Russian Language Department at St. Petersburg State University, Doctor of Philology, Professor.

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, доцент.

RUDNEV Dmitry V., Associate Professor of the Russian Language Department, St. Petersburg State University, Doctor of Philology, Associate Professor.

порядке) уполномоченным должностным лицом <...> информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, от указанных в законе лиц»².

Материалом для рассмотрения способов реализации различных типов речевых стратегий, выпукло представленных в литературном допросном дискурсе, послужил рассказ А. П. Чехова «Драма на охоте». Рассмотрены финальные части этого рассказа, где появляются разные типы допроса — без протокола, в момент обыденного общения, а также с соблюдением жестких рамок и правил жанра.

По сюжету некто Сергей Петрович Камышев, судебный следователь в отставке, приносит в редакцию газеты повесть «Драма на охоте», которая представляет собой воспоминания судебного следователя С. Зиновьева (как оказалось, самого Камышева) о трагедии, случившейся на охоте, а именно — убийстве Ольги Николаевны Урбениной (Скворцовой). Зиновьев, от имени которого идет повествование, выполняет — по долгу службы — свои профессиональные обязанности и учиняет допрос своим знакомым, ставшим свидетелями убийства.

С точки зрения композиции текста, «Драма» построена по принципу «сюжет в сюжете»: рассказ об убийстве Оленьки Скворцовой (Урбениной) встроен в другой, обрамляющий сюжет — о посещении Камышевым редакции и о том, как редактор по прочтении повести разгадывает («поймал секрет за хвост») тайну ее автора: убийцей Оленьки является сам Камышев-Зиновьев, а муж Ольги Николаевны, Петр Егорович Урбенин, осужденный за это убийство, невиновен и погиб на каторге по сфальсифицированным уликам. Таким образом, Зиновьев-Камышев одновременно выступает в качестве следователя и преступника, а написанный им рассказ — это сочетание допроса и квазидопроса.

Сердцевина чеховского рассказа — ролевая игра Камышева, его способность вести допрос и подводить допрашиваемого к необходимому для него результату. Основная коммуникативная задача допроса — получение объективной информации — заменена иной: Камышев выстраивает дознание так, чтобы спровоцировать Урбенина к показаниям против себя, максимально при этом выгораживая истинного преступника, судебного следователя Зиновьева.

Примечательно, что именно редактор, специалист в области художественного слова, сумел «раскрыть преступление», опираясь лишь на текст, на первый взгляд, ничего обвинительного против Камышева не содержащий. Однако реплика редактора о том, что Камышев, «умный и опытный юрист», ведет следствие, которое «напоминает письмо, нарочно писанное с грамматическими ошибками», говорит о существенном значении не только самих действий, предпринимаемых убийцей, чтобы отвести от себя подозрение, но и слов, избираемых автором повести для изображения этого следствия. «Утрировка выдает вас», — говорит редактор изумленному Камышеву, которого не смогли уличить в этом ни его

² Юридическая энциклопедия / Ред. М. Ю. Тихомиров. М., 2005. С. 114.

коллеги-следователи, ни — тем более — обыватели селения, где разворачиваются события.

Рассмотрим способы речевой «утрировки», которые стали очевидны редактору газеты и которые реализуют речевую стратегию ухода от ответственности за содеянное.

1. Допрос умирающей Ольги, которую уже соборовали и минуты жизни которой сочтены, «опытный» Камышев начинает — как будто — весьма корректно и максимально официально, несмотря на близкие отношения, которые их связывали прежде и о которых, конечно, знали присутствующие. Потому врач спешит и требует вопросов «по существу»:

Я — Зиновьев, следователь... <...> Если помните, я присутствовал на охоте... Как вы себя чувствуете?

— Задавайте вопросы по существу! — шепнул мне земский врач. — Я не ручаюсь, что сознание будет продолжительно...

— Прошу, пожалуйста, не учить! — обиделся я. — Я знаю, что мне говорить...

Намеренное затягивание допроса при очевидных обстоятельствах — первое, что настораживает редактора при знакомстве с рукописью повести. Кроме того, допрос происходит в устной форме, без фиксации в протоколе, поэтому намеренное деловое представление следователя и заботливое «Как вы себя чувствуете» — это явно избыточные этикетные клише в такой ситуации, если цель допроса — выяснить истинное положение дел.

Далее в допросе происходит подмена слова, для Камышева весьма ловкая, но редактор наверняка обратил внимание и на это.

Описывая сцену на охоте, Зиновьев-Камышев дважды употребляет глагол «добить», говоря о птице (кулике), которая кем-то подбита и мучится в агонии: — *Неужели вы, женщина, в состоянии равнодушно созерцать мучения этого кулика? Чем глядеть, как он корчится, вы бы лучше приказали его **добить**. <...> — Какая перемена! — сказал я, поднимая ягдташ и **добивая** кулика.*

При допросе умирающая героиня спешит сказать: — *И ты... и ты... **убил***. Следователь «помогая <ей> вспомнить» последовательность событий, продолжает: — *Кулика? После того, как я **добил** подстреленного кулика, вы поморщились и удалились от компании...*

Совершенно очевидно, что замена слов здесь весьма показательна: как правило, о птице не говорят «убить» (чаще — «подстрелить» или «подбить»), тем более, семантически однокоренные глаголы «убить» и «добить» существенно различны: первый означает «лишить жизни»³; второй — «убить того, кто ранен, подстрелен»⁴. Однако «добить» — также дважды — появляется в самом финале рассказа Чехова,

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 819.

⁴ Там же. С. 172.

когда Камышев сознается в убийстве Ольги: — *Злоба моя достигла максимума... Ну... и добил ее... Взял и добил...*

«Утрировка», по словам редактора, заметна в допросе Ольги и в том, что Камышев — как будто — настойчиво и многословно уговаривает ее «выдать имя злодея», не забывая при этом напомнить о своем официальном статусе и рассказывая умирающей о тех наказаниях, которые ожидают убийцу: — *Теперь потрудитесь собрать все свои силы, поработать памятью. В лесу во время прогулки вы потерпели нападение от неизвестного нам лица. Спрашиваю вас как судебный следователь, это кто был? <...> Он понесет тяжелую кару... Закон дорого взыщет за его зверство! Он пойдет в каторжные работы...*

Это избыточное многословие у постели едва живой женщины, намеренная стилизация под «детские уговоры» — явно продуманная стратегия по затягиванию самого процесса добывания информации; пафосное, а потому банальное перечисление «кар» обращено не столько к Ольге, едва дышащей, сколько к тем, кто находился в одной комнате с допрашиваемой. Неслучайно Камышев постоянно употребляет «мы» в своих вопросах: «назовите **нам**», «неизвестное **нам** лицо», а затем подчеркивает: — *Здесь, кроме меня, трое...*

Все усилия следователя направлены на «впечатление», о чем прямо заявляет редактор: окружающие должны впечатлиться его заботливостью и умением «помочь» умирающей вспомнить все в подробностях (зачем?), а Ольга — его «жертвенной» готовностью к каре и наказанию, решишь она назвать его имя. Грубая и ясная утрировка налицо.

2. Совершенно иной стратегии придерживается Камышев в допросе Петра Егоровича Урбенина, максимально подходящего в убийцы Ольги: ревность, месть стареющего мужа за измену, беспробудное пьянство. Во-первых, допрос происходит максимально официально — под протокол: с вопросами о полном имени, возрасте, роде занятий, вероисповедании и т. д. Во-вторых, содержательные вопросы — «по существу дела» — избираются из разряда самых острых, нелицеприятных для Урбенина: о побоях Ольги, о ее изменах, о последней встрече с женой в лесу.

Зиновьеву-Камышеву важно продемонстрировать «официальное следствие», при котором так часто используется апелляция к опыту юридических разбирательств вообще. «Профессиональное» недоверие к показаниям подследственного маркируется стереотипной формулой «прекрасно / недурно / хорошо придумано»: — *Все это прекрасно придумано, Петр Егорыч, — сказал я. — Но знаете ли, следователи плохо верят в такие редкие случайности, как совпадение убийства с вашей случайной прогулкой и проч. Придумано недурно, но объясняет очень мало.*

Неслучайно доверчивый Урбенин тут же реагирует на это «придуманно» эмоциональной тирадой о том, что его нельзя подозревать, потому что Зиновьев хорошо его знает, на что получает ответ от официального лица, а не от Сергея

Петровича Зиновьева, знающего его долгие годы: — *Я вас знаю — это так... но мои личные мнения тут ни при чем... Личные мнения закон предоставляет только одним присяжным заседателям, в распоряжение же следователя отданы одни только улики... Улик много, Петр Егорыч.*

Апелляция к опыту, корпоративным стереотипам, создающим иллюзию «профессионального знания», умение строить асимметричный диалог на оппозиции «официальное общение» — «бытовое общение», в которой «официальное» заведомо доминирует, — все используется Зиновьевым-Камышевым для ошеломления допрашиваемого, потери им ясности и логичности в доводах оправдания. Первый же допрос завершается категоричным заявлением следователя, на которое он вряд ли имеет право в самом начале следственных мероприятий: — *Что Ольга Николаевна убита вами, я убежден... Больше я вам сегодня ничего не скажу...*

Роль строгого, опытного и всезнающего судебного следователя сыграна Зиновьевым-Камышевым, по словам редактора, «безобразно». Вообще слова «роль», «игра», «актерство» — ключевые в понимании того рода события, которое описано Камышевым в повести, принесенной в газету для публикации. Ряд значений термина «драма», вынесенного в заглавие и повести Камышева, и рассказа Чехова, — ‘род поэзии’, ‘пьеса’, ‘тяжелое событие’⁵ — также определяет театральное поведение героев повести, что часто подчеркивается в тексте репликами героев: — *Я это объясняю тем, что вы забыли свою роль. Трудно ведь долго актерствовать: или роль забудешь, или надоест; <...> В романе проврались, да и сейчас плохо актерствуете; Сегодня ты, Алексей, выглядываешь идеальным кадрилищиком!*

Художественный текст часто сохраняет типичные речевые стратегии, применяемые людьми в той или иной (часто экстремальной) ситуации, причем более выпукло и более ясно, чем это случается в реальности. В произведении Чехова интересно сближается работа редактора и следователя: применяемый редактором герменевтический метод изучения текста рукописи Зиновьева-Камышева имеет много общего с работой следователя.

Анализ языковой личности текстов допроса является актуальной задачей юрислингвистики в связи с проблемой их фальсификации⁶. Если рассмотреть «Драму на охоте» как своеобразный текст допроса свидетеля, то редактор, подобно юрислингвисту, выполнил анализ языковой личности его автора Зиновьева-Камышева, выступившего в этом «допросе» в различных ипостасях: как случайный

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 182.

⁶ См.: Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–163.

свидетель и участник событий, как следователь и как преступник — и попытавшегося максимально скрыть свою последнюю ипостась среди остальных.

Список литературы:

1. *Абрамкина Е. Е.* Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415.
2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1990.
3. Юридическая энциклопедия / Ред. М. Ю. Тихомиров. М., 2005.

Сильнов М. А.¹
Silnov M. A.

О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОКАЗАНИЙ

ON THE CRITERIA FOR PERMISSIBLE PSYCHOLOGICAL IMPACT WHEN OBTAINING EVIDENCE

В статье, на основании анализа норм международного права и российского законодательства, предпринята попытка определить границы допустимого воздействия на личность при раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс, жестокое обращение, пытки, права человека.

In the article, based on the analysis of the norms of international law and Russian legislation, an attempt was made to determine the limits of the permissible impact on the person when disclosing and investigating.

Keywords: criminal process, cruel treatment, torture, human rights.

Как в теории права, так и в правоприменительной практике, вопросы отграничения дозволенных методов ведения следствия от недопустимых, продолжают на протяжении длительного времени оставаться в числе весьма актуальных. Ведь при оценке законности способов получения показаний, суд, следователь, дознаватель, прокурор должны учитывать не только нормы российского законодательства и практику его применения, но и широкий спектр предписаний международного права, криминалистические и психологические научные рекомендации.

Об интернациональном характере проблемы свидетельствует практика Европейского суда по правам человека² и Межамериканского суда по правам человека³.

Сложность и неоднозначность определения такого рода критериев иллюстрирует уже то обстоятельство, что в ходе расследования, в условиях

¹ СИЛЬНОВ Михаил Александрович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

SILNOV Mikhail Alexandrovich, Assistant Professor of the University of the Prosecutor Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

² См.: Постановление ЕСПЧ от 19.07.2007 «Трепашкин (Trepashkin) против Российской Федерации» (жалоба № 36898/03); Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» (жалоба № 42525/07, 60800/08) и др.

³ См.: Галарза П. М. Практика Межамериканского суда по правам человека по делам о насильственных исчезновениях // Современное право. 2015. № 4. С. 162-164.

борьбы за информацию, участники уголовного судопроизводства, так или иначе, воздействуют друг на друга. И такое психологическое воздействие может быть вполне правомерным со стороны следователя в отношении некоторых участников процесса⁴.

Влияние такого рода бывает допустимо в известных пределах, которые определяют нормы международного права, Конституция Российской Федерации и действующий уголовно-процессуальный закон. Между тем дискуссии по поводу оценки границ допустимого воздействия при допросе в теории и практической деятельности продолжают иметь место⁵.

Представляется, что в рамках настоящей статьи к определению критериев допустимого воздействия на допрашиваемого проще подойти, что называется «от противного», через характеристику отдельно взятых запрещенных приемов ведения следствия.

Обзор норм международного права позволяет отнести к их числу такие способы воздействия на человека как *физическое или психическое принуждение, пытки, насилие, угрозы, обман, продолжительные допросы, гипноз, воздействие наркотиков или любых других средств, способных нарушить или ослабить свободу его действий или решений, его память или его способность суждения*⁶.

Так, ст. 5 «Всеобщей декларации прав человека» (ООН, 10 декабря 1948 г.)⁷ провозглашает, что никто не должен подвергаться *пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию*. Аналогичные нормы содержат ст. 7 Международного пакта «О гражданских и политических правах» (ООН, 16 декабря 1966 г.)⁸ и ст. 3 Европейской «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (Рим, 4 ноября 1950 г.)⁹.

Ст. 1 «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (ООН, 10 декабря 1984 года)¹⁰ определяет *понятие пытки, как любого действия, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое*

⁴ См.: Соловьев А. Б., Центров Е. Е. Допрос на предварительном следствии: Учеб.-метод. пособие. М., 1977. С. 11.

⁵ См., напр.: Кондратенко В. А. Теория и практика допроса в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁶ См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. В. М. Лебедев; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014.

⁷ См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1998. С. 39–43.

⁸ См. Международные акты о правах человека. С. 53–68.

⁹ См.: Там же. С. 586–588.

¹⁰ См.: Там же. С. 226–237.

или нравственное, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия¹¹. В это определение не включаются боль и страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций или вызываются ими случайно.

Ст. 13 Конвенции говорит о недопустимости плохого обращения или запугивания лица в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями¹².

Утвержденный 09.12.1988 резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме»¹³, устанавливает, что ни одно задержанное или находящееся в заключении лицо не должно подвергаться *пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания*¹⁴. Никакие обстоятельства не могут служить оправданием для пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Принцип 6).

Принцип 21 запрещает злоупотреблять положением задержанного или находящегося в заключении лица с целью *принуждения его к признанию*, какому-либо иному изобличению самого себя или даче показаний против любого другого лица. Ни одно задержанное лицо не должно подвергаться во время допроса насилию, угрозам или *таким методам дознания, которые нарушают его способность принимать решения или выносить суждения*.

В силу принципа 27 несоблюдение этих предписаний при получении доказательств принимается во внимание при определении *допустимости таких доказательств* против задержанного или находящегося в заключении лица¹⁵.

Несмотря на огромное значение указанных международных актов в решении проблемы предупреждения пыток и других видов физического и психического насилия¹⁶, многие сформулированные в них положения предполагают

¹¹ Текст приводится с незначительными сокращениями.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. М., 1996. С. 147–157.

¹⁴ Термин «жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания» должен толковаться таким образом, чтобы обеспечить, по возможности, наиболее широкую защиту против злоупотреблений физического или психологического характера (официальное примечание к тексту документа).

¹⁵ См.: Правовые основы деятельности системы МВД России. С. 147–157.

¹⁶ См.: Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. Пособие для российских судей / Отв. ред. Н. Ф. Шарафетдинов. М., 1993. С. 64.

расширительное толкование, что создает трудности в оценке и квалификации тех или иных действий. Не видит необходимости в их дальнейшей детализации и конкретизации и сама ООН¹⁷.

Кроме того, представляется очевидным, что несмотря на огромное значение принципов международного права в регулировании правоотношений в сфере защиты прав и свобод человека, они не могут в полной мере заменить или подменить собой нормы национального законодательства¹⁸.

В этой связи отметим, что норма, практически повторяющая содержание ст. 5 «Всеобщей декларации прав человека» и ст. 7 Международного пакта «О гражданских и политических правах», содержится в ст. 21 Конституции Российской Федерации, предусматривающей, что *никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию или без добровольного согласия быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам.*

Ст. 9 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК) конкретизирует конституционные предписания.

Таким образом, нормы международного права и основанные на них положения российского национального законодательства содержат недвусмысленный запрет на получение показаний с использованием *запугивания, насилия, пыток, угроз, шантажа, продолжительных допросов.*

Некоторая правовая неопределенность присутствует, вместе с тем, при оценке допустимости таких методов воздействия на допрашиваемого как *применение наркотических и психотропных средств, гипноза и различных форм обмана.*

Отметим, однако, что невозможность применения медикаментозных средств с целью получения показаний непосредственным образом связана с реализацией *принципа сохранения свободы выбора поведения допрашиваемого*, поскольку подобные действия *могут нарушить его память или способность суждения.*

Кроме того, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 37/194 «Принципы медицинской этики» принятая 18.12.1982 на 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН содержит правила (3 и 4), в соответствии с которыми работники здравоохранения, совершают нарушение медицинской этики, если они

¹⁷ Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека: Международные договоры по правам человека. Т. I. М., 2008. С. 256.

¹⁸ Осуществление международных обязательств на внутригосударственном уровне путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты получило в международном праве название имплементации (англ. implementation). См., напр.: *Безбородов Ю. С.* Влияние международных модельных норм на внутригосударственные законодательные процедуры // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 84 и др.

применяют свои знания и опыт для содействия проведению допроса заключенных и задержанных лиц таким образом, что это может отрицательно повлиять на физическое или психическое здоровье или состояние таких заключенных или задержанных лиц и не согласуется с соответствующими международными документами¹⁹.

Представляется, что на тех же базовых принципах должна основываться оценка допустимости использования приемов гипноза. Хотя, надо признать, решение этого вопроса выглядит не столь однозначным²⁰ и, по нашему мнению, существует пространство для научной дискуссии²¹, и совершенствования законодательства.

Отметим лишь, что результат гипнотического воздействия на человека заранее неизвестен, а потому такого рода сеанс может рассматриваться как медицинский опыт, производство которого имеет известные ограничения (ст. 7 Международного пакта «О гражданских и политических правах», ст. 21 Конституции Российской Федерации).

Вопрос об обмане подозреваемого очень сложный в теории уголовного процесса. Обман, равно как и «давление» на подозреваемого в рамках предварительного расследования, может быть вполне легитимным²².

Определенной иллюстрацией к сказанному может служить дело «Быков против России». Заявитель — со ссылкой на п. 1 ст. 6 Конвенции — жаловался в Суд на то, что в разговоре с В. его обманным путем заставили сознаться в совершении преступления, а российский суд принял запись этого разговора в качестве доказательства по уголовному делу в его отношении.

Суд 11 голосами «за» и 6 голосами «против» пришел к выводу, что ст. 6 Конвенции нарушена не была²³.

Задачей национального законодательства в этой связи становится определение юридических критериев допустимости применяемых в практической деятельности следственных органов разнообразных тактических приемов и способов получения доказательственной информации.

И резерв для совершенствования закона в этом направлении имеется. Достаточно сказать, что еще в 1967 г. в монографии «Судебная психология для следователей» А. Р. Ратинов сформулировал условия допустимого психологического

¹⁹ СПС КонсультантПлюс.

²⁰ См.: Новоселов С., Иванов Ю. Генеральная прокуратура России одобряет применение гипноза к допрашиваемым // Родная земля. 2004. 31 мая.

²¹ См., напр.: Китаев Н. Н. Гипноз и преступления: Лекция. Иркутск, 2006; Рыжиков А. П. Допрос: основания и порядок производства. М., 2014.

²² См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012.

²³ См.: Постановление ЕСПЧ от 10.03.2009 «Быков (Bykov) против Российской Федерации» (жалоба № 4378/02).

воздействия на допрашиваемого. По мысли автора к ним относятся: законность, познавательная эффективность (направленность приема на установление истины), избирательность воздействия (прием должен давать эффект лишь в отношении виновных лиц и быть нейтральным по отношению к другим допрашиваемым), соответствие профессиональной этике и нормам морали²⁴.

Предложенные А. Р. Ратиновым критерии правомерности и допустимости психологических приемов, наряду с международно-правовым правилом «сохранения свободы выбора» по сей день являются удобным инструментом для отграничения допустимых мер воздействия от других, не обладающих таким свойством²⁵.

Задачей же первоочередной важности видится дополнение отечественного законодательства соответствующими нормами международного права. Поскольку сложилась необычная ситуация, при которой общепризнанные принципы более точно и глубоко регулируют вопросы недозволенных мер воздействия при производстве расследования, чем нормы национального законодательства.

Поэтому в УПК Российской Федерации обязательно должно быть закреплено понятие пытки и прописан принцип сохранения свободы выбора поведения допрашиваемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Безбородов Ю. С. Влияние международных модельных норм на внутрисударственные законодательные процедуры // Российский юридический журнал. 2011. № 3.
2. Галарза П. М. Практика Межамериканского суда по правам человека по делам о насильственных исчезновениях // Современное право. 2015. № 4.
3. Китаев Н. Н. Гипноз и преступления: Лекция. Иркутск, 2006.
4. Кондратенко В. А. Теория и практика допроса в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. Пособие для российских судей / отв. ред. Н. Ф. Шарфетдинов. М., 1993.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014.
7. Новоселов С., Иванов Ю. Генеральная прокуратура России одобряет применение гипноза к допрашиваемым // Родная земля. 2004. 31 мая.
8. Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. М., 1996.
9. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.
10. Рыжаков А. П. Допрос: основания и порядок производства. М., 2014.
11. Сильнов М. А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

²⁴ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 166–171.

²⁵ См.: Сильнов М. А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 62.

12. *Соловьев А. Б., Центров Е. Е.* Допрос на предварительном следствии: Учеб.-метод. пособие. М., 1977.
13. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / Под. ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012.

Смолина Л. А., Сунгурова А. С.¹
Smolina L. A., Sungurova A. S.

ДОПРОС В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССАХ

INTERROGATION IN CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье авторами представлены некоторые различия и сходства допросов в гражданском и уголовном процессах. Исследованы общие требования к постановке вопросов в гражданском и уголовном процессах, их законодательное выражение. На основании практического опыта авторами предложены рекомендации по допросу лиц независимо от вида судопроизводства.

Ключевые слова: допрос, юридическая лингвистика, уголовный процесс, гражданский процесс, тактика, оценка доказательств.

The article presents some differences and similarities of interrogations in civil and criminal proceedings. The general requirements for the formulation of questions in civil and criminal proceedings, their legislative expression are studied. Based on practical experience, the authors offered recommendations for the interrogation of persons regardless of the type of legal proceedings.

Keywords: interrogation, legal linguistics, criminal procedure, civil procedure, tactics, assessment of evidence.

Допрос в гражданском и уголовном процессах имеет как сходства, так и различия. Одним из главных отличий допроса в уголовном процессе является то, что по уголовному делу, рассматриваемому в общем порядке, допрашиваемое лицо, как правило, дает показания минимум дважды — на стадии предварительного расследования и в суде, а также в ходе иных следственных действий. Обычно при допросе на стадии предварительного расследования, лицо дает показания единолично следователю, который не только свободен в определении тактики допроса, но и фактически при занесении показаний в протокол следственного действия, формулирует их.

Судебная практика свидетельствует о том, что нередко в ходе допроса в суде допрашиваемые лица по разным причинам не подтверждают показания, данные

¹ СМОЛИНА Лариса Александровна, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов «Смолина, Малкин и партнеры», кандидат юридических наук, доцент.

SMOLINA Larisa A., Associate Professor at the Department of Civil Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Attorney at the St. Petersburg Bar Association “Smolina, Malkin and Partners”, PhD in Law, Associate Professor.

СУНГУРОВА Анна Сергеевна, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.
SUNGUROVA Anna S., Attorney at Law, St. Petersburg Bar Association.

ими в ходе следствия. В подавляющем большинстве случаев суд, оценивая показания данных лиц, отдает предпочтение показаниям, данным в ходе предварительного следствия и оглашенным в порядке ч. 3 ст. 281 УК РФ, поскольку «доказательств нарушения закона при производстве допроса на стадии предварительного расследования не представлено, а какие-либо замечания и заявления к протоколу у допрашиваемого лица отсутствовали». Иногда это приводит к тому что, показания, которые не соответствуют действительности, и которые лицо подписало по невнимательности, юридической неграмотности или в результате воздействия, ложатся в основу обвинительного приговора суда.

Таким образом, гражданский процесс в данной части в виду своей специфики, является более открытым, гласным и состязательным, поскольку свидетели дают показания, а стороны — объяснения непосредственно в судебном заседании.

Вместе с тем, в уголовном процессе существуют следующие гарантии, позволяющие защитнику принимать участие в допросе лиц на стадии предварительного расследования и тем сам делающие эту стадию чуть более открытой. Пунктом «е» 3 ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах; п. 3 «d» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусмотрено, что обвиняемый имеет право сам допрашивать показывающих против него свидетелей. Данная международная норма нашла реализацию в положениях п. 9 ст. 46, п. 10 ст. 47, п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, согласно которым подозреваемый, обвиняемый и защитник имеют право участвовать в следственных действиях, производимых по их ходатайству. Тем самым у защитника появляется возможность лично задать свидетелям интересующие его вопросы и проследить за правильностью занесения показаний в протокол следственного действия. По непонятным причинам указанные положения часто игнорируются не только следователями, но и самими защитниками.

Другой реализацией указанной выше международной нормы является возможность проведения очных ставок с лицами, свидетельствующими против подозреваемого или обвиняемого.

Судебные допросы в гражданском и уголовном процессах во многом схожи по своей природе.

К постановке вопросов при допросе по гражданским и уголовным делам с точки зрения закона можно выделить следующие общие требования: запрет наводящих вопрос (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Стоит отметить, что в гражданском процессе задавать наводящие вопросы на законодательном уровне не запрещено. Вместе с тем, поскольку наводящий вопрос лишает допрашиваемое лицо самостоятельности при ответе на вопросы, так как подсказывает желаемый ответ, то, полагаем, применение наводящих вопросов искажает саму суть допроса и является недопустимым.

И. Н. Якимов, П. П. Михеев отмечали, «под влиянием наводящих вопросов у свидетеля возникает уверенность, что он знает то, чего до предложения вопроса он как будто бы не знал, или чего он, во всяком случае, не обдумал, и увлекаемый допрашивающим, который нередко даже невольно, извращает мало ему известную действительность, дает такие ответы на вопросы, которые он, если бы подумал лучше и не поддался внушению, никогда бы не дал»².

Вместе с тем, полагаем возможным постановку альтернативного вопроса — когда вопрос содержит в себе выбор между правильным и неправильным ответом. Например: «Вы это видели лично или эта информация известна Вам со слов других людей?».

Запрет унижения чести и достоинства человека; при допросе недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участников допроса (ч. 4 ст. 164 УПК). Данный запрет исходит из требований ст. 21 Конституции РФ, в связи с чем также распространяется и на гражданский процесс.

В остальном лицо, осуществляющий допрос, свободно в выборе тактики и формулировании вопросов.

Перед допросом как в гражданском процессе, так и в уголовном следует определить «направленность» допрашиваемого лица, т. е. к какой стороне он относится — «своей», противоположной или он является «нейтральным» свидетелем. Если предстоит допрос лица противоположной стороны, не следует задавать вопрос, на который есть риск получить отрицательный ответ. Впрочем, данное правило относится и к иным лицам. Если предстоит допрос лица со «своей» стороны, то рекомендуется допросить его максимально подробно, чтобы предупредить вероятные вопросы противоположной стороны.

При формулировании вопросов помимо требований, указанных в законе, необходимо учитывать, что вопрос должен быть понятен допрашиваемому лицу, для исключения неправильного толкования при постановке вопроса и выборе речевых конструкций надо учитывать уровень образованности человека, его социальный статус, профессию и другие факторы.

Допрос рекомендуется начинать с открытых вопросов, например, «Что Вы можете рассказать о составлении завещания?» или «Что Вам известно по факту хищения денежных средств?»

Вслушав ответы на все свои открытые вопросы и поняв «слабые» места в описании свидетеля, можно переходить к уточнению. Чередуя открытые и уточняющие вопросы, адвокат может даже перефразировать уточнения, чтобы лицо сбилось с отрепетированных заранее ответов с представителями другой стороны.

² Якимов И. Н., Михеев П. П. Искусство допроса. Практическое пособие для допрашивающего. М., 1928. С. 17.

Показать субъективность допрашиваемого возможно, спросив его мнение относительно спорного правоотношения, например, «Что, по Вашему мнению, могло умершего побудить к изменению завещания?». Кроме того, в этих целях следует выяснять, как давно свидетель знает лиц, участвующих в деле с противоположной стороны, в каких отношениях они находятся.

В некоторых случаях адвокату следует показать сопереживание допрашиваемому не только мимикой, но и сказать ему: «Я вижу, что Вас это расстроило», продемонстрировав понимание его чувств. Обычно такое поведение адвоката расслабляет свидетеля, и он отходит от «сценария», для которого его пригласили.

При подготовке к допросам по некоторым сложным делам считаем целесообразным обращение адвокатов за консультациями к лингвистам и психологам для составления вопросов свидетелю.

Кроме того, в рамках гражданских дел, возможно участие психолога или иного специалиста в качестве представителя стороны. Широкое применение данная практика получила при допросе несовершеннолетних, а также экспертов по делам об определении места жительства детей или определения порядка общения.

При этом при допросе любого лица, необходимо учитывать, что главной «целевой аудиторией» является судья, у которого в процессе формируется свое внутреннее убеждение.

Кроме того, при допросе свидетеля в гражданском процессе адвокат должен учитывать руководящую роль суда и положение п. 3 ст. 177 ГПК, согласно которому судья в любой момент может задать свои вопросы свидетелю.

Примечательно, что в уголовном процессе такое право у суда отсутствует, и судья задает свои вопросы после вопросов обеих сторон.

Как отмечает Т. В. Дубровская, в процессе проявляется не только роль судьи — рефери, но и судьи — обычного человека со своими эмоциями и отношением к участникам процесса³. Помня об этом, надо уметь отстоять свой вопрос, показывая его связь с предметом доказывания по делу. Рекомендуется в «домашней заготовке» к допросу писать не только вопросы, но и обоснование отношения некоторых вопросов к предмету доказывания, это помогает убедить суд не снимать вопрос адвоката.

При осуществлении правосудия по гражданским и уголовным делам законом установлена обязанность суда отразить в решении или в приговоре результаты оценки доказательств, что является следствием реализации судом предоставленных ему полномочий по оценке доказательств⁴. Поэтому работа адвоката

³ См.: Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Саратов, 2010. С. 8.

⁴ См.: Смолина Л. А. Очная ставка в гражданском процессе // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений.

и по гражданским, и по уголовным делам заключается, в том числе, в доказывании по каким основаниям нельзя доверять показаниям того или иного лица и по каким основаниям следует отдать предпочтение показаниям иных лиц. В судебных прениях важно подробно показать противоречия в показаниях лиц, зачитывая их противоречащие ответы с обязательными ссылками на листы дела, чтобы суд мог наглядно убедиться в этом.

Это позволит избежать в решении или приговоре общих фраз о том, что «все показания свидетелей непротиворечивы, согласуются между собой и не вызывают у суда сомнений».

Подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на определенные различия допросов в уголовном и гражданском процессах, в обоих случаях основной целью допроса является получение информации, имеющей значение для дела. При этом возможность получения полной и достоверной информации во многом зависит от профессиональных качеств допрашивающего лица, выбранной им тактики допроса, а также от активной позиции при реализации своих процессуальных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Дубровская Т. В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Саратов, 2010.
2. *Смолина Л. А.* Очная ставка в гражданском процессе // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 октября 2016 г. СПб., 2017.
3. *Якимов И. Н., Михеев П. П.* Искусство допроса. Практическое пособие для допрашивающего. М., 1928.

Стрелкова Ю. В.¹
Strelkova Y. V.

СПЕЦИФИКА ПРОИЗВОДСТВА ПРЯМОГО ДОПРОСА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ ВЕРДИКТА

THE SPECIFICS OF THE DIRECT EXAMINATION OF THE JURY TRIAL IN THE ASPECT OF ENSURING THE OBJECTIVITY OF VERDICT

В статье рассматриваются основные примеры нарушений, допускаемых при производстве прямого допроса в суде присяжных (оглашение сведений о личности подсудимого или потерпевшего, вопросов допустимости доказательств, альтернативных версий произошедшего). Анализируются специальные условия, при которых допущенное нарушение может стать причиной отмены приговора, вынесенного на основании вердикта.

Ключевые слова: суд присяжных, вердикт, допрос, пределы судебного разбирательства

The article discusses the main examples of violations committed during the direct examination in the jury trial (announcement of the identity information of the defendant or the victim, questions related to the admissibility of evidence, alternative versions of the act committed). In the article are analyzed special conditions under which the violation may cause a cancellation of the court decision based on the verdict.

Keywords: jury trial, verdict, examination, trial limits.

В суде с участием присяжных заседателей, исходя из особенностей нормативного регулирования и сложившейся судебной практики, производство допроса возможно как в присутствии коллегии, так и в ее отсутствие — для выяснения возникающих вопросов о допустимости и относимости доказательств. С учетом специфики предмета и пределов судебного разбирательства², а также наличия особых запретов на представление определенных сведений присяжным, проведение допроса в присутствии коллегии зачастую сопряжено с риском оглашения «запрещенной» информации. Данные риски возникают как при проведении прямого, так и перекрестного допроса. При этом механизм возникновения этих

¹ СТРЕЛКОВА Юлия Владимировна, соискатель кафедры Уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

STRELKOVA Yulia Vladimirovna, the Applicant of the Department of Criminal Procedure Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafina.

² Под «запрещенной» информацией понимаются сведения, не подлежащие оглашению в присутствии присяжных вследствие прямого предписания УПК РФ (запрета), общих положений о предмете и пределах судебного разбирательства, а также сложившейся судебной практики.

нарушений, а также процессуальные способы их нейтрализации предполагают выраженную специфику для названных разновидностей.

Нарушение предмета и пределов судебного разбирательства при проведении прямого допроса возможно в двух случаях: изначально неверном определении предмета допроса стороной, его инициировавшей, либо в ситуации, если допрашиваемое лицо обладает как относимой, так и неотносимой (либо запрещенной для оглашения) информацией. Первый случай менее распространен в судебной практике из-за возможности своевременно исключить допрос в присутствии присяжных свидетеля (а также эксперта и специалиста), показания которого полностью содержат неотносимую или запрещенную информацию. Примерное содержание показаний свидетелей может быть известно из имеющихся протоколов допросов, а для определения предмета ранее не допрошенных Свидетелей (как правило, защиты) судебной практикой был создан предварительный допрос³ без участия присяжных.

Наибольшее распространение в судебной практике получили ситуации, когда нарушение требований УПК происходит при оглашении запрещенной информации наряду со сведениями, оценка которых относится к компетенции присяжных. Анализ судебной практики позволяет выделить наиболее распространенный перечень «запрещенных» сведений, которые оглашаются при производстве прямого допроса. К ним относятся: сведения о личности подсудимого и потерпевшего; сведения о процессуальных аспектах задержания подсудимого и производстве расследования; сведения, относящиеся к доказыванию альтернативных версий произошедшего (критика проведенного расследования).

Сведения о личности подсудимого зачастую оглашаются во время его допроса с целью оказать позитивное влияние на коллегия присяжных. К данной информации могут относиться данные о его семье, воспитании детей⁴, аналогичная же информация может озвучиваться свидетелями защиты⁵. Негативная информация о подсудимом нередко предоставляется потерпевшими, свидетелями обвинения, либо другими подсудимыми и свидетелями защиты, если интересы подсудимых противоречат друг другу: «мы жертвы... мы жертвы мошенника... Кокоев — волк в овечьей шкуре, пробрался в мою квартиру и разорил нас... у него нет высшего образования, его исключили из военной академии, он какого-то офицера побил, потом он нигде не продолжил свое обучение, вел такой образ жизни, грубо говоря,

³ См.: *Насонов С. А.* Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1215–1216.

⁴ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 3 июля 2018 г. №91-АПУ18-4сп // СПС Консультант Плюс.

⁵ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 27 июня 2018 г. №56-АПУ18-6СП // СПС Консультант Плюс.

бандитский...»⁶. Аналогичным образом могут предоставляться сведения о личности потерпевшего или свидетелей. В отдельных случаях сообщение сведений о личности потерпевшего может быть также соединено с нарушением пределов судебного разбирательства: если данная информация касается обстоятельств предполагаемого совершения потерпевшим преступления⁷.

Сведения об обстоятельствах задержания и процедуре расследования могут быть озвучены подсудимым не только в момент его допроса, но и на этапе прений, последнего слова, либо в момент судебного следствия при комментировании доказательств обвинения (при нарушении регламента судебного разбирательства). Зачастую сообщение этой информации происходит по инициативе защитника в момент допроса: так, в одном из дел во время прямого допроса выяснялись обстоятельства экстрадиции подсудимого из Финляндии и его пребывания в СИЗО⁸; в другом деле защитником были заданы вопросы о причине изменения показаний и применении насилия при получении признательных показаний⁹. В судебной практике встречаются также примеры ссылок на «несуществующие» доказательства (отсутствующие в материалах уголовного дела): «подсудимый Акопян А. А. показал, что якобы имеется “аудиозапись, на которой все слышно и есть перевод этой записи в части нашего разговора”»¹⁰.

Критика работы следственных органов может проявляться либо в высказываниях о пробелах в расследовании, либо в более резких высказываниях собственных альтернативных версий. Альтернативные версии произошедшего, заключающиеся в попытке обосновать, что преступление было совершено (или могло быть совершено) другим лицом, могут озвучиваться как самим подсудимым при проведении его допроса, так и иными участниками процесса: свидетелями, а в некоторых случаях — и потерпевшим, не поддерживающим версию следствия¹¹. Подобные высказывания представляют собой нарушение пределов судебного разбирательства и подлежат пресечению со стороны председательствующего судьи.

⁶ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 31 мая 2018 г. №78-АПУ18-9сп // СПС Консультант Плюс.

⁷ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 21 августа 2018 г. №33-АПУ18-10сп // СПС Консультант Плюс.

⁸ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 3 июля 2018 г. №91-АПУ18-4сп // СПС КонсультантПлюс.

⁹ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 5 июля 2018 г. №127-АПУ18-6СП // СПС Консультант Плюс.

¹⁰ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 21 августа 2018 г. №33-АПУ18-10сп // СПС Консультант Плюс.

¹¹ См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 17 мая 2018 г. №51-АПУ18-6СП // СПС Консультант Плюс.

Нарушения требований УПК при производстве прямого допроса нередко составляют предмет дальнейших апелляционных жалоб и представлений. Связь нарушения с вынесенным по итогам разбирательства вердиктом устанавливается на основе презумпции обоснованности вердикта всеми озвученными перед присяжными сведениями, за исключением случаев, когда председательствующий судья дал коллегии указания не учитывать определенную информацию. Исключения составляют случаи неоднократных нарушений — если озвученные сведения были критичны, а их повторение было множественным. Так, например, в одном из дел, отменяя вынесенный оправдательный приговор и направляя дело на новое рассмотрение, ВС РФ указал, что «с учетом количества и характера вышеуказанных нарушений стороны защиты (более 50 раз), председательствующим судьей не было принято достаточных и эффективных мер, предусмотренных ст. 258 УПК РФ, исключающих незаконное воздействие на присяжных заседателей»¹². Из 50 указанных нарушений 13 были допущены во время прямого допроса подсудимого, при этом председательствующий реагировал на каждое из них, но не смог пресечь их повторение.

Процессуальные и выработанные судебной практикой способы предотвращения оглашения запрещенных сведений при производстве прямого допроса включают в себя нормы, устанавливающие предмет и пределы судебного разбирательства в суде присяжных¹³, дополнительные ограничения, сформированные практикой ВС РФ (оглашение данных о личности потерпевшего, свидетелей), на основании которых председательствующий может прервать участника процесса, а также «предварительный» допрос без участия присяжных.

Прогнозируемость нарушений, которые могут быть допущены при производстве прямого допроса, позволяют изначально предотвратить допрос ряда свидетелей (а также экспертов и специалистов), обладающих запрещенной к оглашению информацией, а также своевременное снятие вопросов сторон позволяют не допустить значительный объем возможных нарушений. Классический способ нивелирования нарушений, допускаемых в суде присяжных — обращение председательствующего к коллегии — способен устранить или снизить эффект информации, которая была озвучена. При этом, данный способ оказывается особенно эффективным при оглашении информации о процессуальных аспектах ведения дела: при заявлении со стороны судьи о законности процедуры получения спорных доказательств. Таким образом, действующее регулирование и обыкновения

¹² См.: Апелляционное определение Верховного суда РФ от 31 мая 2018 г. № 78-АПУ18-9сп // СПС Консультант Плюс.

¹³ См. более подробно о соблюдении пределов судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: *Насонов С. А.* Особенности пределов судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // *Lex russica (Русский закон)*. 2014. № 5. С. 575–586.

судебной практики позволяют эффективно обеспечивать соблюдение предмета и пределов судебного разбирательства в суде присяжных, а способы проведения связи между допущенным нарушением и вынесенным вердиктом — отменить приговор в случае, если нарушение нанесло ущерб объективности решения присяжных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Насонов С. А.* Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6.
2. *Насонов С. А.* Особенности пределов судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей // Lex russica (Русский закон). 2014. № 5.

Хоменко А. Ю.¹
Khomenko A. Yu.

**ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА В РАМКАХ РАССМОТРЕНИЯ
ДЕЛ ПО СТ. 152 ГК РФ И СТ. 128¹ УК РФ**

COMPETENCE BOUNDARY OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERT
IN CONSIDERATION OF ART. 152 OF THE CIVIL CODE AND ART. 128¹
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В настоящей статье речь пойдет о том, в рамках каких вопросов следует проводить исследование лингвисту в связи с рассмотрением дел о чести, достоинстве и деловой репутации и клевете с учетом методологических указаний, границ пра-вого поля и компетенции специалиста в области языка.

Ключевые слова: лингвистическая экспертизы, пределы компетенции экс-перта, честь, достоинство, деловая репутация, клевета.

This article discusses the problem of, what should be the questions for forensic lin-гуistic expertise connected with Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation, Art. 128¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, for them not to be out of the expert's competence.

Keywords: linguistic expertise, expert's competence.

Рассмотрение темы пределов компетенции специалиста в области языка в судебном делопроизводстве следует начать с упоминания о том, что пред-ставляет собой экспертиза в общем и лингвистическая экспертиза в частности.

Судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу². *Лингвисти-ческая экспертиза* — самостоятельный род судебной экспертизы, предметом которой являются факты, устанавливаемые на основе анализа *продуктов речевой*

¹ ХОМЕНКО Анна Юрьевна, старший преподаватель, факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», экс-перт-лингвист Центра экспертизы и оценки «ЕСИН».

KNOMENKO Anna Y., Senior Lecturer, Faculty of Humanities of the National Research University “Higher School of Economics”, Linguistic Expert at the Center for Expertise and Assessment “ESIN”.

² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Рос-сийской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

деятельности. *Заключение эксперта* — письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом³.

Из нормативных определений понятно, что основным для судебной экспертизы являются три аспекта: 1) процессуальный характер действия; 2) специальный характер знаний у проводящего экспертизу лица (для лингвистической экспертизы знаний в области языка и речи); 3) наличие четко поставленных перед экспертом органом правовой системы вопросов.

Именно специальный характер знаний обуславливает пределы компетенции любого эксперта. *Профессиональная компетенция* эксперта (от лат. *competo* — добиваюсь, соответствую, подхожу) складывается из комплекса знаний в области теории, методологии и практики экспертизы определенного рода, вида. Различают объективную компетентность (объем знаний, которым должен владеть эксперт) и субъективную компетентность (степень владения конкретным экспертом этими знаниями), последняя определяется образованием эксперта, специальной подготовкой, наличием опыта в решении конкретных экспертных задач, индивидуальной способностью к эвристическому мышлению⁴.

Границы пределов компетенции эксперта в области языка в рамках рассмотрения дел по ст. 152 ГК РФ⁵ и ст. 128¹ УК РФ⁶ сходны в силу однородности стандартных для специалиста вопросов (*вопросы по «спорным речевым произведениям в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), а также по делам о клевете (статьи 5.60, 17.16 КоАП РФ)»*⁷ — в период издания пособия клевета имела квалификацию административного правонарушения).

Так, вопросы как для ст. 152 ГК РФ, так и для ст. 128¹ УК РФ в первую очередь связаны с наличием/отсутствием в спорном тексте *негативной информации и с ее формой* («Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие *утверждения о ...*»⁸); с наличием/отсутствием в тексте оценки и оскорбительного компонента, а также с признания текста частью публичной коммуникации. Рассмотрение

³ Там же.

⁴ Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М., 1999. С. 177.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018).

⁷ См.: *Бринева К. И.* Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. Барнаул – Кемерово, 2009. С. 6.

⁸ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации. Постановление от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017 (дата обращения: 09.11.2018).

этих характеристик и есть сфера компетенции эксперта-лингвиста в рамках исследований по означенным категориям дел.

«Вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место — убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается»⁹.

Что же выходит за пределы компетенции специалиста в области языка, но так часто встречается в вопросах, поставленных перед экспертом органом судебной системы, а также появляется в заключениях недостаточно опытных или внимательных экспертов?

Первая и основная неточность, допускаемая при некорректной постановке вопросов и методологически необоснованном исследовании, — квалификация текстовой информации как *уменьшающей деловую репутацию, порочащей честь и достоинство некоего лица*. В силу того, что данная характеристика информации является сугубо психологической, не лингвистической, ее использование неприемлемо специалистом в области языка: *«Квалифицировать высказывания как порочащие, унижающие честь и достоинство методами лингвистической экспертизы не представляется возможным»¹⁰*. Недопустимо также и использование таких психологических трактовок, как *причинение текстом морального вреда*. Лингвисту не следует пытаться оперировать терминами этики, такими, как *общепризнанные нормы, неправильное, неэтичное поведение*. Абсолютно непозволительно использовать гносеологические трактовки и отвечать на вопрос: *возможно ли проверить высказывание на предмет его соответствия действительности*¹¹. Следует заметить, что данное положение является дискуссионным (см., например, работу А. Н. Баранова, 2001¹²).

Еще одним камнем преткновения между лингвистами и юристами является вопрос о квалификации лингвистом вида правонарушения. Так, в своих

⁹ Постановление Пленума ВС РФ № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21.12.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12081630/> (дата обращения: 09.11.2018).

¹⁰ Плевако С. В., Куликова М. Г. Лингвистическая экспертиза: справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных. М., Барнаул, 2012; Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург, Москва, 2017. С. 115.

¹¹ См.: Плевако С. В., Куликова М. Г. Лингвистическая экспертиза: справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных; Бринев К. И. Лингвистическая экспертиза.

¹² См.: Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М., 2001.

заклЮчениях и речах на допросах специалиста в области языка нередко оперируют, например, термином *клевета* для определения того или иного речевого материала. Лексема «клевета» употребляется в качестве термина исключительно в юридическом обороте, не в лингвистической сфере. *Клевета* — «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»¹³. Употребление данного термина в лингвистическом исследовании есть выход за пределы компетенции лингвиста, поскольку это есть ни что иное, как «*квалификация вида правонарушения, которую может проводить исключительно суд*»¹⁴. «Клевета — это правовая квалификация деяния, заключающегося в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Установление факта клеветы к компетенции экспертов-лингвистов не относится, так как это компетенция следователя (суда)»¹⁵.

Памятуя о том, что для определения экспертизы важно не только наличие лица, обладающего специальными знаниями и отвечающего на поставленные органом судебной власти вопросы, не выходящие за пределы его (специалиста) компетенции, но и процессуальный характер действия, следует рассмотреть порядок изменения редакции вопросов экспертом в случае их несоответствия его компетенции. Так, исходя из законодательства заключение должно содержать в себе «вопросы, поставленные перед экспертом» (ст. 25 ФЗ-73, ст. 86 ГПК¹⁶, ст. 204 УПК), тем не менее после упоминания этих вопросов эксперт может воспользоваться положениями статей 41, 8, 16 Федерального закона № 73-ФЗ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 57 УПК РФ и изменить редакцию вопрос на соответствующую своей компетенции как специалиста в области языка.

В связи с речью о процессуальности экспертного исследования необходимо указать еще на один блок грубых ошибок, связанных более не с компетенцией эксперта-лингвиста вообще, а с компетентностью конкретных представителей экспертного сообщества в частности. Так, часто встречаемым грубым нарушением со стороны лингвистов является использование терминологии, не соответствующей процессуальным нормам, а именно: нарушение ст. 9, ст. 25 и ст. 41 ФЗ № 73, ст. 80 УПК РФ, ст. 86 ГПК РФ. В соответствии с ними по результатам

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018).

¹⁴ Плевако С. В., Куликова М. Г. Лингвистическая экспертиза: справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных; Бринев К. И. Лингвистическая экспертиза.

¹⁵ Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М., 2010. С. 138.

¹⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018).

проведенных исследований оформляется Заключение эксперта или Заключение специалиста — письменный процессуальный документ, являющийся одним из видов доказательств; документов с иными наименованиями, как-то: Лингвистическое заключение, Лингвистическое исследование, Заключение лингвистической экспертизы и даже Заключение экспертов и Заключение специалистов, — в законодательстве не существует. Искажение наименования документа может служить основанием для признания заключения недопустимым доказательством (см. судебную практику). Схожая ситуация имеет место в случае, если специалист проводит досудебное исследование и не назначен для этого компетентным органом, но именуется себя экспертом (нарушение ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ).

Итак, выше рассмотрены основные неточности, связанные с пределами компетенции специалистов в области языка в связи с исследованиями по делам о чести, достоинстве, деловой репутации и клевете, а также приведены пути корректировки этих неточностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М., 2001.
2. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М., 2010.
3. Бринев К. И. Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. Барнаул - Кемерово, 2009.
4. Плевако С. В., Куликова М. Г. Лингвистическая экспертиза: справочник для судей, следователей, адвокатов, доверенных представителей и патентных поверенных. М., 2012.
5. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики: [монография]. Екатеринбург, Москва, 2017.
6. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М., 1999.

Хорошева А. Е.¹
Khorosheva A. E.

ТАКТИКА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

TACTICS OF INTERROGATION OF THE EXPERT AND THE SPECIALIST IN COURT WITH PARTICIPATION OF JURYMEN

Значение допроса для состязательного судебного процесса переоценить невозможно. В настоящем докладе затронуты некоторые тактические аспекты допроса эксперта и специалиста в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: судебное разбирательство, присяжные заседатели, допрос, тактика.

The value of interrogation for adversary litigation is not possible to re-evaluate the thread. In this article some tactical aspects of interrogation of an expert and a specialist in a jury trial were touched upon.

Keywords: trial, jurors, interrogation, tactics.

По нашему мнению, доверие присяжных заседателей к эксперту построено на трех принципах:

- формально-догматическом;
- нравственно-психологическом;
- содержательном.

Мы намеренно расположили данные принципы в порядке возрастания степени их влияния на деятельность участников доказывания. Так, в формально-догматическом аспекте сосредоточен элемент формальной оценки личности эксперта, а также его знаний и компетенций. Этот принцип проявляется на первоначальном этапе, когда присяжные знакомятся с экспертом и его заключением. Догма о работе в государственном экспертном учреждении также действует в этом случае, но постепенно ослабевает, когда присяжные оценивают статус учреждения, в котором работает эксперт. Поэтому в ситуации, когда эксперт напрямую связан местом работы с органом, ведущим производство по делу, доверие к его заключению может быть утрачено.

К основной составляющей нравственно-психологического аспекта относится моральная ответственность эксперта за представленное заключение. Ценность

¹ ХОРОШЕВА Анна Евгеньевна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук.

KHOROSHEVA Anna Evgenjevna, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of Altai State University, PhD in Law.

экспертного заключения в общей совокупности доказательств возрастает, даже когда эксперт честно признается в невозможности ответить на некоторые вопросы, поставленные перед ним участниками доказывания, например, вследствие отсутствия адаптированной методики исследования. Честность эксперта выступает для присяжных главным критерием надежности его выводов.

Значение содержательного аспекта в общей системе принципов, составляющих ядро доверия присяжных заседателей к эксперту и его заключению, велико, несмотря на то, что члены коллегии по большей части не разбираются в научной терминологии и специальных вопросах. И в этом смысле неотъемлемой частью состязательной процедуры и более подходящим для присяжных судебным действием является допрос эксперта.

Есть мнение, что «адвокатам зачастую не хватает чувства меры в перекрестных допросах. Они закидывают свидетелей десятками вопросов и умышленно повторяются, пытаясь подловить их на противоречиях. Однако не так важно, что свидетель скажет и как оговорится. В суде адвокат работает не на публику, а на протокол судебного заседания»².

Но в суде присяжных все иначе. Работа на коллегию — главная составляющая реализации удачной стратегии. Это знают и государственные обвинители, и адвокаты. Вот почему от тактически правильно проведенного допроса и свидетеля, и эксперта нередко зависит «судьба» уголовного дела. Допрос в суде присяжных — не только возможность познать факты, известные допрашиваемому лицу, но и обнародовать перед присяжными то, что в силу объективных и субъективных обстоятельств было от них скрыто.

1. Как правило, ходатайство о вызове в судебное заседание и допросе эксперта заявляет сторона, которой тактически выгодно подвести заключение под свою версию или выставить перед присяжными выводы эксперта в свете несостоятельности, сомнительности, противоречивости. Восприятие непосредственно личности эксперта присяжными необходимо еще и потому, что «важно подчеркнуть значение субъективного фактора (убежденности) эксперта в механизме формирования содержательно достоверных заключений»³. Несомненно, устное оглашение в судебном заседании перед присяжными выводов эксперта меркнет по сравнению с использованием при доказывании его показаний, данных в суде. К тому же опытные государственные обвинители и адвокаты понимают, что в случае разъяснения экспертом присяжным заседателям значения отдельных

² Цветков Ю. А. Восемь стратегических ошибок защиты в судебном заседании // Уголовный процесс. № 6. Июнь 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e.uqpr.ru> (дата обращения 01.07.2017 г.).

³ Ильина Е. Р., Сергеев В. В., Тарасов А. А. Оценка заключения судебно-медицинского эксперта по уголовным делам. М., 2008. С. 161.

специальных терминов, они могут свободно оперировать данными понятиями и в дальнейшем, не вызвав у присяжных их неоднозначного понимания.

2. Вызванный в судебное заседание эксперт допрашивается дважды: в отсутствие присяжных заседателей и в присутствии коллегии. В первом случае предмет допроса касается вопросов, связанных с допустимостью экспертного заключения, его полноты и всесторонности, правильности примененных при исследовании методик. Далее эксперт допрашивается уже с участием присяжных заседателей, но только для выяснения фактических обстоятельств дела.

3. Можно констатировать, что допрос эксперта перед присяжными является относительно распространенным судебным действием, но нередко проводится формально, когда присяжным позволяется вникнуть в терминологию исследования и при этом не оценивать, например, правильность примененной методики. Сфера их восприятия ограничивается уяснением бесспорных вопросов, а от познания дискуссионных и острых проблем председательствующие стараются коллегию оградить. В основном, весь допрос может быть даже сведен к лекции эксперта, которую тот прочитает перед присяжными, и которая будет затрагивать области его научных интересов.

Наше исследование показало, что в случае, когда ходатайство адвоката о допросе в судебном заседании специалиста удовлетворено судьей, тактика государственных обвинителей приобретает следующие черты:

- носит защитительный характер. Речь идет не об осуществлении в целом защитительной функции — монополия на нее всецело принадлежит адвокату. В данном случае тактика, избираемая государственным обвинителем, предполагает реализацию комплекса действий, направленных на защиту доказательственной информации. Понятно, что государственный обвинитель максимально заинтересован в сохранении доказательств, и ситуация, связанная с признанием заключения эксперта недопустимым доказательством или с имеющимися неустраняемыми сомнениями в достоверности экспертизы, для него проблемна;
- является оборонительной. Как известно, лучшая защита — это нападение. Поэтому, руководствуясь данным принципом, обвинители нередко принимают решение опорочить специалиста защиты в глазах присяжных, а далее «борьба» ведется с самим заключением.

Свою реализацию тактика государственного обвинителя, нацеленная на дискредитацию специалиста, представленного стороной защиты, находит в характере вопросов, которые ставятся перед ним во время допроса. Первая группа вопросов, задаваемых специалисту, как правило, посвящена выяснению фактов, относящихся к его компетенции и квалификации. Это вопросы, касающиеся: должности, места работы, трудового стажа по конкретной специальности и периодичности прохождения аттестации. По общему правилу подобные

аспекты, в абстрактной форме определяющие профессионализм специалиста, иногда могут носить характер скрытой ловушки. Однако специалисту, который действительно обладает квалификацией и опытом в конкретной сфере, опасаться нечего. Конечно, больше всего вопросов у прокуроров возникает к специалистам, работающим в негосударственных экспертных учреждениях. Но такие специалисты нередко имеют продолжительный стаж работы и высокую квалификацию, так как в прошлом были сотрудниками государственных экспертных ведомств. Однако и специалисты, являющиеся по должности, например, экспертами в бюро судебно-медицинской экспертизы, не застрахованы от выяснения вопросов о том, с какими объектами имеет право работать этот эксперт — с трупами или живыми лицами? Можем сказать, что от реакции специалиста зависит, приобретет ли в будущем государственный обвинитель значимый аргумент, позволяющий ему опровергнуть консультативное заключение специалиста, или нет. Практика показывает, что иногда в судах проводится одновременный допрос специалиста, вызванного защитой, и эксперта, заключение которого делает состоятельной версией органов обвинения.

Вторая группа вопросов задается государственным обвинителем в тех случаях, когда компетенция и квалификация специалиста не вызывает сомнений. Заведомая «опасность» таких вопросов для стороны защиты заключается в процессуальной проблеме неравенства, когда защита и обвинение фактически обладают неравнозначными правами.

Главенствующая роль при оценке присяжными доказательств отдана личностному критерию, что отражается, кроме прочего, и в особенностях восприятия такого судебного действия, как допрос эксперта. Наши исследования показали, что государственные обвинители, сделавшие ставку на так называемый общий подход, нередко оказывались в проигрыше. Адвокаты же, акцентировавшие внимание присяжных на личности эксперта и его собственном опыте, выходили из состязания победителями. Так или иначе, но вопрос доверия присяжных заседателей эксперту — тема, требующая отдельного рассмотрения. Для присяжных гораздо важнее тот факт, что эксперт сам сталкивался с каким-то явлением, нежели слышал об этом или где-то читал. Проиллюстрируем сказанное примером из практики Санкт-Петербургского городского суда по нашумевшему уголовному делу об обвинении С., М. и Б. в приготовлениях к посягательству на жизнь губернатора Санкт-Петербурга М., а также к совершению террористического акта.

По месту жительства одного из подсудимых Б. было обнаружено взрывное устройство на основе 200-граммовой тротиловой шашки. На полиэтиленовом пакете, в котором находились тротиловая шашка и взрыватель, были обнаружены множественные следы рук, однако пригодным для идентификации был признан лишь один. Но след пальца, как показала дактилоскопическая экспертиза, не мог принадлежать ни одному из подсудимых, ни членам их семей.

Во время допроса эксперта, вызванного в суд по ходатайству государственного обвинителя, последний высказал довод, что, возможно, отсутствие следов пальцев рук подсудимых на тротиловой шашке и на гранатах является следствием того, что обвиняемые относятся к минимальному проценту людей, не выделяющих потожировое вещество и, как итог, не оставляющих следов. Эксперт, проводивший дактилоскопическое исследование, сославшись на источник, подобное предположение поддержал. Следующим эксперта допрашивал один из защитников, который спросил: «Я так и не понял из ответа на вопрос прокурора, наши подсудимые оставляют следы пальцев рук или нет?», на что эксперт дал ответ, что ему это не известно. Далее адвокат поинтересовался: «Большой ли процент ошибок в дактилоскопических исследованиях?» и получил следующий ответ: «Согласно теории дактилоскопических исследований, количество признаков не менее двенадцати позволяет идентифицировать человека из всего населения земного шара». «Вы говорили, — уточнил адвокат, — что есть люди, которые не оставляют следов пальцев рук?» Эксперт ответил: «Подчеркиваю, что я об этом читал в литературе, на практике мне это не известно. Сталкиваться не приходилось». Тогда защитник уточнил: «Сколько лет Вы уже занимаетесь дактилоскопическими исследованиями?», и получил ответ: «Я работаю экспертом четырнадцать лет». Адвокат удивился: «И за все это время Вы ни разу не сталкивались с людьми, которые не оставляют следов пальцев рук?». Эксперт ответил: «Каким же образом я мог бы с ними работать?»

Адвокаты одержали победу. Присяжные не приняли довод обвинителя, и заключение дактилоскопической экспертизы осталось в копилке стороны защиты. Руководствуясь правилом о разумном сомнении, коллегия присяжных заседателей оправдала всех подсудимых, выразив тем самым недоверие к доказательствам, представляемым стороной обвинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Ильина Е. Р., Сергеев В. В., Тарасов А. А.* Оценка заключения судебно-медицинского эксперта по уголовным делам. М., 2008.
2. *Цветков Ю. А.* Восемь стратегических ошибок защиты в судебном заседании // Уголовный процесс. 2016. № 6.

*Зашляпин Л. А.*¹
Zashlyapin L. A.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОПРОСОВ (ВОПРОСОВ КАК ЕГО ЭЛЕМЕНТОВ)

REGULATION OF INTERROGATIONS (QUESTIONS AS ITS ELEMENTS)

Допрос является актуальной объектной областью исследования в юриспруденции. Важную часть этой области образуют вопросы допрашивающего лица.

Ключевые слова: уголовный процесс, юридическая лингвистика, допрос, вопрос.

Interrogation is a relevant object area of research in jurisprudence. An important part of this area is the questions of the interrogator.

Keywords: criminal procedure, legal linguistics, interrogation, question.

Допрос — традиционная объектная области теории уголовного процесса, в настоящее время, однако, рассматриваемая сегодня как не фронтальная, оттесненная в арбергард науки. Теоретикам-процессуалистам в этом направлении (возможно, в силу стереотипов) все может казаться ясным, практикам же, даже начинающим следователям, это процессуальное действие видится самым доступным (возможно — элементарным) во многих случаях решения ими задач уголовного судопроизводства. Может быть, так оно и есть, ведь допрос — древнейшее действие по сбору доказательств, активно применяемое с инквизиционного периода судопроизводства². Более того, аргументация этого суждение может быть связана с еще более сакральными временами, описываемыми в Ветхом Завете, приводившаяся нами в предыдущим работах соответствующей тематики³.

Однако длительность использования этого инструментария в практике уголовного процесса сама по себе может формировать научную проблему о гармоничности допроса современным правилам его регулирования

¹ ЗАШЛЯПИН Леонид Александрович, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ZASHLYAPIN Leonid Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.

² См., напр.: *Будур Н. В.* Повседневная жизнь инквизиции в Средние века. М., 2011. С. 102-105.

³ См.: *Зашляпин Л. А.* Вопрос в допросе как процессуальное средство достижения истины // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудия: приложение к журналу «Уголовный процесс». 2015. № 1 (9). С. 31.

в уголовно-процессуальном праве и понимании этого представителями правоприменительной практики. Допрос по существу в неизменяемой форме проходит через исторические эпохи, различные типы уголовного процесса и различные доминирующие доказательственные системы. Связано это с его языковой основой. Речевые акты (вопросы в допросе), язык — более старые и стагнированные явления, чем существовавшие в различные исторические периоды уголовно-процессуальные законы. В этой части процессуальные коммуникаторы и реципиенты (допрашивающие и допрашиваемые) и законодатель содержательно менять мало что могут. Как первый допрос Каина Господом, так и все современные допросы есть совокупность вопросов допрашиваемому лицу. Совершенно иная ситуация с уголовно-процессуальной формой, регуляционное воздействие на которую — многогранно, связано с актуальными законами и заложенными в них моделями регулирования допросов.

Эмпирические исследования, которые мы представим далее, указывают, по нашему мнению, на актуальность тематики о допросах для современной отечественной науки уголовного судопроизводства. Историческая архаичность процессуального содержания (вопросов к допрашиваемому), постоянно эволюционирующая форма допроса (прежде всего, в части регуляционного влияния принципов уголовного процесса, общих правил и общих условий) в сочетании с консерватизмом правосознания должна проявлять коллизионность правоупонимания практиков и нормативных идей, заложенных в современный институт допроса законодателем. Актуальность может связываться как с перспективами развития института допроса в будущем, так и с выявлением консервативных положений в нашем законе и правоприменительной практике, которые влекут некоторую коллизионность, требуя ее устранения.

Итак, прежде всего, обратимся к уголовно-процессуальной компетенции допрашивающего, предусмотренной в действующем уголовно-процессуальном законе. Регулируя деятельность основного субъекта допросов (следователя), диспозиция ч. 1 ст. 38 современного УПК РФ содержит правило, согласно которому следователь может осуществлять предварительное следствие. С одной стороны, это — очевидность регулирования производства по уголовным делам для предварительного расследования, но, с другой стороны, может быть только в силу этого считается, что уголовно-процессуальная компетенция следователя на осуществление предварительного следствия (в случае принятия дела к производству) содержит и субъективное право на проведение допросов как элемент первого. Это толкование кажется исключающим сомнения, но при этом возникают проблемы в определении границ урегулированной уголовно-процессуальной деятельности. Возможно, что в генерированном законодателем нормативном материале присутствуют элементы существенной юридической неопределенности, допускающие произвол допрашивающего, при отсутствии

каких-либо гарантий для допрашиваемого. Правовая определенность (надлежащая урегулированность) допроса, связывается, по нашему мнению с наличием субъективного права на допрос, а точнее — на постановку допрашивающим вопросов допрашиваемому лицу.

Отчасти отмечаемая неопределенность подтверждается нормативными правилами, помещенными законодателем в ч. 1 ст. 187 УПК РФ. Прежде всего, мы обращаем внимание на положение о том, что следователь (и это классическая форма субъективного права) имеет право допросить лицо, в том месте, где это лицо находится. Диспозиция данной нормы с очевидностью являет собой конструкцию права следователя на допрос лица по месту нахождения этого лица (один из видов субъективного права следователя на допрос). Однако это — факультативный вариант. Основной вариант допроса в месте нахождения самого следователя (осуществления предварительного расследования) не имеет такой же определенности. В законе указано, что «допрос проводится по месту производства предварительного следствия» (ч. 1 ст. 187 УПК РФ). Субъект права, само субъективное право (на допрос по месту нахождения следователя) в диспозиции данной нормы проявляется не очень категорично. Регулирование допроса в таком случае допускает усмотрение допрашивающего лица, произвольность его поведения в ходе допроса. Связано это с тем, что границы нормативного регулирования и его процессуальное содержание производны от процессуальной компетенции допрашивающего лица.

В противоположность указанному выше, руководителю следственного органа нормативным регулированием прямо представлено субъективное право на допрос в объеме п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Данный субъект имеет право «лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого». Частичное урегулирование субъективного права относительно допросов подозреваемого и обвиняемого, его определенность — налицо. В связи с этим интересно мнение (правопонимание) практикующих следователей относительно допроса ими свидетелей и потерпевших, которое мы приведем далее.

Примененный законодателем метод регулирования допроса, проводимого следователем, является диспозитивным, дающим свободу допрашивающему лицу в реализации рассматриваемого процессуального действия по своему усмотрению. При этом диспозитивность в части регулирования допроса следователем является односторонней, касающейся компетенции властного участника уголовно-процессуальных правоотношений — следователя. Вряд ли мы можем найти в нашем законе нормативные положения, представляющие схожую свободу для защитника подозреваемого, представителя потерпевшего и т. д. Оставаясь на позициях правового реализма, зафиксируем, что свободе следователя как допрашивающего может противопоставляться способ регулирования формы участия в допросе невластного участника, состоящий в условном дозволении

(если это сочтет возможным властный участник правоотношений), позитивном обяызывании или запрете соответствующей вербально-коммуникативной активности защитника, представителя или иного невластного участника уголовно-процессуальных правоотношений.

В части реализованного в законе способа в упомянутой норме ч. 1 ст. 38 УПК РФ регулирование сводится к дозволению, в силу которого следователь при принятии решения о допросе, проведении допроса и т. д. вправе проявлять уголовно-процессуальную активность так, как он сочтет необходимым для проведения расследования (допроса). Указанный способ правового регулирования требует наличия гарантий у допрашиваемых лиц, констатация же отсутствия таких гарантий может рассматриваться как дефектное регулирование допроса в состязательном типе процесса. При этом таких эффективных гарантий для допрашиваемых лиц, балансирующих уголовно-процессуальные отношения, в действующем уголовно-процессуальном законе мы не находим. Это — традиция, идущая от УПК РСФСР 1960 г. Однако недействующий ныне закон, базировался на совершенно отличных от ныне действующего принципиальных положениях (началах) уголовного процесса. Естественно, что механизм уголовно-процессуального регулирования допроса должен соответствовать современным принципам уголовного судопроизводства.

Указанное выше дозволение применяется в зависимости от условий, предусмотренных в общих правилах проведения процессуальных действий следователем. Если имеется условие в виде обстоятельства, не терпящего отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ), то дозволение, предусмотренное в ч. 1 ст. 38 УПК РФ, ограничивается. При необходимости проведения допросов в ночное время включается способ запрета. Это может относиться к допросам свидетелей и потерпевших, находящихся в состоянии, угрожающем их жизни (наступления смерти). Закон запрещает производство допроса в ночное время. Если же условие в виде обстоятельства, не терпящего отлагательства, отсутствует, то дозволение, распространяющееся на следователя, оставляет свою силу в полном объеме на дневное для проведения допроса время.

Рассмотрение регулирования допроса в предварительном следствии с позиции примененного способа регулирования показывает допущенную законодателем модель с элементами свободного усмотрения следователя. Дозволение, предусмотренное законодателем как общее правило, в том числе и относительно регулирования допросов, имеет лишь два прямых исключения из этого общего правила в виде запретов. Основная же нормативная идея, реализованная в законе, ярко обозначается законодателем «свободой следователя» в допросе (ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Эта свобода является, однако, ограниченной. Так, например, помимо недопущения ночных допросов (если отсутствуют особые, оговоренные в законе,

условия) законодатель применяет способ регулирования, касающийся средств проведения допроса. Формально при проведении допроса так же запрещено:

- 1) Применение насилия (при этом использовано недифференцированное регулирование относительно психологического, физического, иного воздействия);
- 2) Применение угроз (вновь без классифицирования их относительно объектов, степени потенциальной опасности, момента и условий реализации, по иным критериям);
- 3) Применение иных незаконных мер, что можно понимать весьма широко: от запрета требовать от допрашиваемого военнопленного ограниченного объема сведений о личности (только фамилией, именем и званием, датой рождения и личным номером или, за неимением такового, другой равноценной информацией), предусмотренного в нормах абз. 1 ст. 17 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными), то есть ограничение предмета допроса, и до запрета реализации при допросе с участием психолога иной процессуальной задачи участия психолога в допросе помимо оказания им психологической помощи несовершеннолетнему допрашиваемому, обеспечения защиты прав и законных интересов допрашиваемого ребенка, предусмотренных Федеральными законами № 124 от 24 июля 1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации»;
- 4) Создание следователем опасности для жизни и здоровья допрашиваемого.

Приведенные выше в пунктах 1-4 нормативные положения, образуют содержание диспозиции нормы ч. 4 ст. 164 УПК РФ. Все они являют собой запрет и одновременно исключение из общего правила, определенного дозволением. Возникающая при этом нормативная модель представляет допрос как некоторую среду весьма широкой свободы допрашивающего, исключая (что в нормативной модели и не предполагается) насилие, угрозы, незаконные меры, опасность. В ней в регулировании допроса доминирует дозволение, определяющее режим процессуальной свободы следователя при проведении допроса (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Свобода допрашивающего есть та урегулированность (правовая определенность), которую законодатель придал допрашивающему — властному участнику уголовного судопроизводства. Эта свобода расширяет, по нашему мнению, круг регуляторов допроса, в который входит и юридическая лингвистика (закономерности использования речевых актов).

Такой процессуальный режим не исключает крайнюю ситуацию, а наш практический опыт и проведенные ранее научные исследования, к сожалению, это подтверждают, когда следователь, не нарушая запретов, в пределах своей свободы (произвола) прежде выполнит протокол допроса лица, а потом зафиксирует его

относительную истинность (удостоверенную подписью допрашиваемого или фонограммой показаний, основанных на прочитанном тексте).

Эмпирические исследования в рассматриваемой объектной области дают нам следующее знание.

В первую очередь отметим, что эмпирические данные собирались нами посредством почтовой рассылки анкет следователям Тюменской области, Пермского края, Свердловской области. В анкете в качестве одного из первых присутствовал вопрос «Процессуальное действие, в котором формулирование и использование вопросов для вас составляет *максимальную* трудность?». В качестве ответов можно было выбрать десять процессуальных действий вербального характера или сразу ответить: «трудностей нет», «затрудняюсь ответить».

В итоге получены следующие ответы: «Трудностей нет» — 39,25%; «Затрудняюсь ответить» — 9,35%. Совокупно около 48,6% опрошенных следователей не дали ответа на вопрос о процессуальном действии, в котором использование вопросов (а это, прежде всего, допрос) составляет для них максимальную трудность. При этом те следователи, которые дали ответ «затрудняюсь ответить», вероятно, производили выбор из вариантов «трудностей нет» и конкретным процессуальным действием, использование вопросов в котором составляло для них максимальную трудность, не выбрав фактически то процессуальное действие, при производстве которого у них возникают проблемы с использованием вопросов. Это, в принципе, может увеличивать показатель, сформированный ответами следователей, имеющий трудности в использовании вопросов при производстве процессуальных действий вербального характера.

Те же ответы, в которых следователи определились с максимальными трудностями использования вопросов, сформировали следующий рейтинг:

- А) Допрос специалиста. Около 29% опрошенных следователей имеют максимальные трудности в использовании вопросов при проведении этого вида допроса.
- Б) Допрос эксперта. Примерно 28% респондентов указали на это действие, в котором они имеют максимальные трудности при проведении этого вида допроса.
- В) Очная ставка. Около 27% считают это действие максимально трудным в части формулирования и использования вопросов.
- Г) Проверка показаний на месте. Лишь 13% опрошенных следователей полагают максимально трудным использование вопросов при производстве данного процессуального действия.
- Д) Допрос подозреваемого. 4% следователей имеют максимальные трудности в формулировании и использовании вопросов при проведении этого вида допроса.

- Е) Никто из опрошенных нами следователей не указал на наличие максимальных трудностей при формулировании и использовании вопросов в допросах свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, предъявлении для опознания. При этом наличие минимальных трудностей или трудностей среднего характера не исключается, хотя и не было задачей опроса.

Очевиден исследовательский вопрос, который мы предположили выше. Если в уголовно-процессуальном законе мы обнаруживаем лишь частичную урегулированность этого процессуального действия (допроса), то почему же практикующие следователи не усматривают проблем в производстве данного следственного действия?

Ответом же на сформулированный научный вопрос может быть гипотеза о том, что следователи-практики базируют свое понимание регулирования (регламентации) допроса без учета принципов уголовного судопроизводства и регулирующего воздействия на допрос (формулирование и использование вопросов в допросе) языковедения и речеведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Будур Н. В. Повседневная жизнь инквизиции в Средние века. М., 2011.
2. Зашляпин Л. А. Вопрос в допросе как процессуальное средство достижения истины // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудия: приложение к журналу «Уголовный процесс». 2015. № 1 (9).

ДОПРОС В ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Сборник статей по итогам
Всероссийского круглого стола.
30 ноября – 1 декабря 2018 года

Составители:

Калиновский Константин Борисович,
заведующий кафедрой уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия», кандидат юридических наук, доцент

Защляпин Леонид Александрович,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия», кандидат юридических наук

Технический редактор: Пронина А. С.
Корректор: Петрова Т. А.

ООО ИД «Петрополис»
1971001, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
Офис-центр 1, 5 эт., пом. 498, тел. 336-50-34
e-mail: info@petropolis-ph.ru
<http://www.petropolis-ph.ru>
<http://www.petrobook.ru>

Подписано в печать 15.04.2018 Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. 8, 625 п. л. Тираж 500. Заказ 31.
Отпечатано в типографии «Град Петров»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16.